

ISSN 2500-1523 (Print)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

T. 13

№ 1

2021

ISSN 2500-1523 (Print)
ISSN 2712-8059 (Online)

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал
Mongolian Studies
(Elista)

2021. Т. 13. № 1

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

(Монгол судлал)

Выходит 4 раза в год

Журнал «Монголоведение (Монгол судлал)» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76106 от 03.07.2019.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Издается с 2002 г.

Журнал «**Монголоведение**» — востоковедное издание историко-филологического направления. На страницах журнала освещаются вопросы истории, языка, фольклора и литературы монголоязычных народов, которые в основном проживают в Монголии, Китае и России. Публикуются материалы российских и зарубежных монголоведов: статьи, сообщения, комментированные переводы письменных памятников, устные нарративы с комментариями, рецензии, обзоры. Тематика журнала «Монголоведение» — история, этнология и антропология, источниковедение, языкознание, фольклористика, литературоведение.

Главная **цель** издания журнала — способствовать развитию академического монголоведения, имеющего более чем двухсотлетнюю историю, располагающего огромной источниковой базой и являющегося одним из важных и традиционных направлений востоковедения, а также развивать традиции, заложенные в российской монголоведной научной школе, и применять новые методы и приемы в исследовании актуальных проблем и вопросов монголоведения.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Выходит 4 раза в год.

Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования), включен в перечень рецензируемых изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология), языки, литература и фольклор монгольских народов

Подписной индекс: 39464

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved@kigiran.com;

Сайт: <https://mongoloved.kigiran.com/>

© Калмыцкий научный центр

Российской академии наук, 2021

© Коллектив авторов, 2021

MONGOLIAN STUDIES

Published four times a year

The Mongolian Studies journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 3, 2019.

Certificate of registration ПИ No. ФС77-76106.

ISSN 2500-1523 (Print)

ISSN 2712-8059 (Online)

Issued since 2002

The *Mongolian Studies* is an Orientalist journal focusing on historical and linguistic aspects. The articles published cover the questions of history, language, folklore, and literature of Mongolic peoples primarily residing in Mongolia, China, and Russia. Typologically, works authored by Russian and foreign Mongolists include as follows: scholarly articles, reports, commented translations of written monuments, commented oral narratives, reviews and surveys. The journal comprises a range of sections, such as History, Ethnology and Anthropology, Source Studies, Linguistics, Folkloristics, and Literary Studies.

The journal chiefly *aims* to facilitate further development of academic Mongolian studies as an important and traditional branch of Oriental studies in Russia that started over two centuries ago and are characterized by a widest source base. It also seeks to sustain research traditions of the Russian Mongolist school and apply new methods and techniques for the investigation of topical issues relating to Mongolian studies.

The journal publishes articles in Russian, Mongolian, Kalmyk, and English.

The journal is issued four times a year.

The journal is indexed with Russian Science Citation Index, and is included in the list of peer-reviewed publications that publish key scientific results of Candidate of Sciences and Doctor of Sciences theses.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies,
Ethnology and Anthropology);
Languages, Literature and Folklore of the Mongolian Peoples

Subscription index in Russian Catalogue: 39464

Founding Institution, Editorial office, Publisher —

Federal State Budgetary Institution of Science

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Founding Institution, Editorial Board, Publisher's address:

8, Ilishkin St., Elista 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7 (84722) 3-55-06, +7 (84722) 3-55-15

E-mail: mongoloved@kigiran.com;

Web-site: <https://mongoloved.kigiran.com/>

© Kalmyk Scientific Center of the
Russian Academy of Sciences, 2021

© Collective of authors, 2021

Главный редактор
д-р ист. наук **Э. П. Бакаева**,
Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

- д-р филол. наук **А. Алимаа**, Институт языка и литературы АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);
- д-р филол. наук **А. Бирталан**, Университет ELTE (Венгрия, г. Будапешт);
- д-р ист. наук **Ц. П. Ванчикова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);
- д-р филол. наук **Л. С. Дампилова**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);
- канд. филол. наук **Д. Н. Музраева**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Элиста);
- канд. филол. наук **В. В. Куканова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста);
- д-р ист. наук **Л. В. Курас**, Институт монголоведения, буддологии и
тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ);
- д-р ист. наук **К. В. Орлова**, Институт востоковедения РАН
(Россия, г. Москва);
- д-р филол. наук **Г. Ц. Пюрбеев**, Институт языкознания РАН
(Россия, г. Москва);
- д-р ист. наук **К. Хамфри**, Кембриджский университет
(Великобритания, г. Кембридж);
- д-р ист. наук **Н. Хишигт**, Институт истории и этнологии АН Монголии
(Монголия, г. Улан-Батор);
- д-р филол. наук **А. Д. Цендина**, Институт восточных культур и античности
РГГУ, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа
экономики», Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);
- канд. филол. наук **Р. М. Ханинова**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста);
- канд. филол. наук **Г. М. Ярмаркина**, Калмыцкий научный центр РАН
(Россия, г. Элиста).

Редактор (рус. яз.): Р. Г. Саряева
Переводчик: С. В. Джагрунов
Дизайн и верстка: Д. В. Татнинов
Ответственный секретарь: С. В. Мирзаева

Editor-in-Chief

E. P. Bakaeva, Dr. Sc. (History), Kalmyk Scientific Center of the RAS
(Russia, Elista);

Editorial Board:

- A. Alimaa**, Dr. Sc. (Philology), Institute of the Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences (Mongolia, Ulaanbaatar);
- A. Birtalan**, Dr. Sc. (Philology), ELTE University (Hungary, Budapest);
- L. S. Dampilova**, Dr. Sc. (Philology), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russia);
- C. Humphrey**, Dr. Sc. (History), University of Cambridge (Britain, Cambridge);
- D. N. Muzraeva**, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- R. M. Khaninova**, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- N. Khishigt**, Dr. Sc. (History), Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences (Mongolia, Ulaanbaatar);
- V. V. Kukanova**, Cand. Sc. (Philology) Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- L. V. Kuras**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russia);
- K. V. Orlova**, Dr. Sc. (History), Institute of Oriental Studies of the RAS (Russia, Moscow);
- G. Ts. Pyurbeev**, Dr. Sc. (Philology), Institute of Linguistics of the RAS (Russia, Moscow);
- A. D. Tsendina**, Dr. Sc. (Philology), Russian State University for the Humanities, Professor, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies of the RAS (Russia, Moscow);
- Ts. P. Vanchikova**, Dr. Sc. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russia);
- G. M. Yarmarkina**, Cand. Sc. (Philology), Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editor (Russ.): R. G. Saryaeva
Translator: S. V. Dzhagrunov
Design and page layout: D. V. Tatninov
Executive Secretary: S. V. Mirzaeva

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Почекаев Р. Ю.</i> Суд и процесс в памятниках традиционного монгольского права XVI–XVIII вв. (опыт сравнительно-правового анализа)	8
<i>Кузнецова Н. В.</i> Сакральный характер власти в Цинской империи и его проявление во внешней политике по отношению к Джунгарскому ханству и казахам . . .	22
<i>Цыдэнэ Ш. Ц.</i> М. Н. Богданов и Ц. Ж. Жамцарано о развитии капиталистических отношений в бурятском обществе в начале XX в.	41
<i>Гунаев Е. А.</i> Исторические аспекты административно-территориального устройства Калмыкии в контексте взаимоотношений с Астраханской областью по вопросу реабилитации калмыцкого народа	56

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

<i>Цыренова Н. Д.</i> Об одном архивном документе 1917 года по истории взаимоотношений между российским генеральным консульством в Монголии и правительством Богдо-гэгэна	68
--	----

ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

<i>Шкурская Е. А.</i> Дорожные ритуалы и запреты в русской и калмыцкой культуре в аспекте благополучия	85
---	----

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Баянова А. Т.</i> Семантика цветообозначения <i>хар</i> ‘черный’ в фольклорном тексте: лингвокультурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта)	96
<i>Дэмбэрэл К.</i> Государственная политика Монголии по отношению к монгольской письменности.	108

ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Тая Д.</i> Итоги экспедиций Университета Внутренней Монголии в Синьцзян: полевые записи песен «Джангара»	120
<i>Манджиева Б. Б.</i> Пролог эпического репертуара джангарчи Давы Шавалиева.	134
<i>Ханинова Р. М.</i> Баллада в калмыцкой поэзии XX в. в аспекте синтеза жанров.	147

РЕЦЕНЗИИ

<i>Кузьмин С. Л.</i> Рец.: Yu. Ishihama, M. Tachibana, R. Kobayashi, T. Inoue. The Resurgence of «Buddhist Government». Tibetan-Mongolian Relations in the Modern World. Osaka: Union Press, 2019, 242 + xiv pp.	168
---	-----

CONTENT

HISTORY

<i>Pochekaev R. Yu.</i> Legal Procedure in the Monuments of Traditional Mongolian Law, 16 th –18 th Centuries: An Attempted Comparative Legal Analysis	8
<i>Kuznetsova N. V.</i> The Sacral Nature of Power in the Qing Empire and Its Manifestation in Foreign Policy towards the Dzungar State and the Kazakhs	22
<i>Tsydene Sh. Ts.</i> M. N. Bogdanov and Ts. Zh. Zhamtsarano: On the Development of Capitalist Relations in Buryat Society during the Early 20 th Century	41
<i>Gunaev E. A.</i> Administrative and Territorial Structure of Kalmykia in the Context of Its Relations with Astrakhan Oblast on the Issue of the Kalmyk People’s Rehabilitation: Historical Aspects Revisited	56

SOURCE STUDIES

<i>Tsyrenova N. D.</i> History of Relationships between the Russian Consulate General in Mongolia and the Government of Bogdo Gegeen, 1917: One Archival Document Revisited	68
--	----

ETHNOLOGY & ANTHROPOLOGY

<i>Shkurskaya E. A.</i> Road Rituals and Taboos in Russian and Kalmyk Cultures: The Aspect of Well-Being	85
--	----

LINGUISTICS

<i>Bayanova A. T.</i> Semantics of the Color Term xap ‘Black’ in Folklore Texts: A Linguoculturological Aspect (A Case Study of Kalmyk Folktales Recorded by G. J. Ramstedt)	96
<i>Demberel K.</i> Classical Mongolian Script: State Policy Revisited.	108

FOLKLORE & LITERARY STUDIES

<i>Taya D.</i> Summarizing Outcomes of Inner Mongolia University’s Expeditions to Xinji- ang: Field Recordings of the Jangar Epic	120
<i>Mandzhieva B. B.</i> Jangarchi Dava Shavaliiev: The Prologue to Epic Narratives Revisited.	134
<i>Khaninova R. M.</i> Ballads in 20 th -Century Kalmyk Poetry: A Perspective from Genre Synthesis	147

REVIEWS

<i>Kuzmin S. L.</i> Book review: Yu. Ishihama, M. Tachibana, R. Kobayashi, T. Inoue. The Resurgence of “Buddhist Government”: Tibetan – Mongolian Relations in the Modern World. Osaka: Union Press, 2019, 242 p. + xiv pp.	168
--	-----

ИСТОРИЯ

УДК / UDC 340.13; 94(517)

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-8-21

Суд и процесс в памятниках традиционного монгольского права XVI–XVIII вв. (опыт сравнительно-правового анализа)

*Роман Юлианович Почекаев*¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (д. 17, ул. Промышленная, 198099 Санкт-Петербург, Российская Федерация) кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства

 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Почекаев Р. Ю., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье анализируются нормы памятников традиционного монгольского права XVI–XVIII вв., посвященные регулированию суда и процесса. *Цели и задачи исследования.* Целью исследования является анализ конкретных институтов процессуального права в позднесредневековой Монголии, а также их эволюции в течение рассматриваемого периода в разных регионах Монголии. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: 1) анализ норм процессуального права в монгольских правовых сводах конца XVI–XVIII вв.; 2) выявление сходств и различий в регулировании суда и процесса; 3) соотнесение содержания процессуальных норм исследуемых сводов с политической ситуацией; 4) прослеживание эволюции конкретных процессуальных институтов, проявившихся в этих памятниках, от более ранних к более поздним. *Материалы и методы.* Источниковую базу исследования составили правовые памятники, представляющие собой позднесредневековые монгольские кодификации — «Уложение Алтан-хана» (Южная Монголия, ок. 1588 г.), «Восемнадцать степных законов» (Халха, конец XVI – начало XVII в.), «Их Цааз» (Джунгарское ханство, 1640 г., и указы Галдана Бошогу-хана 1670-х гг.), «Халха Джирум» (Халха, XVIII в.). При исследовании автор опирался на исторические и юридические методы — источниковедческий, структурно-функциональный, сравнительно-исторический, формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой. *Результаты.* Отмечается неравномерное развитие регулирования процессуальных отношений на разных этапах. Какие-то аспекты оставались без изменений в течение всего рассматриваемого периода, другие подверглись весьма значительным изменениям. Это нашло отражение также в большей или меньшей детализации разных норм, посвященных организации и деятельности судебных структур, методам и средствам получения доказательств и пр. *Выводы.* Значительные изменения в монгольском процессуальном праве, касающиеся статуса органов, осуществляющих правосудие, были связаны с

политическими процессами — централизацией власти в Джунгарском ханстве, адаптацией князей Халхи к новым условиям — зависимости от империи Цин. Именно в этом направлении были сосредоточены усилия законодателей — составителей анализируемых сводов. Практически неизменный набор доказательств, использовавшихся в традиционном монгольском суде, позволяет сделать вывод, что это направление во многом базировалось на нормах традиционного степного права и, соответственно, в меньшей степени привлекало внимание законодателей на предмет внесения изменений в действовавшие правоотношения.

Ключевые слова: Монголия позднего средневековья, Джунгарское ханство, Халха, Южная Монголия, традиционное монгольское право, суд и процесс

Для цитирования: Почекаев Р. Ю. Суд и процесс в памятниках традиционного монгольского права XVI–XVIII вв. (опыт сравнительно-правового анализа) // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 1. С. 8–21. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-8-21

Legal Procedure in the Monuments of Traditional Mongolian Law, 16th –18th Centuries: An Attempted Comparative Legal Analysis

Roman Yu. Pochekaev¹

¹ National Research University Higher School of Economics (17, Promyshlennaya St., St. Petersburg 198099, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Professor, Head of Department for Theory and History of Law and State

0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Pochekaev R. Yu., 2021

Abstract. *Introduction.* Mongolian codifications of 16th–18th centuries are considered to be sources of customary law. But their structure and content prove the opposite as they were results of law-making by rulers and contained different rules on status and credentials of authorities. One of such fields was legal procedure which becomes an object for analysis in this article. *Goals and Objectives.* The goal of our research is analysis of procedural institutions in Mongolian codifications and their evolutions from the 16th to the 18th century. To achieve this goal, one should analyze procedural rules in these codifications, find their common and specific features, correlate the content of codifications with political situation in Mongolia and, at last, trace the evolution of procedural institutions. *Materials and Research Methods.* The sources for research are late medieval Mongolian legal codifications: the Code of Altan Khan, ruler of Tumet in Southern Mongolia (c. 1588), Eighteen Steppe Laws established at conferences of Khalkha rulers between the 1580s and 1620s, ‘Ik Tsaaz’ (‘The Great Code’) issued at the Congress of Oirat and Mongol princes in 1640 with additional edicts of the Zunghar ruler Galdan Boshugtu Khan in the 1670s and, finally, ‘Khalkha Jirum’ (‘The Code of Khalkha’) issued from 1709 to 1770 by conferences of rulers of the Northern Mongolia. To study this documents a number of research methods were used, namely: source study, structure functional analysis, comparative historical research, formal legal approach, historical legal method and comparative legal analysis. *Results.* The legal procedure developed irregularly during the examined period. The status and credentials of

authorities in the field of justice were substantially changed from the 16th throughout the 18th century, and that was connected with political processes in Mongolia. In particular, with centralization of power in the Zunghar Khanate in the 17th century and adaptation of Khalkha rulers to new political realities under the suzerainty of the Qing Empire since the end of the same century. As for other procedural institutions, such as evidences and their search, those remained, in fact, unchanged. That could be explained by that the procedural institutions were closer connected with customary law, and Mongolian rulers did not pay attention to their adaptation to the current situation. *Discussion.* However, the article is no more than a problem setting, and advanced research should include sources which still are not introduced into the scientific circulation: Code of the League of Kuku-Nor (late 17th century), court practice cases in the ‘Ulaan Hatsart’ (‘Red Notebook’, 19th – early 20th centuries). Besides that, another kinds of sources should be kept in mind, e. g., Manchurian law for Mongols (‘Tsaajin Bichig’ of the 17th century and ‘Lifanyuan Tse-li’ – Code of the Qing Ministry of Foreign Affairs, late 18th – early 19th centuries), Kalmyk legislation of the 18th century, Buryat law of 18th–19th centuries. These sources could help understand which procedural institution in the law of Mongolic peoples were kept unchanged and which ones were results of reception from the Russian or Chinese law.

Keywords: late medieval Mongolia, Zunghar Khanate, Khalkha, Southern Mongolia, traditional Mongolian Law, legal procedure

For citation: Pochekaev R. Yu. Legal Procedure in the Monuments of Traditional Mongolian Law, 16th–18th Centuries: An Attempted Comparative Legal Analysis. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13(1): 8–21. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-8-21

Введение

Монгольские кодификации конца XVI–XVIII вв. нередко рассматривают как своды записей обычного права. Однако анализ их структуры и содержания убеждает в обратном: они однозначно представляли собой результат законотворческой деятельности (индивидуальной или коллективной) монгольских правителей соответствующего периода. На это указывает присутствие в данных правовых памятниках разделов, весьма скрупулезно регламентирующих те сферы правоотношений, которые были связаны со статусом и полномочиями органов власти и управления различных уровней. Не последнее место среди них занимает регулирование отношений, связанных с судебной деятельностью, т. е. процессуальное право. Именно нормы, регулирующие эту специфическую сферу, привлекли наше внимание, поскольку их содержание, внимание к отдельным аспектам и институтам процессуальных правоотношений в значительной степени отражает специфику исследуемых правовых сводов, их соответствие (или несоответствие) сложившейся политической и социально-экономической ситуации в разных регионах Монголии в период появления и действия указанных памятников права.

История вопроса

Исследователи традиционного монгольского права неоднократно обращались к вопросам, связанным с регулированием в них суда и процесса. Первые, правда очень краткие, характеристики подобного рода мы встречаем уже в первые десятилетия XIX в., в частности — в компиляции Г. И. Спасского, посвященной обзору монголов и помещенной в издаваемом им «Сибирь-

ском вестнике», а также в «Историческом обозрении ойратов» Н. Я. Бичурина (о. Иакинфа) [[Спасский 1819: 46–47, 50–51, 55–56](#); [Бичурин 1991: 69, 109](#)]. Немногим более подробно правовой анализ подобного рода сведений был осуществлен и в последней четверти XIX в. российскими учеными — монголоведом К. Ф. Голстунским и правоведом Ф. И. Леонтовичем, впрочем, опиравшимися преимущественно на текст «Их Цааз» и более позднее калмыцкое законодательство [[Голстунский 1880](#); [Леонтович 1879](#)].

По мере введения в оборот более широкого круга источников исследователи стали более подробно характеризовать регулирование суда и процесса в юридических памятниках монголов. В первой трети XX в. появляется несколько обзорных работ, посвященных общей характеристике памятников монгольского права — это книги юристов Я. И. Гурлянда, В. А. Рязановского и Г. К. Гинса, в которых анализируются основные монгольские своды законов, а также некоторое внимание уделяется и содержанию процессуальных норм [[Гурлянд 1904: 81–82](#); [Рязановский 1931: 43, 44, 62–64](#); [Гинс 1932: 21](#)].

В советский период были введены в оборот новые переводы основных правовых памятников, на которых и современные исследователи основывают свои знания о традиционном монгольском праве — «Их Цааз» и «Халха джирум» [[Их Цааз 1981](#); [Халха Джирум 1965](#)].

С 1990-х гг. А. Д. Насилов работал с текстом правового памятника Халхи рубежа XVI–XVII вв., известного под названием «Восемнадцать степных законов», перевод которого он издал в 2001 г., снабдив подробным историко-правовым комментарием, обратив внимание и на процессуальные нормы [[Восемнадцать 2002: 86–88](#)]. Кроме того, в процессе работы с этим текстом он также опубликовал обзор процессуального права в памятниках XVII в. [[Насилов 1993](#)], который, несмотря на свою краткость, вероятно, следует считать первым специальным исследованием по данной тематике.

В 2011 г. опубликован русский перевод южно-монгольского правового памятника конца 1580-х гг. «Уложение Алтан-хана» на основе монгольской публикации Ш. Биры и его английского перевода [[Почекаев 2011](#)].

Из наиболее близких по тематике исследования работ также следует упомянуть труд Г. Ц. Пюрбеева, который осуществил детальный филологический анализ памятника «Халха Джирум», в том числе специально выделив раздел, посвященный судебной и процессуальной лексике [[Пюрбеев 2012: 28–31](#)].

Наконец, несколько лет назад вышла еще одна обзорная работа по историографии монгольского государства и права, подготовленная С. Ж. Дугаровой на основе ее же докторской диссертации¹. В ней также затронуты вопросы, связанные с проблемами регулирования процессуальных отношений в отдельных монгольских памятниках [[Дугарова 2016: 233](#)].

Таким образом, на сегодняшний день можно констатировать, что исследователи обращались к проблемам регулирования суда и процесса в традиционных монгольских памятниках в двух основных вариантах. Первый состоял в исследовании конкретного памятника, и процессуальные нормы характеризовались специалистами в общем контексте содержания такого текста (К. Ф. Голстунский, Ф. И. Леонтович, А. Д. Насилов, Г. Ц. Пюрбеев). Второй

¹ Разбор достоинств и недостатков этого издания см. подробнее: [[Почекаев 2017](#)].

вариант представлял собой обзор различных памятников права, и исследователи так или иначе затрагивали, а нередко и просто упоминали, регулирование в них отношений суда и процесса (Я. И. Гурлянд, В. А. Рязановский, Г. К. Гинс, С. Ж. Дугарова).

Попыток сравнения различных памятников на предмет соотношения в них процессуально-правовых норм, насколько нам известно, специально не предпринималось. Единственное исключение — несколько публикаций российского востоковеда А. Ш. Кадырбаева, который провел сравнительный анализ памятников монгольского права — но не между собой, а с современными им казахскими правовыми сводами. Тем не менее некоторые его выводы представляются весьма интересными и полезными — в частности, об отражении процесса централизации власти в Джунгарском ханстве в организации судебной деятельности, а также в отношении сходных черт суда зайсанов у ойратов и биев у казахов [Кадырбаев 2016: 33; Кадырбаев 2017: 5].

Материалы и методы исследования

В настоящем исследовании предпринимается попытка анализа регулирования суда и процесса в ряде памятников традиционного монгольского права — «Уложении Алтан-хана» (ок. 1588 г.) [Почекаев 2011], «Восемнадцати степных законов (конец XVI – начала XVII в.)» [Восемнадцать 2002], «Их Цааз» (1640 г.) [Их Цааз 1981], «Халха Джирум» (XVIII в.) [Халха Джирум 1965]. Нашей целью является выявление норм и принципов монгольского процессуального права в каждом из них, сравнение их между собой и в итоге — общая характеристика этой сферы правоотношений в монгольских правовых реалиях XVI–XVIII вв.

Междисциплинарный характер исследования обусловил использование различных исторических и юридических методов. Источниковедческий метод позволяет провести общий анализ исследуемых исторических (историко-правовых) памятников, причин и обстоятельств их появления. Структурно-функциональный метод дает возможность понять особенности судебной деятельности органов власти и управления позднесредневековой Монголии. Сравнительно-исторический метод обеспечивает сопоставление условий принятия и действия конкретных исследуемых историко-правовых документов. Формально-юридический подход позволяет рассмотреть институты традиционного монгольского права в терминах и категориях современной науки права и процесса. Историко-правовой метод обеспечивает лучшее понимание специфики осуществления правосудия в Монголии XVI–XVIII вв. в конкретных политических и социально-экономических условиях. Сравнительно-правовой метод позволяет выявить общие и специфические черты правового регулирования суда и процесса в различных исследуемых юридических памятниках.

Суд и процесс в «Уложении Алтан-хана»

Обратившись к наиболее раннему памятнику из интересующих нас — «Уложению Алтан-хана», появившемуся в 1580-х гг. в южно-монгольской области Тумэт, мы с удивлением обнаруживаем, что в нем практически отсут-

ствуют нормы процессуального характера². Из 115 статей лишь две могут быть косвенно отнесены к сфере суда и процесса: ст. 1, предусматривавшая возможность полюбовного соглашения сторон в случае убийства, и ст. 70, в которой устанавливалась ответственность за ложные показания, если на их основании выносился обвинительный приговор. Как видим, даже в этих случаях процессуальные отношения не являются основным содержанием, а лишь дополняют нормы уголовно-правового характера.

Что могло послужить причиной отсутствия? Ею, в частности, могло стать то, что отражено в поддерживаемом рядом ученых (в том числе и Ш. Бирой) мнении, что Уложение стало кодификацией норм обычного права, и тогда становится понятным, почему в нем так много материальных норм, позволяющих разрешать спорные частноправовые вопросы и уголовно-правовые конфликты, но отсутствуют нормы, регламентирующие статус органов, к которым могли бы обращаться заинтересованные лица для их разрешения. Также не стоит забывать, что Уложение принималось в условиях, когда в Монголии существенно трансформировалась система власти и управления, связанная с принятием буддизма в качестве государственной религии, формировался особый статус буддийского духовенства, включая и его высшую иерархию³. Думаем, что в этих обстоятельствах сами законодатели не были уверены в том, в каком порядке и с участием каких представителей властей могут разрешаться споры. Соответственно, в текст правового свода были включены наиболее общераспространенные нормы, а все «подводные камни» (к каковым относился и судебный процесс) оказались за его пределами.

Процессуальное право в «Восемнадцати степных законах»

В следующем памятнике, «Восемнадцать степных законов», эта сфера регламентируется достаточно подробно. Причем если в одних законах процессуальным отношениям уделяется всего лишь один пункт, то в других они регулируются с гораздо большей степенью детализации. Большинство интересующих нас положений посвящено процедуре доказывания. Безусловно, главным доказательством являлось признание самого подозреваемого или обвиняемого, при этом, если он уже ранее был признан виновным, к нему применялись строгие санкции в случае отпирательства — штраф в количестве трех овец, а после вторичного — в виде лошади (VII⁴), арест на трое суток, после чего — также штраф в виде одной лошади, затем — 8 лошадей (XVII).

Группа статей посвящена статусу свидетелей, поскольку их показания являлись одним из наиболее распространенных и важных видов доказательств: свидетелям не разрешалось делать замечаний во время разбирательства (II, п. 3), убийство свидетеля являлось отягчающим обстоятельством, предусматривалась ответственность не только за его убийство, но и за покушение на

² Эта особенность такого, в общем-то, всеобъемлющего кодекса законов уже отмечалась исследователями [Почекаев 2011: 137–138; Дугарова 2016: 269].

³ Подтверждением этому служит практически одновременное с «Уложением Алтан-хана» появление так называемого «Закона Хутуктай-Сэчена» и сочинения «Белая история» в редакции того же Хутуктай-Сэчена-хунтайджи [Почекаев 2013; Почекаев 2019].

⁴ Здесь и далее в круглых скобках указывается номер закона (римскими цифрами) и/или отдельной статьи (арабскими цифрами), относящихся к анализируемому правовому памятнику.

такое (VIII, пп. 4, 5). Свидетеля во время процесса полагалось кормить (VIII, п. 6), что, видимо, должно было стимулировать очевидцев преступления к даче показаний в суде. Вместе с тем ряд норм предусматривал ответственность и самих свидетелей — за недостоверные показания в виде «девятки» (II, п. 3) и за клевету (XVI, п. 20).

В случае отсутствия или недостатка достоверных доказательств в монгольском суде достаточно широко прибегали к присяге. Сам памятник не содержит сведений о присяге, но о том, как она приносилась, сообщают путешественники. Например, Г. Н. Потанин сообщает, что «ставили два столба с перекладиной, на которую вешали: женские штаны, плеть, путы, череп человеческий и два камня — черный и белый, каждый весом в лан, завязанные в дабу; эта постройка называлась шокшиг» [Потанин 1881: 117]. Соответственно, если испытуемый проходил под перекладиной, не коснувшись ни одного из предметов, он считался невиновным. В противном случае его признавали виновным и штрафовали (II, п. 10; XIII, п. 3). Вообще, присяга использовалась довольно часто, и, как следствие, широко регламентировались случаи ее применения: так, свидетель мог присягнуть, что его пытались убить (VIII, п. 5), дарга приносил присягу в случае обвинения его подчиненных в краже лошадей (X, п. 1), шуленга — в том, что не было возможности воспрепятствовать бродячему скоту произвести потраву (XIII, п. 3), и пр. Естественно, в случае установления факта принесения ложной присяги такое лицо сурово штрафовалось.

Что касается других аспектов процессуальных правоотношений, то они практически не затронуты в этом законодательстве. Лишь в одном случае речь идет о подсудности дел: нойонов, затеявших ссору между собой или угнавших скот монахов, должны были судить соседние нойоны (XIV, п. 2). Это — отражение принципа суда равных, характерного для традиционных сословных обществ⁵.

Таким образом, «Восемнадцать степных законов» уделяют внимание доказательствам и процессу их получения, однако практически не содержат сведений об организации и деятельности органов, осуществлявших правосудие, что неудивительно. Во-первых, все эти законы принимались разными лицами и в разное время, соответственно, есть основания полагать, что они могли не распространяться на всю Халху. Во-вторых, они отражают процесс феодальной раздробленности Северной Монголии, в условиях которой четко определить статус тех или иных властных структур было попросту невозможно, а властные (и, соответственно, судебные) полномочия в своих владениях осуществляли представители феодальной знати.

Регулирование процессуальных отношений в «Их Цааз» и дополнениях к нему

Совершенно иная ситуация отражена в следующем анализируемом нами памятнике — своде законов «Их Цааз», принятом в 1640 г. и в дальнейшем широко применявшемся у ойратов и калмыков. Безусловно, ряд норм этого памятника во многом сходен с положениями «Восемнадцати степных законов»,

⁵ Этот принцип подчеркивается тем, что нойоны в данном случае не обязательно были носителями власти, а лишь лицами благородного происхождения [Скрынникова 2016: 164–165].

отличавшихся, разве что, некоторыми нюансами. Среди них, в частности, важность свидетельских показаний в случае изобличения вора (п. 101), спора о возвращении долга (п. 102), ответственность за клевету в суде (п. 157). Важность свидетельских показаний подчеркивается тем, что свидетеля в этом памятнике предписывается не кормить во время разбирательства, а награждать частью суммы иска — от девятка скота и более (п. 177). Сходны и положения, касающиеся присяги: присяга старосты (дарги) или шуленги по поводу украденного в их поселении скота (п. 101, 150), либо самого подозреваемого или его обвинителя (п. 170).

Сословный характер «Их Цааз» нашел отражение в пункте о том, что рабыня не могла выступать свидетелем — за исключением случаев, когда она приносила мясо и кости украденного животного (п. 169), т. е. не столько выступала свидетелем, сколько обеспечивала наличие «вещественных доказательств», которые в более ранних памятниках не фигурируют.

Однако обращает на себя внимание наличие в «Их Цааз» и особенно в дополняющих его двух указах Галдана Бошогту-хана 1670-х гг.⁶ гораздо более детальное регулирование статуса властных органов в суде и их процессуальных полномочий (см. также: [Насилов 1993: 39]). Так, п. 101 предусматривает проведение следственных действий в случае отсутствия свидетельских показаний по делу о краже скота, второй указ Галдана — по спорам между ойратами и мусульманами (п. 3), п. 181 — проведение обыска у подозреваемого и ответственность лиц, препятствующих этой процедуре. Согласно п. 180 «Их Цааз» и п. 9 первого указа Галдан-хана, в суде должны были присутствовать оба тяжущихся, за неявку после трех вызовов нарушитель штрафовался на одну лошадь.

В первом указе Галдан-хана также предписывается производить суд в определенном месте (п. 11): на основании свидетельств иностранных путешественников можно сделать вывод, что он осуществлялся при ставке либо руководителя местной администрации, либо самого хана (хунтайджи).

Указы Галдана также предусматривали ответственность самих судей: отстранение от обязанностей за трижды вынесенные неправильные решения (I, п. 13), принятие взятки, предусматривавшее возврат полученного, а в ряде случаев — и в двойном размере (II, п. 5).

Тот факт, что среди подданных ойратских монархов были не только ойраты-буддисты, но и мусульманские жители Восточного Туркестана и других регионов, нашел отражение в наличии местных судов, разбиравших дела, если спор возникал между жителями одного селения. Если же стороны представляли жителей разных селений или, тем более, одной из них был мусульманин, а другой — ойрат, то такое дело был подсудно уже «главным судом» («Ехэ дзарга») (II, п. 4, 6).

Вполне можно согласиться с мнением, что столь существенная регламентация статуса самих органов, осуществляющих правосудие в Джунгарском ханстве, отражает гораздо большую централизацию власти в этом государстве, развитость аппарата власти и управления и, соответственно, распространения процессуальных предписаний на всех подданных ойратских монархов [Злат-

⁶ Второй из этих указов точно датируется 1678 г.

кин 1983: 265; Кадырбаев 2016: 33]. Подобное регулирование, характеризующее исследователями как четкое и однозначное, резко контрастирует не только с более ранними правовыми текстами — «Уложением Алтан-хана» и «Восемнадцатю степными законами», но и более поздним сводом «Халха Джирум».

Суд и процесс в Халха Джирум

Это неудивительно: ведь этот правовой памятник, подобно «Восемнадцати степным законам», не был сводом законов, составленным одним законодателем и единовременно — это сборник правовых предписаний, принятых в разное время и различными группами представителей халхаской знати. Многие процессуальные нормы в этом памятнике в значительной части являются рецепцией из более раннего законодательства, другие носят казуальный характер. Пожалуй, самым ярким примером последнего является самый последний из законов, вошедших в памятник: принцип опоры судей на собственное усмотрение базируется на конкретном деле — иске к некоему Цэвану по поводу заражения своим больным скотом стада Хамбо-номун-хан-ламы и вынесении по нему решения судом во главе с Тушэту-ханом в 1770 г. (XXIV).

Тот факт, что Халха в XVIII в. не являлась единым государством с законодательством, распространявшимся в равной степени на все население, находит отражение в присутствии специальных норм для разных социальных групп — нойонов и сайдов, монахов (и их различных категорий), харачу, албату и пр.

Любопытно, что в законах, принятых в более ранний период, больше внимания уделялось именно организации судебной деятельности и статусу лиц, осуществлявших правосудие. Вероятно, тем самым подчеркивалось понимание монгольской знатью наличия существенных пробелов в данной сфере правоотношений и намерение устранить их, что было особенно актуально в условиях выстраивания властных отношений в Монголии под маньчжурским сюзеренитетом. Достичь этого можно было, в том числе с помощью заимствований из джунгарского и, вероятно, маньчжурского опыта.

Так, был зафиксирован принцип беспристрастности судей (IV, ст. 54), скорее всего, позаимствованный из второго указа Галдан-хана, ответственность за рассмотрение дела судьей в состоянии алкогольного опьянения (IV, ст. 55). Судьям, принявшим дело к рассмотрению, предписывалось установить точное время разбирательства, что имело следствием ответственность за неявку на суд (IV, ст. 56). Также стали регламентироваться действия суда после вынесения решения: оценка благосостояния лица, проигравшего дело, для определения взимания с него судебных издержек и требование взимать эти издержки в казну государства или монастыря — в зависимости от подсудности дела (IV, ст. 57; VII, ст. 9).

Попытки ограничить самовластие нойонов, в том числе и в судебной сфере, нашли отражение в ст. 1 закона XIV 1709 г.: нойон, побивший своего подданного за провинность, а лишь затем подавший на него в суд, мог в случае победы рассчитывать лишь на половину обычного штрафа.

Многие положения, связанные с получением и оценкой доказательств, сохранились в неприкосновенном виде со времен еще «Восемнадцати степных

законов». Это статьи о свидетелях, их показаниях, вознаграждении им (VII, ст. 7), о присяге и ответственности, если она окажется ложной (IV, ст. 28; VII, ст. 11, XIII, п. 24). Любопытно, что присяга теперь могла приноситься не только в процессе разбирательства, но и по его итогам: приговоренный к штрафу имел право поклясться, что у него недостаточно скота для его уплаты (XIII, п. 24).

Вместе с тем некоторые нормы отражают переход к более развитым экономическим отношениям — вероятно, под китайским влиянием. Так, например, в случае поступления иска о займе судьям следует удостовериться, что сам договор был заключен в присутствии хана, шанзотбы или вана, иначе такое дело не принималось к рассмотрению по формальному признаку (XVIII, ст. 1).

Выводы

Результаты проведенного анализа позволяют сделать вывод, что в течение XVI–XVIII вв. монгольское процессуальное право развивалось неравномерно. Наибольшим изменениям подверглись его положения, касавшиеся организации и деятельности судебных структур, статуса представителей власти, осуществлявших правосудие, их прав, обязанностей и ответственности. Изменение положений, касающихся организации судебной системы, свидетельствует о достаточно оперативном отражении в праве политических и властных процессов, происходивших в Джунгарском ханстве в XVII в. и в Халхе в XVIII в. Что же касается системы доказательств, их получения и оценки, то она на протяжении всего рассматриваемого периода остается практически неизменной. Вероятно, именно в этом аспекте монгольские законодательные своды опирались на обычное степное право, ставшее, по мнению ряда исследователей [Бичурин 1991: 69; Леонтович 1879: 18; Рязановский 1931: 41], основой для всех этих кодификаций⁷.

При этом джунгарское законодательство, несомненно, являлось более эффективным в силу своей единовременной разработки и принятия. Тогда как памятники права Халхи свидетельствовали, что даже в условиях институционализации системы власти и управления она так и не стала единым государством, соответственно, ее правители не сумели (а возможно, и не преследовали цель) разработать и внедрить единое процессуальное законодательство для всей Внешней Монголии.

Безусловно, проведенный анализ нельзя считать исчерпывающим — ведь речь идет только о немногочисленных правовых памятниках, введенных в русскоязычный научный оборот. Полагаем, что наше представление о регулировании суда и процесса могло бы быть расширено за счет пока еще не переведенных с монгольского языка памятников — таких, например, как «Свод законов чуулгана (сейма) Куку-Нора» (1685 г.) [Tsengel 2009], создателями которого стали хошоутские правители, близкие к монархам Джунгарского ханства, разработавшим «Их Цааз» и дополнения к нему, а также сборник судеб-

⁷ В дополнение можно отметить, что и маньчжуры, установившие с конца XVII в. контроль над Халхой, вероятно, не стремились изменить доказательственную систему в монгольском праве, поскольку эти же виды доказательств, в том числе и присяга, были широко распространены и в их собственном праве [Heuschert-Laage 2020].

ных постановлений «Улаан хацарт», при вынесении которых судьи опирались на «Халха джирум»⁸.

Также перспективным продолжением начатого исследования автор видит изучение особенностей регулирования суда и процесса, во-первых, в маньчжурском законодательстве для монголов — «Цааджин бичиг» (XVII в.) и «Ли-фаньюань цзе-ли» (конец XVIII – первая четверть XIX в.), во-вторых, в калмыцком законодательстве XVIII–XIX вв., правовых памятниках бурят в составе Российской империи. К числу важнейших вопросов в рамках таких исследований будет относиться степень заимствования норм, принципов, институтов, соответственно из процессуального права Цинской и Российской империй⁹ и соотнесения процессуальных норм этих источников права с соответствующими положениями монгольских правовых памятников, послуживших предметом настоящего анализа, который мы в значительной степени рассматриваем как постановку проблемы¹⁰.

Литература

- Бичурин 1991 — *Бичурин Н. Я. (Иакинф)*. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 127 с.
- Восемнадцать 2002 — Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI–XVII вв. / пер. с монг., коммент. и исслед. А. Д. Насилова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 160 с.
- Гинс 1932 — *Гинс Г. К.* Монгольская государственность и право в их историческом развитии. Харбин: [б. и.], 1932. 53 с.
- Голстунский 1880 — *Голстунский К. Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-даши. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1880. 182 с.
- Гурлянд 1904 — *Гурлянд Я. И.* Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань: Типолитография Императорского ун-та, 1904. 112 с.
- Дугарова 2016 — *Дугарова С. Ж.* Историография монгольского государства и права (XIII – начало XIX в.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. 332 с.
- Жамцарано, Турунов 1920 — *Жамцарано Ц., Турунов А.* Обозрение памятников писаного права монгольских племен // Сборник трудов Государственного Иркутского университета. Вып. 6. 1920. С. 1–13.
- Златкин 1983 — *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758). 2-е изд. М.: Наука, 1983. 333 с.
- Их Цааз 1981 — Их Цааз («Великое уложение»): Памятник монгольского феодального права XVII в. / пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова М.: Наука, 1981. 147 с.

⁸ Впрочем, судя по характеристике «Улаан хацарт», данной Ц. Ж. Жамцарано и А. Н. Туруновым, а также Ш. Нацагдоржем, этот памятник содержал исключительно краткие версии судебных решений по конкретным делам, представлявшим интерес как прецеденты (удаа), так что он, скорее, может быть актуален в рамках изучения монгольского уголовного, а не процессуального права [Жамцарано, Турунов 1920: 2–3; Улаан хацарт 1961: 4–5 и след.].

⁹ Влияние ойратских законов 1640 г. на калмыцкое судопроизводство уже являлось предметом исследований [Команджаев 2004; Команджаев 2005].

¹⁰ Несомненно, большое значение может иметь также привлечение документов судебной практики монголов, в которой нашло отражение применение тех или иных положений процессуального права. Ярким примером подобного подхода являются, в частности, case-studies Ч. Р. Боудена [Bawden 1969a; Bawden 1969b].

- Кадырбаев 2016 — *Кадырбаев А. Ш.* Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казахами в эпоху Цин // *Mongolica-XVII*: Сб. статей. СПб.: Петербургское востоковедение, 2016. С. 30–34.
- Кадырбаев 2017 — *Кадырбаев А. Ш.* Правовые и культурные взаимосвязи калмыков Джунгарии и Поволжья, халхасцев с казахами: XVII–XVIII вв. // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2017. Т. 33. № 5. С. 2–10.
- Команджаев 2004 — *Команджаев Е. А.* Судебный процесс в Калмыкии в XVII–XVIII вв. // *Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований*. 2004. № 2. С. 80–86.
- Команджаев 2005 — *Команджаев Е. А.* Монголо-ойратские законы 1640 г. как источник права калмыков XVII–XIX вв. // *Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований*. 2005. № 1. С. 122–130.
- Леонтович 1879 — *Леонтович Ф. И.* К истории права русских инородцев: Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик) // *Записки Императорского Новороссийского университета*. Т. XXVIII. 1879. Приложение. С. 1–282.
- Насилов 1993 — *Насилов А. Д.* Процессуальное право монголов в XVII в. // *История и культура народов Центральной Азии*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1993. С. 35–40.
- Потанин 1881 — *Потанин Г. Н.* Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах. Вып. 2. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1881. 181+87 с.
- Почекаев 2011 — *Почекаев Р. Ю.* Уложение Алтан-хана — монгольский правовой памятник второй половины XVI века // *Правоведение*. 2011. № 1. С. 119–139.
- Почекаев 2013 — *Почекаев Р. Ю.* Закон Хутуктай-Сэчена и особенности развития монгольского права на рубеже XVI–XVII вв. // *Правоведение*. 2013. № 1. С. 204–224.
- Почекаев 2017 — *Почекаев Р. Ю.* Рец. на: Дугарова С. Ж. *Историография монгольского государства и права (XIII – начало XIX в.): монография*. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2016. 332 с. // *Mongolica-XVIII*. 2017. С. 91–94.
- Почекаев 2019 — *Почекаев Р. Ю.* Политико-правовые взгляды Хутуктай-Сэчен-хунтайджи (По данным «Белой истории») // *Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов*. Сб. докл. III междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 20–22 апреля 2017 г.). СПб.; Улан-Батор: [б. и.], 2019. С. 107–120.
- Пюрбеев 2012 — *Пюрбеев Г. Ц.* Памятник монгольского права XVIII в. «Халха Джирум». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. М.; Калуга: Эйдос, 2012. 270 с.
- Рязановский 1931 — *Рязановский В. А.* Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин: Тип. Н. Е. Чинарева, 1931. 306+42 с.
- Скрынникова 2016 — *Скрынникова Т. Д.* Нойоны Халхи XVII в. // З. К. Касьяненко — учитель и монголовед: мат-лы Междунар. конф., посв. 90-летию российского монголоведа З. К. Касьяненко (г. Санкт-Петербург, 30 сентября – 1 октября 2015 г.). СПб.; Улан-Батор: ИВР РАН, ИЯЛ МАН, 2016. С. 160–168.
- Спасский 1819 — *[Спасский Г. И.]* Собрание сведений о Сибири и странах, сопредельных с оной // *Сибирский вестник*. 1819. Ч. 6. С. 45–84.
- Улаан хацарт 1961 — *Улаан хацарт / Хэвл. Ш. Нацагдорж (= Красная обложка / Изд. Ш. Нацагдорж)*. Ulanbator, 1961. 15+139 х.
- Халха Джирум 1965 — *Халха Джирум: Памятник монгольского феодального права XVIII в. / пер. Ц. Жамцарано, ред., введ. и прим. С. Д. Дылыкова*. М.: Наука, 1965. 340 с.

- Bawden 1969a — *Bawden C. R.* A Case of Murder in Eighteenth-Century Mongolia // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. 32. No. 1. 1969. Pp. 71–90.
- Bawden 1969b — *Bawden C. R.* The Investigation of a Case of Attempted Murder in Eighteenth-Century Mongolia // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, Vol. 32. No. 3. 1969. Pp. 571–592.
- Heuschert-Laage 2020 — *Heuschert-Laage D.* The Role of Oaths in Seventeenth-Century Manchu-Mongolian Political Culture // *Mongolica*. Т. XXIII. 2020. № 1. С. 10–17.
- Tsengel 2009 — *Tsengel H.* Көкебайур-ун чигүүлэн-у чагаја-yin бициг (= Свод законов Кукунорского сейма). Beijing: [s. n.], 2009. 521 kh.

References

- Bawden C. R. A Case of murder in eighteenth-century Mongolia. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1969. Vol. 32. No. 1. Pp. 71–90. (In Eng.)
- Bawden C. R. The investigation of a case of attempted murder in eighteenth-century Mongolia. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 1969. Vol. 32. No. 3. Pp. 571–592. (In Eng.)
- Bichurin N. Ya. (Hyacinth). Historical Survey of the Oirats (or Kalmyks): From the 15th Century AD to the Present. Elista: Kalmyk Book Publ., 1991. 127 p. (In Russ.)
- Dugarova S. Zh. Historiography of the Mongolian State and Law: 13th – Early 20th Centuries. Ulan-Ude: Buryat State University, 2016. 332 p. (In Russ.)
- Gins G. K. Mongolian State and Law in Their Historical Development. Harbin, 1932. 53 p. (In Russ.)
- Golstunsky K. F. Mongol-Oirat Laws of 1640, Additional Edicts of Galdan Hong Tayiji and Laws Established for Volga Kalmyks during the Reign of Kalmyk Khan Donduk-Dashi. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1880. 182 p. (In Russ.)
- Gurlyand Ya. I. Steppe Legislation: From Ancient Times to the 17th Century. Kazan: Imperial Kazan University, 1904. 112 p. (In Russ.)
- Heuschert-Laage D. The role of oaths in seventeenth-century Manchu-Mongolian political culture. *Mongolica*. 2020. Vol. XXIII. No. 1. Pp. 10–17. (In Eng.)
- Ikh Tsaaz ('The Great Code'): A Monument of the 17th-Century Mongol Feudal Law. Dylykov S. D. (transl., foreword, etc.). Moscow: Nauka, 1981. 147 p. (In Russ.)
- Kadyrbaev A. Sh. Legislative and cultural relations of Kazakhs with Kalmyks of Dzungaria, Volga Kalmyks and Khalkha Mongols during the 17th–18th centuries. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Oriental Studies)*. 2017. Vol. 33. No. 5. Pp. 2–10. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2017-33-5-2-10
- Kadyrbaev A. Sh. Monuments of steppe legislation 'Jeti-Jargy', 'Ikh Tsaaz', 'Tsaadzhin Bichig' and cultural relations of Oirats, Kalmyks, Khalkha with Kazakhs during the Qing period. *Mongolica*. 2016. Vol. 17. Pp. 30–34. (In Russ.)
- Khalkha Jirum: A Monument of 18th-Century Mongolian Feudal Law. S. Dylykov (ed.), Ts. Zhamtsarano (transl.). Moscow: Nauka, 1965. 340 p. (In Russ.)
- Komandzhaev E. A. Legal procedure in Kalmykia: 17th–18th centuries. *Vestnik Kalmytskogo instituta sotsial'no-ekonomicheskikh i pravovyykh issledovaniy*. 2004. No. 1. Pp. 80–86. (In Russ.)
- Komandzhaev E. A. Mongol-Oirat laws of 1640 as a source on 17th–19th century Kalmyk law. *Vestnik Kalmytskogo instituta sotsial'no-ekonomicheskikh i pravovyykh issledovaniy*. 2005. No. 1. Pp. 122–130. (In Russ.)
- Leontovich F. I. Revisiting the history of law among non-Russians: the ancient Mongol-Kalmyk (or Oirat) Code of Penalties (Tsaajin Bichik). *Zapiski Imperatorskogo Novorossiyskogo universiteta*. 1879. Vol. 28. Supplement. Pp. 1–282. (In Russ.)

- Nasilov A. D. Procedural Law of Mongols in the 17th c. In: History and Culture of Central Asian Peoples. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 1993. Pp. 35–40. (In Russ.)
- Natsagdorj Sh. (publ.) The Red Cover. Ulaanbaatar, 1961. 15+139 p. (In Mong.)
- Pochekaev R. Yu. Code by Altan Khan — Mongol legal monument of the second half of the 16th century. *Pravovedenie*. 2011. No. 1. Pp. 119–139. (In Russ.)
- Pochekaev R. Yu. Book review: Dugarova S. Zh. Historiography of the Mongolian State and Law, 13th – Early 20th Centuries. Monograph. Ulan-Ude: Buryat State University, 2016. 332 p. *Mongolica*. Vol. 18. 2017. Pp. 91–94. (In Russ.)
- Pochekaev R. Yu. Political and legal views of Qutuqtai-Setsen Hong Tayiji (on a base of ‘The White History’). In: Cultural Heritage of the Mongols. Manuscripts and Archival Collections. Conference Proceedings (St. Petersburg; April 20–22, 2017). St. Petersburg; Ulaanbaatar, 2019. Pp. 107–120. (In Russ.)
- Pochekaev R. Yu. The law of Qutuqtai-Setsen and specific features of development of the Mongolian law: late 16th – 17th centuries. *Pravovedenie*. 2013. No. 1. Pp. 204–224. (In Russ.)
- Potantin G. N. Essays on Northwestern Mongolia: Summarizing Results of the 1876–1877 Trip. Vol. 2: Ethnographic Materials. St. Petersburg: V. Kirschbaum, 1881. 181+87 p. (In Russ.)
- Pyurbeev G. Ts. ‘Khalkha Jirum’: A Monument of 18th-Century Mongolian Law. Vocabulary, Grammar, Transliterated Text. Moscow; Kaluga: Eydos, 2012. 270 p. (In Russ.)
- Ryazanovsky V. A. Mongolian Law, Predominantly Customary One. Harbin: N. Chinarev, 1931. 306+42 p. (In Russ.)
- Skrynnikova T. D. The noyons of Khalkha, 17th century. In: Z. K. Kasyanenko – the Teacher and Mongolist. Conference Proceedings (St. Petersburg; September 30 – October 1, 2015). St. Petersburg; Ulaanbaatar, 2016. Pp. 160–168. (In Russ.)
- Spassky G. I. (comp.) Collected materials on Siberia and neighboring territories. *Sibirskiy vestnik*. 1819. No. 6. Pp. 45–84. (In Russ.)
- The Eighteen Steppe Laws: A Monument of the 16th–17th Century Mongol Law. A. Nasilov (transl.). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2002. 160 p. (In Russ.)
- Tsengel H. The Legal Code of Kokenuur League. Beijing, 2009. 521 p. (In Mong.)
- Zhamtsarano Ts., Turunov A. Written law of Mongolian tribes: a survey of monuments. *Sbornik trudov Gosudarstvennogo Irkutskogo universiteta*. 1920. No. 6. Pp. 1–13. (In Russ.)
- Zlatkin I. Ya. A History of the Zunghar Khanate: 1635–1758. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1983. 333 p. (In Russ.)

ИСТОРИЯ

УДК / UDC 94(510); 327; 2-13(091); 811.581(091)
DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-22-40

Сакральный характер власти в Цинской империи и его проявление во внешней политике по отношению к Джунгарскому государству и казахам

Наталья Валерьевна Кузнецова¹

¹ независимый исследователь (д. 4, ул. Жуковского, 143402 Красногорск, Российская Федерация)

кандидат филологических наук

 0000-0002-0116-4512. E-mail: nwkusnetsova@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Кузнецова Н. В., 2021

Аннотация. *Введение.* Сакральный характер власти — один из основных признаков империи. В китайском государстве, начиная с древних эпох, сакрализация власти получает отображение в религиозно-философском учении об императоре как сыне Неба, который управляет Поднебесной. Это религиозно-философское учение отличается от концепции китаецентризма пониманием характера власти. *Цель.* В работе рассматриваются особенности внешней политики Цинской империи в отношении Джунгарского государства и казахов с учетом проявления сакрального характера власти во внешней политике китайского государства. В статье также затрагивается вопрос о количестве ойратов, уничтоженных Цинской империей. *Материалы.* Основой исследования стали научные труды по истории Цинской империи, китайско-казахских, китайско-ойратских, казахско-ойратских отношений, а также опубликованные китайские источники. *Выводы.* В работе показано, что сакральный характер власти в Цинской империи проявлялся в том числе и во внешней политике. Правители Джунгарского государства и казахских родов становились номинальными подданными императора без принуждения с китайской стороны. Причем это не обязывало их становиться реальными подданными, данниками. Происходило ритуальное взаимодействие, выгодное для обеих сторон. Если некий китайский правитель становился номинальным подданным богдыхана, то в отношении его народа империя проявляла мягкую силу, даже в случае осознанного нарушения ее указов, как это произошло при рассмотренном эпизоде китайско-казахских отношений. Когда правитель прекращал установленное взаимодействие и начинал противоречить императору, его империя стремилась просто уничтожить, как это произошло с Галданом Бошогту-ханом и его преемниками.

Ключевые слова: империя, Цинская империя, Джунгарское государство, казахи, ойраты, сакральный характер власти, номинальное подданство, сын Неба, китайско-казахские отношения, китайско-ойратские отношения

Благодарность. Автор выражает благодарность кандидату исторических наук Дмитрию Евгеньевичу Желобову за консультацию по переводу с китайского языка по теме

исследования, кандидату исторических наук Андрею Сергеевичу Ряжеву — за положительную оценку результатов исследования на этапе его апробации, а также доктору исторических наук Дмитрию Валентиновичу Васильеву — научному консультанту по работе.

Для цитирования: Кузнецова Н. В. Сакральный характер власти в Цинской империи и его проявление во внешней политике по отношению к Джунгарскому ханству и казахам // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 1. С. 22–40. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-22-40

The Sacral Nature of Power in the Qing Empire and Its Manifestation in Foreign Policy towards the Dzungar State and the Kazakhs

*Natalia V. Kuznetsova*¹

¹Independent Researcher (4, Zhukovsky St., Krasnogorsk 143402, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology)

 0000-0002-0116-4512. E-mail: nwkusnetsova@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Kuznetsova N. V., 2021

Abstract. *Introduction.* The sacred nature of power is one of the main features of the empire. Since ancient times in the Chinese state the sacralization of power is presented in the religious-philosophical doctrine of the Emperor as the Son of Heaven who rules the Celestial Empire. This doctrine differs from the Sinocentrism conception in its understanding of the nature of power. *Goals.* The present paper examines foreign policy of the Qing Empire towards the Dzungar state and the Kazakhs with due regard of the manifestation of the sacred nature of power in foreign policies conducted by the Chinese government. The article also addresses the issue of the number of Oirats slaughtered by the Qing Empire. *Materials.* The research analyzes scientific works on the history of the Qing Empire, Chinese-Kazakh, Chinese-Oirat, Kazakh-Oirat relations, as well as published Chinese sources. *Results.* The paper shows that the sacral nature of power in the Qing Empire manifested itself in foreign policy as well. The rulers of the Dzungar state and Kazakh clans became nominal subjects of the Empire without coercion from the Chinese side. And this fact did not oblige them to become real subjects, tributaries. There was a ritual interaction that was beneficial for both sides. If a non-Chinese ruler became a nominal subject of *Bogdykhan*, the Empire showed soft power in relation to his people. Even in the case of a deliberate violation of its decrees, which happened in the episode of Sino-Kazakh relations under consideration. When the ruler stopped the established interaction and began to contradict the Emperor, the Empire sought to destroy him, like the case with Galdan Boshogtu Khan and his successors.

Keywords: empire, Qing Empire, Dzungar state, Kazakhs, Oirats, sacred nature of power, nominal citizenship, Son of Heaven, Chinese-Kazakh relations, China-Oirat relations

Acknowledgements. The author thanks Dmitry E. Zhelobov, Cand. Sc. (History), for consulting on her translation from Chinese on the subject of the research, and Andrey S. Ryazhev, Cand. Sc. (History), for his positive assessment of the results of the research at the stage of its approbation. Special thanks to the Dr. Sc. (History) Dmitry V. Vasiliev, scientific consultant on her research.

For citation: Kuznetsova N. V. The Sacral Nature of Power in the Qing Empire and Its Manifestation in Foreign Policy towards the Dzungar State and the Kazakhs. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13(1): 22–40. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-22-40

Введение

Сакральный характер власти, наряду с полиэтничностью и наличием доминирующего этноса, масштабностью территории и связанной с концепцией собирания земель экспансией, наличием центра и периферии, считается одним из основных признаков империи как системного государственного образования [Тиморшина 2005: 228].

В Цинской империи, как и в китайском государстве более раннего периода, сакральный характер власти получил отображение в религиозно-философском учении об императоре как сыне Неба, управляющим Поднебесной — центром Вселенной. Обратим внимание на порядок: это учение о человеке, который получал мандат Неба на правление Поднебесной, он благодаря этому становился императором, начинал управлять государством силой императорского дэ¹, государство благодаря этому, как при смене циклического времени, вновь становилось Поднебесной, подтверждало свой статус центра Вселенной. Именно поэтому в китайской истории были возможны такие ситуации, когда императором становился человек незнатного происхождения² или что Нурхацци стал императором задолго до того, как маньчжурские войска захватили Пекин³.

Такой подход определяет актуальность темы и позволяет рассмотреть особенности внешней политики Цинской империи в отношении Джунгарского государства и казахов в новом ракурсе. Отметим, что обычно учение о китайском императоре как сыне Неба упоминают в рамках концепции китаецентризма, в которой, судя по названию данной концепции, понимание характера власти представлено в обратном порядке: Китай считал себя центром Вселенной, Поднебесной, поэтому китайский император считался сыном Неба. О сакрализации правления в данном случае, как правило, говорится, однако концепция китаецентризма выступает, скорее, как идеология, нежели как религиозно-философское учение, в котором получает отображение сакральный характер власти в империи.

Цель работы — рассмотреть в фактологическом аспекте особенности внешней политики Цинской империи в отношении Джунгарского государства и казахов с учетом характерного для Китая понимания сакрального характера власти. Такой синтетический подход обоснован, так как высшая власть разделялась в лице императора на сакральную и политическую, причем они проявляли себя не по очереди, а совместно: в сакральном проявляла себя политика, в политике — сакральное [Мартьянов 2009: 136].

¹ Императорское дэ — это синтез (чжи и шэн), причем в широком смысле данных слов. В данном случае чжи — это порядок, шэн — жизнь. См. подробнее: [Мартьянов 2009: 136].

² Первый император Хань — Гао-цзу (личное имя Лю Бан) происходил из крестьянской семьи. В крестьянской семье также родился первый император династии Мин Хуньу (Хонгву, личное имя Чжу Юаньчжан), который принимал участие в восстании красных повязок.

³ Первый император Цинской династии Нурхацци провозгласил себя верховным правителем, сыном Неба в 1616 г. (девиз правления — Тяньмин, мандат Неба); Пекин был захвачен в 1644 г.

Материалом для исследования стали научные работы, опубликованные в XX–XXI вв. по истории Цинской империи, китайско-казахских, китайско-ойратских, казахско-ойратских отношений. Это труды Л. И. Думана [Думан 1936; Думан 1976], В. С. Кузнецова [Кузнецов 1983], А. С. Мартынова [Мартынов 2009], Б. Г. Доронина [Доронин 2009], Е. И. Кычанова [Кычанов 2009], А. М. Пастухова [Пастухов 2009], К. С. Ануфриева [Ануфриев 2011], В. А. Бармина, С. В. Дмитриева, В. Г. Шматова [Бармин, Дмитриев, Шматов 2016], К. Ш. Хафизовой [Хафизова 2019], В. А. Моисеева [Моисеев 1991], А. М. Тиморшиной [Тиморшина 2005], И. Я. Златкина [Златкин 1983], Д. Г. Кукеева [Кукеев 2018; Кукеев 2019], С. К. Удербаяевой, А. М. Сагатова [Удербаяева, Сагатов 2019], И. В. Тутаева [Тутаев 2019], Д. Нода, Т. Онума [Noda, Onuma 2010], П. Пердюю [Perdue 2005]. В большинстве монографий, статей перечисленных авторов говорится о китаецентризме, подробно или эпизодически. Однако проявление сакрального характера власти во внешней политике Цинской империи по отношению к Джунгарскому государству и казахам не анализируется.

Работа проводилась также на основе китайских источников, переведенных на русский язык, опубликованных и снабженных комментариями [Международные отношения 1989: № 65, № 68; Международные отношения 1989: № 66; Международные отношения 1989: № 63, № 64, № 69, № 70, № 71, № 80; Фанлюэ 1994], также использовался китайский источник 平定准噶尔方略 ‘Пиндин чжуньгаэр фанлюэ’ (= «Описание усмирения джунгар») [方略].

Вопрос о количестве ойратов, уничтоженных Цинской империей, уточняется в статье на основе предложения на китайском языке из источника 西域闻见录 ‘Сиюй вэнь цзянь лу’ (= «Описание виденного и слышанного о западном крае») (см.: [Думан 1936: 256]). При этом к анализу привлекается перевод данного источника, выполненный о. Иакинфом и опубликованный в 1829 г. [Иакинф 1829].

В работе о. Иакинфа упоминается об уничтожении миллиона ойратов, и эта цифра способна создать у исследователей впечатление об осознанном уничтожении ойратского этноса Цинской империи. Такую цель империя перед собой не ставила. Однако вопрос об уничтожении Джунгарского государства был поставлен еще до начала военной кампании 1755 г., и данный вопрос, полагаем, был связан с особенностями внешней политики Цинской империи, основанной на религиозно-философском учении об императоре как сыне Неба. С учетом этого для достижения **цели исследования** в работе решаются следующие задачи: определить особенности сакрального характера власти в Китае; рассмотреть проявление сакральной стороны власти в отношении Джунгарского государства с уточнением вопроса об уничтожении ойратов в XVIII в.; рассмотреть проявление сакральной стороны власти в отношении казахов.

Особенности сакрального характера власти в Китае

Высшая власть в Цинской империи, как и в Китае более раннего периода, проявляла себя в сакральном и политическом смыслах. В первом случае это выражалось во взаимодействии императора с высшими сферами. Как подчеркивает А. С. Мартынов, императорское дэ в ритуальной ипостаси сводилось

«к ритуальным нормам и правилам взаимодействия императора ... с высшими сферами (Небом)» [Мартынов 2009: 136]. В данном случае «содержание дэ, присущего императору, выражалось в ритуалах, означавших установление связи с сакральными сферами, что определялось особым психологическим состоянием» [Мартынов 2009: 136]. Политическая ипостась императорского дэ проявлялась непосредственно в управлении государством, а также при организации взаимодействия с некими народами, родами, странами.

Император считался правителем Вселенной, сыном Неба (Тяньцзы), способным получать гармонизирующее начало из высших сфер и проявлять это начало в Поднебесной. И это религиозно-философское учение существовало в китайском государстве уже в эпоху Чжоу (XI–III вв. до н. э.). Однако и в более раннюю эпоху Шан-Инь (XVII–XI вв. до н. э.) прослеживается подобная сакрализация высшей власти, которая проявлялась в сакральном взаимодействии с Верховным владыкой шанди (в религиозно-философском смысле тянь, шанди — тождественные понятия) [Думан 1976: 28].

Китайский император как сын Неба получал право оказывать влияние на правителей других народов. При этом устанавливалась номинальная вассальная зависимость⁴ от владыки Поднебесной. С религиозно-философской точки зрения правитель некий народа получал не просто китайский титул от сына Неба, но и сакральную силу от императора, который проводил ее на Землю непосредственно из сакрального небесного пространства. Л. И. Думан обращает внимание, что хотя подобное внешнеполитическое взаимодействие сопровождалось признанием сюзеренитета китайского вана, оно «отнюдь не означало, что получивший инвеституру был подлинным вассалом иньского царя. Он и без мандата иньского вана обладал правом на свои владения и управлял ими» [Думан 1976: 32].

После получения китайских титулов правители некий народов, родов, стран должны были поддерживать особое взаимодействие с сыном Неба: периодически являться к нему на аудиенцию и отправлять своему сюзеру (китайскому вану) дары. Подарки номинальных вассалов следует рассматривать именно как дары, так как они не имели, в отличие от дани из внутренних районов, значительного экономического значения для государства и применялись, как правило, для ритуальных целей. Причем во время аудиенции в Поднебесной происходил обмен дарами: получивший китайский титул правитель получал от сына Неба подарки, часто во много раз превосходившие его

⁴ Поясним терминологию. В работе Л. И. Думана [Думан 1976] речь идет и о формальной зависимости, и о номинальной зависимости. Данные понятия употребляются как синонимичные. В современном русском языке слово «формальный» в первую очередь означает «официальный, законный, произведенный в принятом, законном порядке», поэтому видится продуктивным употреблению понятий «номинальная вассальная зависимость», «номинальный вассал». Формальным (официальным, реальным) вассалом Цинской империи была, в частности, Корея. Ойратов и казахов следует отнести к номинальным вассалам. Одновременно их можно считать номинальными подданными империи. Употреблять эти два понятия как синонимичные возможно, во-первых, с учетом особенностей сакрального характера власти в Китае. Во-вторых, В. С. Кузнецов, говоря о китайско-казахских отношениях после 1757 г., подчеркивает, что император «не приравнивал их к своим подданным в подлинном смысле этого слова» [Кузнецов 1983: 24]. Другими словами, было установлено взаимодействие, которое считалось подданством, но не в общепринятом смысле, не в том, в каком оно употреблялось по отношению к формальным, реальным подданным империи.

собственные дары. Однако отказ присылать дары рассматривался с китайской стороны как факт неповиновения [Думан 1976: 32]. У номинальных вассалов существовала обязанность оказывать, в случае необходимости, военную поддержку Поднебесной. При дворе императоров Цинской династии во время аудиенции в основном происходило то же церемониальное действие, что и в древние эпохи. Однако фактическое взаимодействие с конкретным государством согласно международным договорам и смысловая нагрузка церемониала могли сильно отличаться [Думан 1976: 46–47].

Проявление сакральной стороны власти в отношении Джунгарского государства

Сокрушение Джунгарского государства для Цинской империи стало актуальной проблемой по трем причинам. Во-первых, сильное государство, сумевшее распространить свое влияние в центральноазиатском регионе, представляло реальную угрозу безопасности Поднебесной. Во-вторых, в случае победы над ойратами династия Цин смогла бы доказать законность своего правления и продемонстрировать, что действия цинских императоров соответствуют воле Неба. Ведь предыдущая династия Мин тоже сталкивалась с агрессией со стороны ойратов. В частности, ойратские правители Тогон, Эсен организовывали военные походы против Минской империи [Моисеев 1991: 8]. Причем в данном случае это была бы демонстрация не усиления военной мощи китайского государства, но верного реформирования всей государственной системы при цинской династии, так как в Китае смена династий «...означала лишь своего рода переналадку дел правления, возвращение к устоям конфуцианской монархии, которые начали разрушаться при предыдущей династии, утверждение забытых ушедшим правящим домом принципов» [Дорониин 2009: 35]. Наконец, в-третьих, сокрушение джунгар могло показать всему центральноазиатскому региону благотворное влияние Поднебесной, в первую очередь императора как сына Неба, способного установить коммуникацию с высшими сферами и проявить полученную сакральную силу на управленческом уровне, в том числе при организации успешных военных кампаний.

Случай представился после смерти Галдан-Церена, когда государство ойратов стали раздирать междоусобные противоречия, а бежавший из Джунгарии Амурсана предложил империи помощь по захвату ойратского государства. Необходимо отметить, что вопрос именно об уничтожении Джунгарского государства ставился изначально [Кузнецов 1983: 19], до начала военной кампании 1755 г. Подобную постановку вопроса можно объяснить уже сложившимися к середине XVIII в. китайско-ойратскими отношениями.

Ойраты были включены в сферу внешнеполитических интересов империи с конца XVII в., в период правления Канси. Во-первых, императора заботила безопасность границ государства, а правитель Джунгарского ханства Галдан Бошогту-хан задумывался о создании консолидированного монгольского государства под эгидой буддийской церкви [Ануфриев 2011: 53–54; Златкин 1983: 209]. Во-вторых, Поднебесная издавна была заинтересована территорией, которая впоследствии, войдя в состав империи, стала называться Синьцзяном. Так, во время династии Западная Хань (206 до н. э. – 9 н. э.) здесь был установлен

西域都护府 ‘протекторат Западного края’. Регион вновь вошел в состав китайской империи в середине VII в. н. э., в период династии Тан, и был включен в состав 安西都护府 ‘протектората умиротворенного Запада’ [Бармин, Дмитриев, Шматов 2016: 214, 215].

Канси не стал сразу активно действовать против Джунгарского государства, а принял выжидательную позицию. Он позволил Галдану двинуться на Халху и одержать победы над монголами. В результате халхаская знать во главе с Тушэту-ханом приняла формальное, то есть не номинальное подданство Цинской империи⁵.

Прослеживается логичный и последовательный характер политики Цинской империи в отношении Джунгарского ханства. Так, в послании Канси Далай-ламе 1689 г. отмечалось, что Халха начала раздоры первой: представители халхаской элиты (упоминается в том числе Тушэту-хан) первые подняли оружие, и только в ответ «Галдан поднял войска и разгромил их» [Международные отношения 1989: № 63]. Канси заканчивает свое послание фразой «... за эти бедствия я Галдана не виню» [Международные отношения 1989: № 63].

Через месяц император направил послание самому Галдану Бошогту-хану. В нем сообщалось о принятии в подданство правителей Халхи, причем Канси, как и в послании Далай-ламе, отмечал, что смуту затеяли халхаские ханы, а не Галдан. В этом документе император упоминал, что правители Халхи «дотоле не были подчинены мне, они, как и подчиненные государства, преданно выполняли долг и делали подношения» [Международные отношения 1989: № 64]. Полагаем, что здесь имеется указание на номинальное подданство правителей Халхи, связанное с признанием императора сыном Неба и сакральным обменом дарами, которое затем стало реальным. Интересно, что в этом послании также упоминалось, что сам Галдан «почтительно и покорно служил» императору, «подносил в некоторые годы дары» [Международные отношения 1989: № 64].

Как отмечает И. Я. Златкин, этот джунгарский правитель по собственной инициативе вступил в отношения с империей: отправил в 1677 г. посольство с дарами, грамотой; с китайской стороны посольство приняли с большими почестями [Златкин 1983: 165]. Также известно о направленном в Пекин в 1679 г. джунгарском посольстве с дарами, которые были приняты империей. Тогда Галдан сообщал, что он получил от Далай-ламы титул Бошогту-хана (благословенный правитель) [Златкин 1983: 172].

Специальный посол императора — шаншу⁶ Арни прибыл ко двору джунгарского хана в ноябре 1689 г. с подарками от императора. Была совершена приветственная церемония, обсуждался вопрос о столкновениях Джунгарского государства и Халхи. Шаншу передавал в своем докладе слова Галдана, свидетельствующие о его стремлении жить в мире с Цинской империей, а также о признании императора сыном Неба, который наполняет Поднебесную своим человеколюбием: «Милостиво наставляет множество живущих, желая гармо-

⁵ В 1689 г. Халха решила признать подданство на своем съезде, а на съезде 1691 г. было объявлено о вхождении трех халхаских аймаков в состав Цинской империи.

⁶ Шаншу — глава ведомства Лифаньюань.

нии и согласия, чтобы все наслаждались миром и порядком. Я в числе их. ... Покорнейше прошу Ваше императорское величество наставить меня, поскольку я хочу следовать этим наставлениям» [[Международные отношения 1989: № 65](#)].

Однако в феврале 1690 г. джунгарский хан обратился к Российскому государству с предложением заключить военный союз и сообщал о том, что Цинская империя и халхаские правители также заключили между собой союз [[Международные отношения 1989: № 66](#)].

В докладе шаншу Арни императору от июня 1690 г. также сообщается о планах Галдана Бошогу-хана просить солдат у Российского государства и совместных планах напасть на Халху [[Международные отношения 1989: № 68](#)].

Сведения о союзе джунгар с Россией Канси решил проверить, направив письмо русскому посланцу в Китае Г. И. Лоншакову [[Международные отношения 1989: № 69](#)].

В следующем месяце цинский император направил послание джунгарскому хану, в котором уже звучала угроза выступить против него. Канси напоминал Галдану его слова о мире, о готовности идти одним путем с Китаем и показывал, что это противоречит его военным планам и действиям. Император грозил нападением цинских сил в случае, если хан нарушит границы. В послании звучал призыв направить посла и воздержаться от войны [[Международные отношения 1989: № 70](#)].

В августе 1690 г. был уже издан указ о преследовании джунгарского хана. В документе говорилось о необходимости «преследовать и уничтожить без пощады» Галдана, если тот решит бежать [[Международные отношения 1989: № 71](#)]. Преследование джунгарского хана продолжалось до 1697 г. и закончилось его смертью [[Международные отношения 1989: № 80](#)].

По рассмотренным выше документам видно, что Цинская империя считала Галдана виновным, во-первых, в нарушении договоренностей, связанных с сакральной стороной власти (сначала со стороны Джунгарского государства было приношение даров, почтительность, потом это прекратилось), во-вторых — в отказе предложения о мире и переходе границ Цинской империи с войском⁷, в попытке установить союз с Россией с целью выступить с войском против подданных Цинской империи. Заметим, с китайской стороны предложения о реальном подданстве отсутствовали, в документах, адресованных Галдану, либо в тематически связанных с китайско-ойратскими отношениями документах речь шла только о примирении с правителями Халхи.

В целом империя с точки зрения традиционного китайского права могла обвинить Галдана Бошогу-хана в великом непокорстве (моу да ни). Такое преступление относилось к группе преступлений, направленных против императора, не подлежало амнистии. Как и государственная измена (моу пань), а также переворот, мятеж против государя (моу фань), великое непокорство относилось к преступлениям бучэнь — неисполнение долга подданного⁸. Поэтому неудивительно, что «Практически все дипломатические и военные

⁷ Имеется в виду захват людей и скота в Учжумуцине, о чем речь идет в цитированном выше указе Канси [[Международные отношения 1989: № 70](#)].

⁸ См. подробней о традиционном китайском праве и перечисленных преступлениях: [[Кычанов 2009: 388–389](#)].

мероприятия, предпринятые Канси на северо-западном направлении его внешней политики, в этот период в той или иной степени подчинены цели нейтрализации и разгрома сил Галдана» [Ануфриев 2011: 54].

К такому же типу преступлений можно отнести и действия преемников Галдана Бошогту-хана в XVIII в., в том числе и действия Амурсаны — бунтовщика против Цинской империи в XVIII в., причем в случае Амурсаны — с отягчающими обстоятельствами: ойратский нойон добровольно перешел на сторону империи, стал ее реальным подданным. Переход нойона состоялся в 1754 г. Как правило, отмечают, что император встретил Амурсану с радостью и пожаловал ему титул циньвана (князь первой степени) и обещал сделать его джунгарским правителем [Златкин 1983: 289].

Цинская армия двинулась против ойратского государства весной 1755 г. В конце доклада ванов о победе императорских войск в Или от 28 июня 1755 г. только упоминается о предложении военного совета наградить Амурсану титулом циньвана. Бывший ойратский правитель в этом документе называется фуцзянцзюнем⁹ [Фанлюэ 1994: 76]. Другими словами, никаких особых предпочтений изначально Амурсана не получал. Обе стороны выполняли свои договоренности по отношению друг к другу.

По «Описанию усмирения джунгар» видно, насколько император доверял Амурсане. Так, в XIV томе, где описываются события лета 1755 г. (20 год правления Цяньлуна) говорилось, что именно Амурсане вместе с Банди¹⁰ и Саларом¹¹ была доверена поимка Даваца. В частности, военачальники получили такие указания: «Захватить Даваца — это дело большой важности. О чем говорить — нельзя терять шанс. Салар должен соблюдать особую осторожность, предпринять решительные усилия, не должен, даже слегка, проявлять здесь лень и невнимательность. Банди и Амурсане следует временно разместиться в Или, выполнить задание — остаться поддержать Салара. Отправить войска в атаку, следовать обстановке, докладывать своевременно, регулярно ставить в известность»¹² [方略]. В этом томе не сказано о претензиях Амурсаны управлять Джунгарией, только говорится о его эгоистических стремлениях.

Война в Джунгарии закончилась в конце лета 1755 г. Однако в этот же год Амурсана возвращается в Джунгарию с отрядом в 500 человек. Побег произошел на западной границе Халхи: Амурсана сопровождал пленного Даваца, но затем напал на охранявшие границы цинские войска и бежал. Амурсана отказался от китайского подданства [Златкин 1983: 292–294]. Военные действия в Джунгарии возобновились и закончились после смерти Амурсаны. «Истребительная война в Джунгарии закончилась лишь в 1759 г., когда цинским войскам удалось ликвидировать последний очаг освободительной борьбы ойратов в горах Юлдуза» [Златкин 1983: 303].

⁹ Фуцзянцзюнь — помощник командующими войсками.

¹⁰ Банди — монгол из рода Боэргитэ. Служил в военном совете с 1733 г. С 1754 г. — помощник главы Военной палаты, первый помощник командующего войсками по усмирению соседних стран.

¹¹ Салар — ойратский феодал; бежал в Халху в 1751 г.

¹² В оригинале: «获达瓦齐此事关系甚要断不可再失机会萨喇尔宜加意奋勉不得稍有意怠班第阿睦尔撒纳暂驻伊犁办理事务仍将萨喇尔进兵情形随时速奏又谕曰...» (перевод наш. — Н. К.).

К вопросу об уничтожении ойратов в XVIII в.

В работе С. К. Удербасовой, А. М. Сагатов верно подчеркивается: «...многие аспекты истории ойратов нуждаются в переосмыслении» [Удербасова, Сагатов 2019: 58]. Полагаем, это имеет отношение и к вопросу, связанному с ликвидацией последнего очага освободительной борьбы ойратов. Л. И. Думан в своей монографии 1936 г. отмечал [Думан 1936: 72], что по поводу истребления ойратов российские и западноевропейские авторы используют преувеличенные данные китайского источника ‘Сиюй вэнь цзянь лу’¹³ или используют этот источник в переводе о. Иакинфа [Иакинф 1829]. Собственно, речь идет о цифре миллион человек. Современные ученые в своих работах, опубликованных на русском или английском языках, также упоминают эту цифру, уточняя, что в другом китайском источнике указаны данные об уничтожении 600 000 чел. [Кукеев 2019: 314; Perdue 2005: 484]. По мнению Л. И. Думана, «эта цифра (миллион. — Н. К.) взята китайским автором символически, в переносном смысле, обозначая множество, большое количество» [Думан 1936: 72]. Собственно, данное замечание не лишено оснований.

Фраза, на которую ссылаются исследователи, следующая: 诛其男婦子女逾百万人 (西域闻见录, цит. по: [Думан 1936: 72]). О. Иакинф переводит это предложение так: «...истребили до миллиона обоюго пола людей, не разбирая возраста» [Иакинф 1829: 165 (2-я pag.)]. Фраза употребляется в следующем контексте. После смерти Амурсаны и выдачи его трупа Цинской империи ойраты часто бунтовали. Для подавления бунта были направлены войска. Дальше идет цитированное выше предложение.

В конце предложения есть два иероглифа — 百 (bai), который означает «сто», и 万 (wan), который означает «десять тысяч». Эти иероглифы, стоящие рядом, действительно, можно перевести как миллион. Однако стоит учитывать, что в китайских текстах понятие «десять тысяч» не всегда связано с сухими статистическими данными. Напротив, чаще оно выступает как образное философское понятие¹⁴. Так, десять тысяч вещей — это тьма, множество вещей. О неизмеримой глубине говорят 万丈深 (‘глубина в десять тысяч чжанов’¹⁵), о необыкновенном разнообразии — 千差万别 (‘тысяча отличий и десять тысяч различий’); пожелание «многие лета» на китайском языке звучит как 万年 (‘десять тысяч лет’).

Огромное расстояние определяется как 万里 (‘десять тысяч ли’¹⁶), причем в этом значении сочетание иероглифов встречается не только в чэньюях¹⁷, но также в официальных документах Цинской империи. Так, в указе Цяньлуна от 9 декабря 1759 г., то есть уже после покорения Джунгарии и Кашгарии, говорилось о том, что население Поднебесной увеличилось и что была обрете-

¹³ 西域闻见录 (= «Описание виденного и слышанного о западном крае»). Источник больше известен под названием «Описание Западного края». Автор — Чунь Юань, манчжурский чиновник, который служил в Восточном Туркестане. Работа была издана в 1777 г.

¹⁴ Приведенные ниже примеры употребления иероглифа 万 взяты из онлайн-словаря [БКРС].

¹⁵ Чжан — китайская мера длины (3,2 м).

¹⁶ Ли — китайская мера длины (576 м).

¹⁷ Чэньюй — устойчивый оборот, фразеологизм, который, как правило, состоит из четырех иероглифов. Примеры чэньюев с иероглифами 万里: 咫尺万里 (‘как будто рукой подать, а на самом деле расстояние как в десять тысяч ли’ (никак не сойтись)); 鹏程万里 (‘Птица Пэн пролетает огромное расстояние’ (о блистательных перспективах)).

на возможность «использовать свободные земли на пространстве 10 тыс. ли» (цит. по: [Кузнецов 1983: 19]), и данная возможность рассматривалась в указе как помощь подъему земледелия, горным промыслам империи. Заметим, то же расстояние в сочинении первой половины XIX в. «Описании заморских стран» Вэй Юаня употребляется по отношению ко всей Цинской империи: «Только в Китае [на территории] в 10 000 ли существует единое правление [императора]» (цит. по: [Врадий 2018: 138])¹⁸.

Соответственно, предложенная еще в 1936 г. Л. И. Думаном трактовка вполне уместна. Иероглифы 百万 могут означать не только «миллион», но и «очень много». Также необходимо обратить внимание на первый иероглиф в цитированном выше предложении — 诛. Одно из его значений — это, действительно, «истреблять, уничтожать, губить». Однако существуют другие значения: карать, идти карательным походом, наказывать, взыскивать. Соответственно, можно понять, что Цинская империя уничтожила ойратов или что Цинская империя покарала (наказала) ойратов.

Уточнение по поводу того, кого уничтожали. 男婦子女, с одной стороны, можно перевести как «мужчин, женщин, сыновей, дочерей». Однако 子女 означает не только сыновья и дочери, дети, но также — мужчины и женщины. С учетом распространения в китайском языке повторов, а также известного факта, что оставили в живых сына врага империи — Амурсаны¹⁹ (соответственно, уничтожать детей рядовых бунтовщиков, скорее всего, не стали бы), можно предложить вариант перевода: «Уничтожили (наказали) мужчин и женщин...»).

Таким образом, вместо предложенного о. Иакинфом перевода «...истребили до миллиона обоюбого пола людей, не разбирая возраста» предлагаем вариант перевода: «Уничтожили (наказали) очень-очень много мужчин и женщин». Предложенный вариант требует уточнения у специалистов с профессиональным китайским языком. Данный вариант перевода подтверждает, что «Цяньлун не имел намерения полностью истребить ойратов» [Пастухов 2009: 25].

На территории бывшей Джунгарии после ее присоединения к Цинской империи ойратов не осталось. На вопрос об их дальнейшем месте пребывания отвечают Д. Г. Кукеев, К. Ш. Хафизова, А. М. Пастухов в своих работах. Д. Г. Кукеев анализирует социальное явление «махачин», которое проявлялось в сопротивлении ойратов, регулярно нападавших на лиц, проживавших на территории бывшего Джунгарского государства.

Основными объектами «махачин» стали военнотруженики Цинской империи. В одной из статей Д. Г. Кукеева, в частности, указано, что «сопротивление ойратов продолжалось не до 1759 г., ...а, как минимум до 1762 г.» [Кукеев 2018: 20].

К. Ш. Хафизова отмечает, что «...в трагические для ойратов времена, население Казахского ханства значительно пополнилось за их счет» и «...во время междоусобиц и разгрома Джунгарского ханства во многих казахских белых и черных юртах наши приют ойратские беженцы, невольники и невольницы» [Хафизова 2019: 119].

¹⁸ В цитате сохранена пунктуация автора цитируемой работы.

¹⁹ См.: [Иакинф 1829: 164 (2-я пар.)]. В примечании на указанной странице сказано, что жену Амурсаны привезли в Пекин, где она родила сына. Сын умер в возрасте 40 лет в той же тюрьме.

А. М. Пастухов подчеркивает, что с 1760 г. Цинская империя стала создавать условия для переселения ойратов в долину Или, причем была предпринята широкая кампания по возвращению ойратов, которые оказались в плену у уйгуров и казахов [Пастухов 2009: 26]. Считаем, что выявленные этими учеными факты подтверждают, что не все ойратское население было уничтожено, соответственно, предложенный выше вариант перевода возможен.

На первый взгляд, можно увидеть противоречие. С одной стороны, Цинская империя не стремилась уничтожить ойратов, с другой стороны, ставила цель уничтожить Джунгарское государство, причем еще до начала военной кампании 1755 г. [Кузнецов 1983: 19]. Полагаем, эта цель была обусловлена не только сложившимися к середине XVIII в. китайско-ойратскими отношениями, которые были рассмотрены в предыдущей части, но и особенностями внешней политики Цинской империи, основанной на религиозно-философском учении об императоре как сыне Неба. Когда китайский император вступал во взаимодействие с правителем другого народа как сын Неба, то правитель получал сакральную силу от императора, а не только осязаемые преимущества в виде ответных даров или выгодных договоренностей в торговой и военной сферах. Эту сакральную силу он мог направить на подвластное ему государство подобно тому, как сын Неба направлял свое благотворное влияние на Поднебесную. В самой Поднебесной считали, что существует тесная связь между способностью императора проводить волю Неба и состоянием государства, соответственно, такая связь предполагалась и между номинальным подданным империи, получившим сакральную силу от сына Неба, и подвластным им государством. С этой точки зрения указанное выше противоречие снимается: Цинская империя стремилась уничтожить Джунгарское государство, правители которого проявляли великое непокорство в отношении императора, но не ставила цель уничтожить ойратский народ.

Проявление сакральной стороны власти в отношении казахов

Мирные китайско-казахские отношения в XVIII в. были установлены в 1757 г. Этим годом датируется письмо хана Абылая императору Цяньлуну [Noda, Onuma 2010: 11–16 (2nd pag.)]²⁰. По документу можно увидеть: Абылай с подвластными ему казахами признали себя номинальными подданными сына Неба и выразили готовность к сакральному взаимодействию с богдыханом. Во-первых, в письме хана речь идет не о конкретных родственных связях — он называет Есим-хана и Жангир-хана, своих предшественников, дедом и отцом, но символическими средствами демонстрируется преемственность власти у казахов, также священное на нее право самого Абылая. Во-вторых, хан признает в письме себя сыном цинского императора, и в таком обращении проявляется характерное для Китая, начиная с древних эпох, взаимодействие номинального вассала со своим сюзереном — сыном Неба, китайским правителем.

²⁰ В оригинале письмо Абылая в переводе с ойратского на английский: «I present [this letter] to the Supreme Great Khan. Since the time of my grandfather and father, Eshim Khan and Janggir Khan, your edict has not reached to me. Now, hearing your edict, I am glad always to know [that you] have regard for us. I, that is Abulay, have become your son and all the Kazakhs have become your albatu. Now, I hope that the Above (emperor) would instruct how to have regard for us. [I dispatched] seven envoys [and four attendants], [a total of] eleven persons».

Абылай также пишет, что все казахи стали албату императора, что также подтверждает номинальный характер подданства казахов²¹.

Факт установления именно сакрального взаимодействия, считаем, также подтверждает следующее событие, рассмотренное К. Ш. Хафизовой. После смерти Абылая к его преемнику — старшему сыну Вали — прибыло китайское посольство, целью которого было не только признание ханского достоинства Вали. По инициативе посольства были проведены поминки по хану Абылаю. «Узнав о желании посольства провести поминки по хану Абылаю, Вали в сопровождении своих шести младших братьев прибыл в лагерь, раскинутый к западу от Баян-аула» [Хафизова 2019: 157].

Церемония проводилась согласно китайским обычаям. Подготовили жертвенный скот и вино. На огне сжигали шелковые ткани и ритуальные деньги [Хафизова 2019: 156–157]. Сакральный подтекст церемоний, связанных с похоронами, не вызывает сомнений, и проводят подобные церемонии, за очень редким исключением, только для своих — тех, кто при жизни признавал и поддерживал определенную религию, признавал определенный способ взаимодействия с высшими сферами.

Утвержденный в 1822 г. Устав о сибирских киргизах устанавливал юрисдикцию России на территории Среднего жуза. Потомок Абылая и Вали — Губайдулла в 1824 г. был избран старшим султаном созданного Кокчетавского окружного приказа и дал присягу на верность Российской империи. Несмотря на то, что Губайдулла являлся подданным России и ханская власть юридически была упразднена, он направился на встречу с посольством Цинской империи, которое прибыло в 1824 г. на территорию Среднего жуза с целью вручить ему документ с признанием за ним ханского достоинства. Представители российской администрации узнали о действиях старшего султана Кокчетавского окружного приказа и задержали его [Гутаев 2019: 254].

Та настойчивость, которую султан Губайдулла, являясь подданным Российской империи, проявил при встрече посольства Цинской империи, желая получить подтверждение ханского достоинства, когда ханская власть в России была упразднена, указывает на стремление казахского правителя продолжать оставаться номинальным подданным Поднебесной вместе с подвластным ему народом.

Обратим внимание, китайское посольство было направлено после того, как Губайдулла направил цинскому императору в дар коней и сообщил о смерти Вали-хана, то есть именно с казахской стороны было высказано желание о подтверждении ханского достоинства Цинской империей. Важно, что китайское посольство должно было передать не только документ с признанием за казахским правителем ханского достоинства, но также дар от императора для проведения поминок по его отцу Вали хану — 300 лянов серебра, а также «бумажные деньги и другие ритуальные вещи», чтобы провести поминки от имени императора, то есть сына Неба [Хафизова 2019: 176–177].

Признав себя номинальными подданными сына Неба и выразив готовность к сакральному взаимодействию с богдыханом, казахи получили конкретные

²¹ Албату в Цинской империи — это простолюдины, государственные крепостные. Они выплачивали албань — ясак, подать, дань.

осязаемые преимущества в сфере торговли. Такое взаимодействие предполагало возможность получить, при необходимости, военную поддержку со стороны цинского двора. Немаловажным преимуществом были дары императора, которые получал номинальный вассал в ответ на свои дары.

Казахские посольства с дарами стали отправляться в Цинскую империю с 1757 г. Однако постепенно императорский двор усомнился в целесообразности принимать всех представителей казахской элиты, которые высказывали желание предстать перед императором. Стали вводиться ограничения. С начала 1759 г. послы доставлялись за казенный счет только из Баркуля²². Возвращаться домой приходилось на собственных лошадях, верблюдах [Кузнецов 1983: 27]. С 90-х гг. XVIII в. запретили приезжать младшим сыновьям и братьям ханов, султанов «без ведома старших», иначе могло значительно увеличиться «число жаждущих удачи» [Кузнецов 1983: 28].

На некоторые просьбы представителей казахской элиты в Пекине просто не реагировали. Наиболее прочные контакты империя сохранила с Абылаем, Абулфеизом, а также с их потомками [Хафизова 2019: 159]. Это было связано с тем, что подвластные им казахи «кочевали в непосредственной близости от границ Синьцзяна» [Кузнецов 1983: 28].

Необходимо отметить, что Цинская империя при возникающих китайско-казахских противоречиях реагировала достаточно мягко, по сравнению с реакцией на китайско-джунгарские противоречия. Полагаем, это связано в том числе с тем, что казахским правителям удалось не только на словах, но и на деле стать номинальными подданными сына Неба, в отличие от подданных Джунгарского государства.

Китайско-казахские противоречия стали проявлять себя после прекращения существования государства ойратов. С казахской стороны возникла заинтересованность расширить свои кочевья за счет территорий, которые ранее входили в состав Джунгарии. Цяньлунь своим указом от августа 1760 г. объявил о вхождении всех кочевий, которыми владели джунгары, в состав империи. При этом новая граница не была маркирована, ее визуальное обозначение спустя год после указа только планировалось.

Переселение казахов на бывшие джунгарские кочевья началось за два года до указа, в 1758 г. Казахи заняли Тарбагатай в начале 1760 г., то есть до указа Цяньлуна. Узнав об этом, Цяньлунь отправляет к казахам своих офицеров, солдат. Перед ними ставилась задача обратиться к Абылаю и потребовать, чтобы казахский правитель отозвал казахов из Тарбагатая. Всем казахам следовало объявить, что территория покорена Поднебесной, что казахи занимают ее незаконно, и в случае их отказа покинуть эту землю Цинская империя изгонит их [Кузнецов 1983: 30–31].

Однако эта мера не возымела должного действия. Казахи не покинули Тарбагатай и продолжали занимать бывшие джунгарские кочевья. Причем сообщали об этом в посланиях Цинскому императору. Еще до указа от августа 1760 г. в манифесте, адресованном казахским правителям²³, была разъяснена позиция двора. В документе было сказано, что империя завоевала земли быв-

²² Баркуль — населенный пункт Синьцзяна, расположен на территории бывшей Джунгарии, на северном склоне Тянь-Шаня.

²³ Абылаю, Абулмамбету, Абулфеизу, Хаибабе.

шего Джунгарского государства без помощи казахов, также обращалось внимание, что казахи не испытывают недостатка в пастбищах. Однако и после указа Цяньлуна от августа 1760 г. казахи продолжали занимать кочевья, ранее занятые джунгарами [Кузнецов 1983: 31].

Началась кампания по изгнанию казахов с территории, завоеванной Цинской империей. Причем это были не карательные операции, а «эпизодические наезды цинских отрядов», которые патрулировали территорию. Казахов эти меры не останавливали. Они стремились избежать столкновения с цинскими войсками, покидали занятые джунгарские кочевья, но, когда войска уходили, вновь возвращались на территории, которые считали своими [Кузнецов 1983: 31–32].

Меры по отношению к казахам ужесточились. Так, с конца 1762 г. официально было разрешено захватывать скот у казахов, которые осмелились, вопреки запретам императора, кочевать на бывших джунгарских землях. Кампания по их изгнанию с этой территории активизировалась в конце 1764 – начале 1765 г. Причем проводилась она с применением мягкой силы. В одном из указов Цяньлун призывал военных «...избегать опрометчивых действий, чтобы казахи „не питали презрения“ к империи» [Кузнецов 1983: 32]. В результате цинские войска заняли Тарбагатай, казахов также изгнали с кочевий, которые они заняли по Иртышу.

Однако возвращения казахов на территории, которые они считали своими, продолжались. С китайской стороны стали направляться воинские отряды, которые нападали на казахские кочевья и угоняли скот. Подобные вылазки считались правомерными, так как стада паслись на землях Цинской империи, захваченный скот рассматривался как плата за пользование чужими землями, а сами вылазки считались инспекционными поездками. Интересно, что старшим патрульным начальником назначался тот, кто разбирался «в законах и настроениях „варваров“» [Кузнецов 1983: 33], то есть империя не только призывала казахов к послушанию, но и пыталась провести разъяснительную работу.

В итоге казахам было разрешено пользоваться кочевьями на территории бывшего Джунгарского государства. Данное разрешение, во-первых, относилось к казахам, у которых не было места для кочевания или над которыми нависала угроза от своих соплеменников. Предполагалось, что в этих двух случаях они пожелают стать реальными подданными Цинской империи. Во-вторых, для остальных казахов были установлены сезонные ограничения на кочевку. Караулы в Тарбагатае на осень и зиму переносились. Территория освобождалась, и на нее допускались казахи. За пользование пастбищами уплачивалась одна лошадь со ста. Это обложение являлось арендной платой, которую арендаторы — казахские номады — уплачивали Цинской империи как владельцу земли [Кузнецов 1983: 33–34].

Заключение

Сакральный характер власти в Цинской империи, связанный с религиозно-философским учением об императоре как сыне Неба, управляющим Поднебесной, проявлял себя в том числе и во внешней политике. Правители неких тайских народов становились номинальными подданными богдыхана без при-

нуждения со стороны империи. Взаимодействие проявлялось в отправлении посольств в Пекин с дарами и получении ответных даров, также выражалось в переписке. Номинальное подданство не обязывало правителя принимать формальное, реальное подданство.

Номинальные подданные получали конкретные преимущества и поддержку с китайской стороны. И это были не только преференции в торговой или военной сферах. Рассмотренный эпизод китайско-казахского взаимодействия XVIII в., связанный с территорией бывшего Джунгарского государства, показывает: если правители некайского народа признавали китайского императора сыном Неба, продолжали ритуальное взаимодействие с ним, то в отношении такого народа империя действовала мягкой силой, даже когда сталкивалась с осознанным нарушением рекомендаций, указов со стороны империи. Но если правитель сначала становился номинальным подданным сына Неба, а затем прекращал это взаимодействие и начинал противоречить императору, как это произошло с Галданом Бошогу-ханом в XVII в., а также с его преемниками в XVIII в., то ни о каком применении мягкой силы в отношении подобного государства речи не могло быть. Таких правителей и, соответственно, подвластное им государство империя стремилась просто уничтожить. Заметим, речь идет именно о правителях и подвластном им государстве, а не об уничтожении некайских народов.

В частности, Цинская империя изменила политику в отношении ойратов: объявила амнистию всем беженцам, позволила им возвратиться на родину. Причем на месте им предоставляли льготы: «...выдавалось денежное пособие... Ойратов распределяли по гарнизонам, почтовым и военным станциям, наделяли скотом» [Хафизова 2019: 125].

Рассмотренные факты китайско-ойратских и китайско-казахских отношений, безусловно, можно анализировать без учета религиозно-философского учения об императоре — сыне Неба, и в этом случае в анализе будут сделаны другие акценты. Однако стоит учитывать, что сакральный характер власти — это один из основных признаков империи.

Литература и источники

- Ануфриев 2011 — *Ануфриев К. С.* Политика России и Китая в Центральной Азии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 200 с.
- Бармин, Дмитриев, Шматов 2016 — *Бармин В. А., Дмитриев С. В., Шматов В. Г.* Синьцзян: очерк истории региона // Общество и государство в Китае. Т. XLVI. Ч. 2. (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 21 / редколл.: А. И. Кобзев и др.). М.: ИВ РАН, 2016. С. 209–244.
- БКРС — Китайско-русский и русско-китайский онлайн-словарь [электронный ресурс] // БКРС. Китай и китайский язык для профессионалов и любителей. URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 29.07.2020).
- Врадий 2018 — *Врадий С. Ю.* Предисловие к «Описанию заморских стран с [приложением] карт» Вэй Юаня (перевод, комментарии) // Известия Восточного института. 2018. № 2. С. 132–141.
- Доронин 2009 — *Доронин Б. Г.* История и историческое сознание // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М. Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2009. С. 27–40.

- Думан 1936 — *Думан Л. И.* Аграрная политика Цинского (Манчжурского) правительства в Синьцзяне в конце XVIII века / отв. ред. В. М. Алексеев. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. 256 с.
- Думан 1976 — *Думан Л. И.* Учение о сыне Неба и его роль во внешней политике Китая (с древности до нового времени) // Китай: традиции и современность. М.: Наука, 1976. С. 28–51.
- Златкин 1983 — *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука, 1983. 335 с.
- Иакинф 1829 — Описание Чжунгарии и Восточного Туркистана в древнем и нынешнем состоянии. Пер. с кит. Монахом Иакинфом. Часть I–II. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1829. XLVI, 271 с.
- Кузнецов 1983 — *Кузнецов В. С.* Цинская империя на рубежах Центральной Азии (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука, 1983. 128 с.
- Кукеев 2019 — *Кукеев Д. Г.* Китайские источники частного характера по истории джунгарского ханства // Общество и государство в Китае. 2019. № 1. С. 308–317.
- Кукеев 2018 — *Кукеев Д. Г.* Особенности сопротивления ойратов на заключительном этапе уничтожения джунгарского ханства: «махачин» // Общество и государство в Китае. 2018. № 1. С. 13–22.
- Кычанов 2009 — *Кычанов Е. И.* Традиционное право // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М. Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2009. С. 386–402.
- Мартынов 2009 — *Мартынов А. С.* Императорское дэ как символ верховной власти // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М. Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2009. С. 136–140.
- Международные отношения 1989 — Международные отношения в Центральной Азии. XVII–XVIII вв. Док. и мат-лы. / Ин-т востоковедения АН СССР, Ин-т востоковедения АН МНР; сост. Б. П. Гуревич, В. А. Моисеев. Кн. 1. М.: Наука, 1989. 373 с.
- Моисеев 1991 — *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.
- Пастухов 2009 — *Пастухов А. М.* Ойратская политика Цяньлуна // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 2. С. 19–29.
- Тиморшина 2005 — *Тиморшина А. М.* Внешнеполитические парадигмы империи Цин // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Международные отношения. 2005. № 1. С. 225–235.
- Тутаев 2019 — *Тутаев И. В.* Казус с признанием Губайдуллы Уалиханова в достоинстве хана: историко-правовой анализ // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. Сб. науч. тр. / науч. ред. Д. В. Васильев. М.: ОнтоПринт, 2019. С. 252–262.
- Удербаетова, Сагатов 2019 — *Удербаетова С. К., Сагатов А. М.* Переосмысление роли ойратов в истории Центральной Азии нового времени в новейшей историографии // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв. Сб. науч. тр. / науч. ред. Д. В. Васильев. М.: ОнтоПринт, 2019. С. 57–64.
- Фанлюэ 1994 — Извлечения из «Пиндин чжунгээр фанлюэ» («Описания усмирения джунгар»). Документ 1 // Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана XIV–XIX вв. Алматы: Гылым, 1994. С. 75–77.
- Хафизова 2019 — *Хафизова К. Ш.* Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 476 с.

- Noda, Onuma 2010 — *Noda J., Onuma T.* A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty. Tokyo: TIAS, Dept. of Islamic Area Studies, Center for Evolving Humanities, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo. III, 176, [2] p.
- Perdue 2005 — *Perdue P. C.* China Marches West: the Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2005. 725 p.
- 方略 — 平定准噶尔方略清-傅恒. 正编卷十四第 11a 页。Пиндин чжунгаэр фанлюэ. Чжэн бянь цзюань 14е, 11а. (= Описание усмирения джунгаров. Цин. Вошедшее в имеющийся список. Основное составление. Кн. 14. Л. 11а) [электронный ресурс] // 搜韵网 (сайт о поэзии Soyun.com). URL: https://sou-yun.cn/eBookIndex.aspx?kanripoId=KR2c0012_068&id=7505#page_1a (дата обращения: 29.07.2020).

References and Sources

- Anufriev K. S. Russian and Chinese Policies in Central Asia. Tomsk: Tomsk State University, 2011. 200 p. (In Russ.)
- Barmin V. A., Dmitriev S. V., Shmatov V. G. Xinjiang. An outline of history. *Society and State in China*. 2016. Vol. XLVI. Part 2. Pp. 209–244. (In Russ.)
- Chinese-Russian and Russian-Chinese Online Dictionary. On: BKRS. China and Chinese language for professionals and amateurs. Available at: <https://bkrs.info/> (accessed: July 29, 2020). (In Chin. and Russ.)
- Description of the Dzungar Pacification: Excerpts. Document 1. In: Chinese Documents and Materials on the History of Eastern Turkestan, Central Asia and Kazakhstan: 14th–19th Centuries. Almaty: Gylym, 1994. Pp. 75–77. (In Russ.)
- Doronin B. G. History and historical consciousness. In: Titarenko M. L. (ed.) *Spiritual Culture of China: Encyclopedia*. In 5 vols. Vol. 4: Historical Thought. Political and Legal Culture. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2009. Pp. 27–40. (In Russ.)
- Duman L. I. Agrarian Policy of the Qing (Manchu) Government in Xinjiang: Late 18th Century. V. Alekseev (ed.). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. 256 p. (In Russ.)
- Duman L. I. Son of Heaven: the doctrine and its role in China's foreign policy (from earliest times to the modern era). In: *China. Traditions and Contemporaneity*. Moscow: Nauka, 1976. Pp. 28–51. (In Russ.)
- Gurevich B. P., Moiseev V. A. (comps.) *International Relations in Central Asia, 17th–18th Centuries: Documents and Materials*. Institute of Oriental Studies (USSR Academy of Sciences), Institute of Oriental Studies (Mongolian Academy of Sciences). Vol. 1. Moscow: Nauka, 1989. 373 p. (In Russ.)
- Hyacinth (transl.) *Description of Dzungaria and Eastern Turkestan: From Earliest Times to the Present Days*. Parts I–II. St. Petersburg: Karl Kray, 1829. XLVI, 271 p. (In Russ.)
- Khafizova K. Sh. *Steppe Rulers and Their Diplomacies: 18th–19th Centuries*. Nur-Sultan: Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, 2019. 476 p. (In Russ.)
- Kukeev D. G. Chinese private sources on the history of Zunghar Khanate. *Society and State in China*. 2019. No. 1. Pp. 308–317. (In Russ.)
- Kukeev D. G. Some features of the Oirats' resistance at the final stage of the annihilation of Zunghar Khanate: 'makhachin'. *Society and State in China*. 2018. No. 1. Pp. 13–22. (In Russ.)
- Kuznetsov V. S. *The Qing Empire Approaching Central Asia: Mid-18th to Mid-19th Centuries*. Novosibirsk: Nauka, 1983. 128 p. (In Russ.)
- Kychanov E. I. Customary law. In: Titarenko M. L. (ed.) *Spiritual Culture of China: Encyclopedia*. In 5 vols. Vol. 4: Historical Thought. Political and Legal Culture. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2009. Pp. 386–402. (In Russ.)

- Martynov A. S. The Emperor's *Te* as a symbol of supreme power. In: Titarenko M. L. (ed.) *Spiritual Culture of China: Encyclopedia*. In 5 vols. Vol. 4: Historical Thought. Political and Legal Culture. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2009. Pp. 136–140. (In Russ.)
- Moiseev V. A. *Dzungar Khanate and Kazakhs: 17th–18th Centuries*. Alma-Ata: Gylym, 1991. 238 p. (In Russ.)
- Noda J., Onuma T. *A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty*. Tokyo: TIAS, Dept. of Islamic Area Studies, Center for Evolving Humanities, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo. III, 176, [2] p. (In Eng.)
- Pastukhov A. M. Oirat policy of the Qianlong Emperor. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2009. No. 2. Pp. 19–29. (In Russ.)
- Perdue P. C. *China Marches West: the Qing Conquest of Central Eurasia*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2005. 725 p. (In Eng.)
- Timorshina A. M. External political paradigms of the Qing Empire. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2005. No. 1. Pp. 225–235. (In Russ.)
- Tutaev I. V. How Gubaydulla Ualikhanov was declared Khan: a historical and legal analysis of the casus. In: Vasilyev D. V. (ed.) *Central Asia, 18th–19th Centuries: The Cross-Roads of European and Asian Political Interests. Collected Scholarly Papers*. Moscow: OntoPrint, 2019. Pp. 252–262. (In Russ.)
- Uderbaeva S. K., Sagatov A. M. Rethinking the role of Oirats in the modern history of Central Asia and contemporary historiography. In: Vasilyev D. V. (ed.) *Central Asia, 18th–19th Centuries: The Cross-Roads of European and Asian Political Interests. Collected Scholarly Papers*. Moscow: OntoPrint, 2019. Pp. 57–64. (In Russ.)
- Vradiy S. Yu. Preface to Wei Yuan's 'Illustrated Treatise of Foreign Countries' (translation and commentaries). *Oriental Institute Journal*. 2018. No. 2. Pp. 132–141. (In Russ.)
- Zlatkin I. Ya. *History of the Dzungar Khanate: 1635–1758*. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1983. 335 p. (In Russ.)
- 方略 — 平定准噶尔方略清-傅恒。正编卷十四第 11a 页。Pinyin chzhun'gaer fanlyue. Chzhen b'yan' tszyuan' 14e, 11a (Description of the Dzungar Pacification. The Qing. Materials Included in the Available List. Key Part. Book 14. P. 11a). On: 搜韵网Soyun.com. Website of poetry. Available at: https://sou-yun.cn/eBookIndex.aspx?kanripId=KR2c0012_068&id=7505#page_1a (accessed: July 29, 2020). (In Chin.)

ИСТОРИЯ

УДК / UDC 930 (571.54)

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-41-55

М. Н. Богданов и Ц. Ж. Жамцарано о развитии капиталистических отношений в бурятском обществе в начале XX в.

*Ширап Цыденович Цыдэнэ*¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

аспирант, младший научный сотрудник

 0000-0003-4207-5775. E-mail: tsydens@outlook.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Цыдэнэ Ш. Ц., 2021

Аннотация. В статье рассматриваются работы лидеров бурятского национального движения М. Н. Богданова и Ц. Ж. Жамцарано в контексте разработки проблемы развития капиталистических отношений в бурятском обществе в начале XX в. *Цель* исследования заключается в определении специфики в постановке проблемы развития капиталистических отношений у бурят в работах просветителей. Исследование основывается на оригинальных работах М. Н. Богданова и Ц. Ж. Жамцарано, опубликованных в начале XX в. Поставленные в статье *задачи*: охарактеризовать социальную и политическую позиции М. Н. Богданова и Ц. Ж. Жамцарано; выявить их точки зрения на проблему развития капиталистических отношений у бурят; выявить общее и особенное в их рассуждениях. *Выводы.* Из анализа работ бурятских просветителей выявлено, что проблема развития капиталистических отношений у бурят разрабатывалась в контексте национального и административного вопросов и более подробно — в направлении изучения социально-экономического развития бурят, степени социального расслоения и развития земельных отношений, которые были связаны с переселенческой кампанией. В отечественной историографии отмечается, что национальная интеллигенция рассматривала проблему на стадии первоначального накопления капитала, с присущими ей социальным расслоением и производственной дифференциацией. Отмечаем, что социальная и политическая принадлежность авторов не оказывала существенного, негативного влияния на ход их суждений, но обуславливала специфику взглядов. Несмотря на это, они находили общее в своих рассуждениях по каждому из направлений исследования.

Ключевые слова: капитализм, самосознание, правосознание, социальное расслоение, классовая борьба, поземельное устройство, методология

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания — проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте истори-

ко-культурного наследия России и Внутренней Азии» (номер госрегистрации: 121031000263-3).

Для цитирования: Цыдэнэ Ш. Ц. М. Н. Богданов и Ц. Ж. Жамцарано о развитии капиталистических отношений в бурятском обществе в начале XX в. // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 1. С. 41–55. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-41-55

M. N. Bogdanov and Ts. Zh. Zhamtsarano: On the Development of Capitalist Relations in Buryat Society during the Early 20th Century

*Shirap Ts. Tsydene*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)
Postgraduate Student, Junior Research Associate

 0000-0003-4207-5775. E-mail: tsydens@outlook.com

© KalmSC RAS, 2021

© Tsydene Sh. Ts., 2021

Abstract. *Introduction.* The article considers works by leaders of the Buryat national movement M. N. Bogdanov and Ts. Zh. Zhamtsarano to provide insight into the issue of capitalist relations development in Buryat society during the early 20th century. *Goals.* The article seeks to determine specific features of the problem formulation thereto traced in studies conducted by the mentioned scholars. The research analyzes articles of M. N. Bogdanov and Ts. Zh. Zhamtsarano published at the beginning of the 20th century. The objectives set in the article are aimed at characterizing the social and political standpoints of M. N. Bogdanov and Ts. Zhamtsarano; revealing their attitudes to the problem of capitalist relations development among the Buryats; exploring general and special points in their reasoning. *Conclusions.* The study of socioeconomic development of the Buryats, including that of land relations, are associated with the resettlement campaign. Russian historiography notes that the ethnic intelligentsia considered the problem at the stage of the initial accumulation of capital with its inherent social stratification and manufacturing differentiation. It is also clear that the social and political affiliation of the authors had no significant negative impacts on the course of their judgments but did determine the specificities of their views. Despite this, they found common ground in their reasoning for each of the research areas.

Keywords: capitalism, self-consciousness, legal awareness, social stratification, class struggle, land structure, methodology

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment — project name ‘Writing Traditions of the Peoples of the Baikal Region in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia’ (state reg. no. 121031000263-3).

For citation: Tsydene Sh. Ts. M. N. Bogdanov and Ts. Zh. Zhamtsarano: On the Development of Capitalist Relations in Buryat Society during the Early 20th Century. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13(1): 41–55. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-41-55

Введение

Отечественная историография национального движения, лидеров этого движения и состояние бурятского общества в начале XX в. акцентирует внимание на влиянии капиталистических отношений на происходившие процессы. В этих условиях М. Н. Богдановым и Ц. Ж. Жамцарано рассматривалась проблема развития капиталистических отношений в бурятском обществе. При этом М. Н. Богданов в своих взглядах склонялся в сторону обрусителей; Ц. Ж. Жамцарано придерживался позиции национальной самоидентификации.

Методы исследования

В исследовании были применены исторический, сравнительный и типологический методы. Исторический метод был направлен на изучение связи между историческим временем и пространством, в котором пребывали авторы с ходом их рассуждений, так была обнаружена связь правительственных мероприятий и внутренних процессов в бурятском обществе со спецификой постановки проблемы развития капиталистических отношений среди бурят. Сравнительный и типологический методы комбинировались, благодаря этому были выявлены характерные черты в социально-политических позициях авторов, а затем результаты анализа авторских работ были типологизированы как три отдельных направления разработки проблемы в исследованиях авторов.

Капитализм и хозяйственное состояние бурят в трудах М. Н. Богданова и Ц. Ж. Жамцарано

В работе М. Н. Богданова «Бурятское возрождение» содержатся опасения: «не успеет ли раздавить нас всемогущий бог западно-европейской культуры — «капитал, который с выдворением в России новых форм жизни, мощными шагами пойдет вперед?» [Богданов 1907: 47]. Это опасение было вызвано пониманием силы рынка, который, по представлениям автора, был способен подчинить себе нужды любого [Богданов 1907: 49].

В другой статье М. Н. Богданов писал об общей беде русского и инородческого населения Иркутской губернии, где «капитал уже вырос за пределы национальных рамок» [Богданов 1906: 55].

Менее обеспокоен развитием капитализма Ц. Ж. Жамцарано, который в ответной серии статей «Народное движение бурят и его критика» понимает представления М. Н. Богданова о капитализме как о силе, нивелирующей все национальные различия, которая должна совершить капитализацию и пролетаризацию [Жамцарано 1907а: 17–18]. Жамцарано видит близость между трактовками капитализма М. Н. Богдановым и социал-демократами, хотя тут же подчеркивает, что не считает его партийным. Далее Ц. Ж. Жамцарано говорит о несостоятельности учения марксистов, ссылаясь на примеры национальных революций в Европе, и в самой судьбе России [Жамцарано 1907а: 18].

Размышлениям о нивелирующем наступлении капитализма Ц. Ж. Жамцарано противопоставил правосознание и самосознание: их развитие в бурятском обществе он объясняет, ссылаясь на докладную записку забайкальских бурят от 1905 г., указав в качестве причины «именно, пользование самоуправлением

(подразумевается самоуправление по Уставу 1822 г.)¹, когда не обладало им даже русское население, сделало то, что у забайкальских инородцев развилось как самосознание, так и правосознание, буряты самоопределились, как народность» [Жамцарано 1906: 170].

Об этих качествах гражданского общества, при рассмотрении существующей в начале XX в. системы управления иркутскими бурятами, так рассуждал его оппонент М. Н. Богданов: «это было не мертвое, шаблонное, чисто канцелярское дело, а живое, затрагивающее основы и существенные вопросы всего общественного быта» [Братский 1904: 133], при условии твердой позиции головы ведомства и уважения в инородной управе решений сугланов «везде в таких случаях вопросы, обсуждаемые на сугланах, возбуждают живейший интерес», так же автор приводит примеры эволюционного развития бурятского общественного строя через учреждение новых и функциональные изменения старых должностных лиц [Братский 1904: 133].

В другой статье М. Н. Богданова имеются указания на проявление самосознания бурят, выступивших перед русской администрацией в лице крестьянского начальника с проектом обустройства социальной и экономической жизни общества [Братский 1910: 75–80]. Правда, там же подчеркивается редкость таких случаев.

Тем не менее в размышлениях оппонентов имеется и общность взглядов на поиск причины национального подъема в начале XX в., оба видят её в общественном укладе, который был закреплен статьями Устава от 1822 г., которые сделали возможным формирование в бурятах самосознания и правосознания. Эти неотъемлемые качества инициативного гражданского общества, казалось Ц. Ж. Жамцарано, могли уберечь бурят от худших проявлений капитализма [Жамцарано 1906: 170–171; Жамцарано 1907а: 19–20].

Однако ошибочно утверждать, что авторы пренебрегали материальной базой. Материальную, т. е. хозяйственную, опору социального переустройства просветители видели по-разному. Ц. Ж. Жамцарано в общинном землевладении и землепользовании видел опору национальной идентичности и экономического благосостояния бурят, против которого, по его мнению, были нацелены «все меры правительства с 1890 г., против той солидарности, единства..., которое делало бурят весьма стойкими» [Жамцарано 1906: 169].

Отсюда вывод, что Ц. Ж. Жамцарано не видел большую угрозу в нивелировании национальной идентичности бурят в капиталистических отношениях, при условии их верности собственным институтам, их усовершенствованию, которые уже продемонстрировали свою прочность в кризисных условиях. О них автор ведет речь в статье «О том, как развивались самосознание и правосознание сибирских инородцев-бурят», где описана борьба бурят за свой образ жизни [Жамцарано 1905: 3889–3890].

Размышления Ц. Ж. Жамцарано об этом образе жизни можно обобщить в его выражении: «все дела несутся всей общиной вместе» [Жамцарано 1906: 171].

По-другому думал М. Н. Богданов, который в своих статьях «Очерк бурятского хозяйства в Балаганском уезде» и «Очерк бурятского хозяйства в

¹ Устав «об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г.

Иркутской губернии» подводит читателя к мысли о переходном состоянии социально-экономического устройства бурят. Автор видел архаичные черты бурятского общества в неразвитости промыслов и приверженности к скотоводству. Буряты практически не вовлекались в промыслы, которые требовали длительного отлучения от домашнего хозяйства, оставаясь верными промыслам, «составляющим исконное занятие старожилов — охоте и звероловству» [Богданов 1908г: 60–61].

Положение скотоводства М. Н. Богданов оценил так: «даже в наиболее земледельческих (бурятских) ведомствах скотоводство играет большую роль, чем в наиболее скотоводческих русских волостях» [Богданов 1908г: 58]. Эти мысли подтверждаются им в статье «Иркутские буряты и землеустройство», здесь, вместе с подробной классификацией русского и бурятского населения, автор указал на более развитую хозяйственную группировку и высокую социальную дифференциацию русских [Богданов 1908г: 58].

М. Н. Богданов подчеркивает близость бурятского населения к природе, зависимость от неё, невовлеченность (бурят) в водоворот торгово-промышленной жизни края [Богданов 1908б: 42].

Доходы скотоводства в общем объёме М. Н. Богданов затрудняется определить, ссылаясь на отсутствие на этот счет источников, но смог указать на его пищевую направленность, приведя пример торгового сотрудничества бурят и русских скупщиков, последние распространяли бурятское мясо по всему Иркутску [Богданов 1908в: 42].

О масштабах этого сотрудничества М. Н. Богданов упомянул как об одном из наиболее важных источников продовольственного снабжения Иркутска, без которого город находился бы в тяжелом положении во время русско-японской войны.

В итоге Михаил Николаевич отметил особенности социально-экономического устройства бурят и определил его состояние как переходное и стремящееся к русскому типу крестьянского хозяйства, более предпочтительному для обустройства жизни в условиях нового века.

Заметки М. Н. Богданова о типе бурятского хозяйства и его связях с общим хозяйством региона, а именно — «местное население всюду приспособляется к этим (естественным) условиям и создает в каждом районе особый хозяйственный тип», говорят об этом переходе как о живом и вариативном процессе [Богданов 1908в: 42]. К схожим мыслям приходит и Ц. Ж. Жамцарано в статье «О правосознании бурят» [Жамцарано 1906: 175].

Живой характер этого хозяйства состоит в стремлении и действиях бурят по его развитию. Так, М. Н. Богданов упоминает о попытках ходатайствовать «об открытии школ с преподаванием «рационального скотоводства» [Богданов 1908г: 60].

Требование о развитии образования среди бурят фигурирует и в других статьях автора, в попытке организации 5-классного училища с преподаванием медицины, огородничества и рационального скотоводства [М. Б. 1908: 58].

Ходатайства об открытии школ сопровождались комментариями выборных бурятского самоуправления, что «лучше мы ничего не могли придумать» [Братский 1904: 133].

Получила предварение в специальном суглане проблема рационализации бурятского хозяйства «по вопросу об улучшении породы местного скота», где обсуждалось открытие по этому случаю «Особого общества», которое курировало бы данную работу [Богданов 1908в: 43].

Развив позицию о важности скотоводческого хозяйства бурят, ссылаясь на слова Дмитрия Клеменца о том, что «(буряты), где представляется возможность, разнообразят свой быт... новыми занятиями, вводят новые порядки, цель которых — обеспечить по возможности каждому правомерное пользование плодами своих трудов», Ц. Ж. Жамцарано заключает: «Невозможно вводить одинаковый порядок жизни, формы хозяйства» [Жамцарано 1906: 177–178]. По мнению автора, куда лучше представить «единство в разнообразии... взаимное дополнение... путь, обещающий богатые результаты» [Жамцарано 1906: 177–178], там же рассматриваются примеры преимущества такого положения.

Также были упоминания о желании бурятских лидеров организовать собственное маслобойное производство на основании имеющихся продуктов сельского хозяйства, в особенности кожи [Жамцарано 1906: 171].

В контексте разнообразия производства также следует упомянуть о заметках М. Н. Богданова о росте среди бурятского населения разнообразия в потребностях, которые он объясняет влиянием русского населения. Русские ответственны за распространение земледелия среди бурят, и те в свою очередь вместе с успехами на этом поприще разворачиваются к рынку для реализации «продуктов полевого хозяйства на сторону» [Братский 1906: 285].

Таким образом, бурятские просветители выявили единую закономерность хозяйственного развития бурят в рационализации скотоводства, а также в повышении правосознания и самосознания бурятского общества, из чего можно заключить, что при оценке тенденции роста гражданственности бурят мнения бурятских лидеров не имеют существенных расхождений, однако трудно сказать то же самое при оценке материальной базы бурятского народа. М. Н. Богданов был настроен скептически по отношению к приверженности бурят к скотоводству, но подчеркивал правильность попыток его рационализировать [Богданов 1908г: 60]; Ц. Ж. Жамцарано считал, напротив, данный путь «улучшения и усовершенствования скотоводческо-кочевго хозяйства» основным [Жамцарано 1906: 177]. Такое положение вещей неудивительно, потому как оба автора относились к достаточно радикальному левому крылу национального движения, которое содержало внутренний конфликт «западников» и «народников», к первым принадлежал М. Н. Богданов, а ко вторым — Ц. Ж. Жамцарано.

Так бурятские просветители в целом понимают неизбежность наступления капитализма. Но подчеркивают необходимость быть правильно подготовленными к вовлечению в капиталистические отношения — социально, политически и экономически. Неподготовленность в этих сферах, по мнению М. Н. Богданова, могла бы привести бурят к глубокому хозяйственному кризису, избежать которого можно при условии приближения бурятского жизненного уклада к укладу русского крестьянства. Это должно было обеспечить главное — усложнение и дифференциацию бурятского хозяйства.

Для Ц. Ж. Жамцарано этот вопрос стоит менее выпукло, в социальной и политической сферах исследователь более основательно полагается на проявленные бурятами самосознание и правосознание, в хозяйственном смысле — на традиционные способы вести хозяйство в плане видов занятий и способов их организации, хотя и рассуждает о правильности развития более сложных видов производства.

О социальном расслоении в бурятском обществе

Другой не менее важный момент, связанный с развитием капиталистических отношений, это вопрос социального расслоения. Одним из первых в отношении коренных народов Сибири эту тему исследовал М. С. Ольминский при рассмотрении земельных отношений в якутской общине, в которой, по мнению М. С. Ольминского, имелись признаки социального расслоения в имущественном разрыве родовой знати и обычных общинников (цит. по: [Шейнфельд 1973: 84]).

Спустя годы этому процессу дал описание С. В. Бахрушин, который указал на установившуюся благодаря Уставу 1822 г. возможность для якутских родовых предводителей расширять свои владения через договор с бедными общинниками, обязуясь уплачивать за них ясак, взамен завладевая земельными наделами последних [Бахрушин 1929: 91].

Эти примеры напоминают заметки М. Н. Богданова о «разложении» крупнейших бурятских ведомств в конце 1880-х гг.: «вопрос об образовании более мелких ведомств на место прежних решался самими бурятами, вскоре... образовались две партии: «старая партия», стоявшая за прежний порядок со степными думами, и «новая партия», настаивавшая на необходимости ведения нового порядка» [Братский 1904: 131].

Однако необходимо признать, что здесь речь идёт в первую очередь об административном управлении. Но, несмотря на это, нужно подчеркнуть особенность этих дискуссий, в ходе которых в обязательном порядке должен был производиться земельный передел, и этот вопрос должен был стоять наравне с вопросами административного управления и власти. По нашим соображениям, только их комбинация могла привести бурят к частым конфликтам и даже применению оружия в борьбе друг с другом, вне зависимости от возраста, что было подробно описано М. Н. Богдановым [Братский 1904: 132].

Несмотря на подверженность системы управления бурят влиянию капиталистических отношений, трудно говорить об отдаленности должностных лиц от общинников, учитывая их выборность. Однако это не мешало им осуществлять кредитную деятельность среди своих соплеменников за немалый процент, за счет личных денег и даже общественных [Братский 1904: 141]. Помимо этого, лица, причастные к управлению, использовали административный статус в финансовых сделках, как «возможность более успешно взыскивать долги», а также практиковали «так называемое, общественное ручательство» [Братский 1904: 142]. Под этим понимаются кредиты, которые брались на имя ведомства, данными средствами должностные лица могли распоряжаться достаточно вольно. Однако М. Н. Богданов не спешит обличать бурятских администраторов, подчеркивая отсутствие у бурят иных вариантов кредита на

более приемлемых условиях. Важность кредита подчеркивается и в других статьях как «неотложные нужды» [Богданов 1908в: 45].

О социальной напряженности и расслоении также упоминал Ц. Ж. Жамцарано, указав на нахождение бурятского имущего класса в, «быть может, не преднамеренном союзе с шаманами», на обрядах которых, по мнению автора, богатые «наживают десятки и сотни тысяч рублей ежегодно» [Жамцарано 1907б: 17].

Кроме того, М. Н. Богданов снова указывает на условие, которое может благоприятствовать развитию социального расслоения, а затем и напряженности, это бессистемность суда в бурятских ведомствах, где мера наказания за проступок определялась «от личности как судьи, так и провинившегося», способности последнего ответить на наказание, которое он может счесть несправедливым [Братский 1904: 148].

Другими словами, исследователи-просветители указывают на влияние капитала на традиционные институты, проникновение товарно-денежных отношений в общественное самоуправление бурят. Во-первых, когда должностные лица могли использовать свое положение для укрепления личного хозяйства через учреждение новых поборов и, возможно, расширение земельных владений за счет беднейших соплеменников. Во-вторых, они же использовали свое положение для проведения финансовых операций за счет общественных средств под различными предлогами. Однако ни Ц. Ж. Жамцарано, ни М. Н. Богданов не акцентируют внимание на классовости взаимоотношений в бурятском обществе, а их заметки о некоем противостоянии не носят систематического характера. А из имеющихся заметок можно сделать вывод, что в социальном расслоении как явлении, где существует эксплуатация, авторы видят отрицательное влияние на бурят. Однако как таковой процесс расслоения в бурятском обществе они видят в зачаточном состоянии, из которого еще не вырос классовый вопрос.

О влиянии землеустроительной кампании царского правительства на бурят

Учитывая привязанность бурятского населения к земле, их зависимость от неё и её значение в хозяйственном и социальном планах, одним из наиболее важных для бурят является вопрос земельной и переселенческой политики царского правительства в начале XX в. Он нашел отражение в работах М. Н. Богданова и Ц. Ж. Жамцарано.

М. Н. Богданов в статье «Иркутские буряты и землеустройство» продолжает говорить о влиянии русских на бурятское общество. Он приводит мнение о переселенцах из западной части России как о носителях товарно-денежных отношений, что «почти $\frac{3}{4}$ приписного поселенческого населения волостей... находится в отсутствии», т. е., как правило, находились в отлучке от мест приписки и были заняты различными промыслами в качестве наемных работников [Богданов 1908б: 44].

Ранее об этом говорил И. А. Гурвич, в будущем революционер. Он обнаружил тенденцию по расширению переселенческой кампании на примере переселения крестьян на Алтай, которые были не обеспечены средствами для от-

крытия своего хозяйства. Так, они выступали в роли элемента, расслаивавшего крестьянство, носителя капиталистических отношений, как в форме батрачества, так и в кредитных связях со старожилами [Гурвич 1889: 80, 85].

Жизнь отсутствующих поселенцев проходила в соответствии с запросами рынка. Данную картину дополняет исследование рыбопромыслового хозяйства сибирских крестьян А. Г. Шлихтера, где обнаружена прямая параллель между ростом производительности хозяйств и расширением практики привлечения вольнонаёмного труда [Шлихтер 1916: 44].

Так авторы сошлись во мнениях с марксистами о взаимовлиянии социальных и экономических процессов. Мнение Богданова о роли поселенцев подтверждается работами таких марксистов, как вышеупомянутые И. А. Гурвич («Переселение крестьян в Сибирь») и А. Г. Шлихтер («Экономическое положение крестьян Туруханского края»), которые на тот момент специализировались на подобных исследованиях.

Связь этих явлений с поземельным устройством бурят не так очевидна, однако обнаружена М. Н. Богдановым. В статье «Иркутские буряты и землеустройство» он разобрал порядок формирования и распределения земельных наделов землеустроительной и землеотводной компаниями, которые производились, основываясь на идее о равенстве русского и инородческого населения, по единому стандарту земельных наделов, что не могло обеспечить реальное равенство ввиду недоработок инструкций в части подсчета лиц, которым полагались бы наделы. В результате этих компаний буряты были вынуждены сократить поголовье скота ввиду неспособности его содержать в рамках срезанного надела, в конце работы автор заключил, что «для нас становится ясно, что формальное равенство... которое стремятся водворить на местах, в действительности неизбежно должно превратиться в самое вопиющее неравенство» [Богданов 1908б: 43–45].

В другой статье М. Н. Богданов указал на вторую причину сложившегося для бурят положения, подчеркнув естественную непригодность бурятских территорий для интенсивного земледелия в ограниченных наделах: «земля далеко не подобна холсту, который можно разрезать на куски любого размера». О них автор сказал так: «нельзя согнать людей в один угол... так же невозможно, создав искусственное земельное утеснение, заставить перейти к более интенсивным формам хозяйства» [Богданов 1908в: 40].

Эта позиция напоминает о понятии «относительного малоземелья», которое было проработано А. А. Кауфманом как ситуация, при которой население имеет нехватку земли ровно в такой степени, которая сподвигнет население улучшить инструменты качественного развития хозяйства, а не количественного. Так правительство формирует условия «относительного малоземелья» для бурят с целью обеспечить приемлемые условия русского переселенческого населения.

В заключение о переселенческой политике будет правильно процитировать слова М. Н. Богданова: «Если землеотводные работы будут и впредь вестись в тех же размерах и теми же приемами... то большей части бурятских улусов грозит полнейшее разорение» [Богданов 1908а: 32], тут же автор пришел к выводу о целенаправленных действиях правительства.

В последнем замечании мнение М. Н. Богданова разделил Ц. Ж. Жамцарано [Жамцарано 1906: 174]. Однако его подход к земельному вопросу, хоть и был близок к позиции его оппонента, но представил более четкую критическую оценку политике правительства. Это заметно в его статьях: «К вопросу о правосознании бурят»; «О том, как развивалось самосознание и правосознание сибирских инородцев-бурят». Нельзя ошибиться, если указать на одну из причин такой позиции — активную вовлеченность автора к описываемым им событиям — и обнаружить другую в вышеупомянутых словах М. Н. Богданова о близости бурятского образа жизни к земле. Это у забайкальских бурят было заметно куда глубже и комбинировалось с существенными и трудными для них изменениями в административном управлении. Обобщить размышления Ц. Ж. Жамцарано можно его высказыванием: «подушевой или мелкообщинный надел не устроит, а разстроит хозяйство бурят» [Жамцарано 1906: 177]. По поводу действий правительства Ц. Ж. Жамцарано говорил: «меры, которые нарушили равновесие жизни, выбили бурят из колеи», а их результат автор определил так: «народ перестал быть хозяином в своем доме» [Жамцарано 1906: 178].

Таким образом, исследователи раскрыли взаимовлияние социальных и экономических процессов, с учётом политических действий правительства. М. Н. Богданов заключил, что все прибывавшие поселенцы являются носителями капиталистических, рыночных отношений. Ц. Ж. Жамцарано посвятил свои исследования административной стороне поземельного устройства, рассуждал о влиянии политики правительства на уклад жизни местного сообщества. Но оба автора не видели ничего позитивного в поземельном переустройстве в том виде, в котором оно производилось в то время.

Отдельные моменты из исследований подпадали под влияние личных взглядов автора. М. Н. Богданов занимал по большинству вопросов прогрессивную позицию, так называемую «западническую», хотя бывало, что эта приверженность подводила автора при рассмотрении противоположных взглядов. В статье «Бурятское возрождение», критикуя позиции Ц. Ж. Жамцарано о распространении буддизма среди иркутских бурят, он ссылается на разговоры с некими лицами из народа, и на основании этих частных примеров автор заключает, что существует «сильное противоламское течение», то же касается мнения о роли в этом процессе сотрудников учительской организации «Знамя Бурятского народа» и критики нового монголо-бурятского алфавита [Богданов 1907: 41].

Это создает впечатление о скоропалительности выводов М. Н. Богданова, некотором пренебрежении к темам, касающимся традиции, и прочему, что не соответствовало идеям М. Н. Богданова о развитии бурятского общества, на что и указывал Ц. Ж. Жамцарано, дав объяснение ошибке М. Н. Богданова [Жамцарано 1907в: 19]. Позицию М. Н. Богданова он обосновывал содержанием устава учительского общества, опубликованного в № 19 журнала «Сибирские вопросы». Однако в статье «Сибирское земство и инородцы», когда обсуждалась более понятная тема организации самоуправления, М. Н. Богданов вполне аргументированно критиковал проекты своих оппонентов [Богданов 1906: 52–57].

С другой стороны, Ц. Ж. Жамцарано проявляет увлеченность в ответных статьях, критикуя позиции М. Н. Богданова, когда начинает приводить в качестве аргументов труднореализуемые задачи, к примеру, сбыт товаров духовного производства бурят на рынки всех монгольских народов, в ответ на замечания о малости собственного рынка для бурятского производителя в условиях наступающего капитализма [Жамцарано 1907а: 20].

Другими словами, социальная и политическая позиция авторов, состоящая в принадлежности к политическим группам «западников» и «народников», по большому счету не отразилась на выводах Ц. Ж. Жамцарано и М. Н. Богданова, хотя и формировали методологическую позицию авторов. Ограничились эти вольности отдельными проявлениями в ходе острой полемики по вопросам жизнедеятельности бурятского общества, которые не касались напрямую проблемы развития капиталистических отношений у бурят. Исключением может быть пример, приведенный выше.

Заключение

Бурятские просветители Ц. Ж. Жамцарано и М. Н. Богданов сформировали собственный, специфический взгляд на проблему развития капиталистических отношений в бурятском обществе, которую они рассматривали в трех плоскостях: а) социально-экономического развития; б) степени социального расслоения; в) а также в плане земельных взаимоотношений у бурят. Причина отдельной разработки последнего вопроса заключается в условиях существования бурятского народа, а именно давлении со стороны правительства в рамках землеустроительной политики.

В социально-экономической плоскости авторы обнаружили единую тенденцию в развитии бурятского хозяйства в скотоводческой направленности. Однако оценивали они этот процесс по-разному. М. Н. Богданов говорил о переходном состоянии бурятского хозяйства, которое, по его мнению, приближалось к русскому типу крестьянского хозяйства. Этот процесс должен был положить конец вышеупомянутой тенденции; по мнению автора, переход был правильным, но до сих пор недостаточным. Причины этого перехода М. Н. Богданов видел в русском влиянии, в распространении среди бурят земледелия, которое ответственно за разнообразие потребностей и поворот бурят к рынку в стремлении реализовать продукты сельского производства на стороне. Ц. Ж. Жамцарано этот процесс видел иначе, он подчеркивал перспективу и правильность планов бурят по рационализации и дальнейшему развитию ими своего скотоводческого хозяйства, опору своим словам автор нашел в доводах авторитетного ученого Д. А. Клеменца о преуспевающих скотоводческих хозяйствах Европы. Другими словами, авторы на основании существующего состояния бурятского хозяйства рассуждали о моделях лучшего хозяйственного устройства для менее болезненного вовлечения бурят в товарно-денежные отношения.

Вместе с тем авторы увидели вторую тенденцию в развитии бурятского общества, называли они её по-разному, но обобщенно представляли как национальный подъем бурятского народа в начале XX в., а причины этого подъёма они определили идентично — в развитии правосознания и самосознания бу-

ряцкого общества. Именно на эти качества обращено внимание авторов при оценке возможности бурятского общества должным образом реагировать на вызовы времени, способности быстро и эффективно перестроить социально-экономический уклад в соответствии с новыми условиями.

В социальном расслоении бурятского общества исследователи обнаружили влияние капитала на самоуправление бурят и формирование имущих социальных групп, которые эксплуатировали беднейших соплеменников, а места преодолели национальные рамки. Однако проработанного представления о классовости взаимоотношений в бурятском обществе авторы не имеют, а Ц. Ж. Жамцарано и вовсе говорил о коммунистическом характере бурятского общества. Глубже рассуждал М. Н. Богданов, когда определил во все прибывающих русских переселенцах носителей товарно-денежных отношений, обнаружил в бессистемности суда раздражитель социальных отношений и в финансовых операциях должностных лиц видел влияние рынка. Сошлись авторы в одном — в оценке нежелательности таких явлений, как эксплуатация одного над другим в бурятском обществе. Так социальное расслоение у бурят они видят в зачаточном состоянии, из которого еще не вырос классовый вопрос. Имеющиеся процессы социального расслоения обуславливались русским влиянием и несовершенством административной системы.

В земельных отношениях просветители обратили внимание на два момента. Первый — внутренний, где М. Н. Богданов дал описание бурятской жизни в условиях проведения административных реформ 1880-х гг. в Иркутской губернии, когда уровень борьбы в бурятском обществе дошел до открытых столкновений. По нашим соображениям бессистемность суда, злоупотребления тайшей могли дать такой результат при условии, что административный передел должен был означать и земельный передел. Однако говорить о конфликте внутри бурятского общества между имущими и неимущими классами в борьбе за землю преждевременно, хотя примеры такого неравенства у коренных народов приводили в своих исследованиях марксисты. Вместе с тем интересно привести заметку из современного исследования Л. М. Дамешека, Б. Ц. Жалсановой и Л. В. Кураса: «таким образом... для многих зажиточных бурят был открыт доступ к высшим должностям степного самоуправления» [Дамешек, Жалсанова, Курас 2013: 274]. Другими словами, эта реформа укрепила положение капитала в бурятском обществе.

Второй — внешний — заключается в рассмотрении влияния землеустроительной и переселенческой компаний на жизнь бурятского населения. Авторы солидарны в негативной оценке правительственной политики, но М. Н. Богданов глубже связал социальный и экономический процессы через роль переселенцев в распространении капиталистических отношений, в том числе на бурят. Ц. Ж. Жамцарано в свою очередь сосредоточился на защите традиционного уклада жизни и предоставлении доказательств о неправомерности позиции правительства, которая заключалась в отрицании возможности коллективных способов организации производства развиваться в товарно-денежных отношениях. Общинную собственность на землю правительство считало архаичным и несовместимым с понятием частной собственности. Так было раскрыто вза-

имовлияние социальных и экономических процессов, с учётом политических действий правительства.

Так просветители в целом понимают неизбежность наступления капитализма. Но подчеркивают необходимость быть правильно подготовленными к вовлечению в товарно-денежные отношения в социальном, политическом и экономическом планах. Неподготовленность в этих сферах, по мнению М. Н. Богданова, могла бы привести бурят к глубокому хозяйственному кризису, избежать которого можно при условии приближения бурятского жизненного уклада к укладу русского крестьянства. Что, по мнению автора, должно было обеспечить главное — усложнение и дифференциацию бурятского хозяйства.

Для Ц. Ж. Жамцарано этот вопрос стоит менее выпукло, в социальной и политической сферах исследователь более основательно полагается на проявленные бурятами самосознание и правосознание, в хозяйственном смысле — на традиционные способы вести хозяйство в плане видов занятий и способов их организации. Хотя он рассуждает о правильности развития более сложных видов производства.

Исходя из выводов и рассуждений, сделанных М. Н. Богдановым и Ц. Ж. Жамцарано, можно заключить, что авторы исследовали бурятское общество в условиях зарождающихся капиталистических отношений, которые развивались среди бурят ввиду как объективных внутренних изменений в жизненном укладе, так и субъективных изменений в ходе внешних правительственных мер по организации бурятской жизни. Данное заключение пересекается с оценкой В. А. Ватина, исследователя-марксиста, об уровне развития капитала в Сибири, которая звучала так: «Это эпоха первоначального накопления капитала... период, не закончившийся до сих пор» (цит. по: [Шейнфельд 1973: 127]).

Схожие мысли о недостаточной развитости хозяйственных отношений и общественном расслоении выражал В. Н. Соколов (цит. по: [Шейнфельд 1973: 111]).

Таким образом, бурятские просветители в процессе внутренней конкуренции разрабатывают собственный взгляд на проблематику развития капиталистических отношений применительно к исследованию бурятского общества.

Литература

- Бахрушин 1929 — *Бахрушин С. В.* Сибирские туземцы под русской властью до революции 1917 года // Советский север. 1929. № 1. С. 66–97.
- Богданов 1906 — *Богданов М. Н.* Сибирское земство и инородцы // Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 52–57.
- Богданов 1907 — *Богданов М. Н.* Бурятское возрождение // Сибирские вопросы. 1907. № 3. С. 38–50.
- Богданов 1908а — *Богданов М. Н.* Землеотводные операции и буряты Иркутской губернии // Сибирские вопросы. 1908. № 35–36. С. 26–32.
- Богданов 1908б — *Богданов М. Н.* Иркутские буряты и землеустройство // Сибирские вопросы. 1908. № 31–32. С. 38–50.
- Богданов 1908в — *Богданов М. Н.* К вопросу о Бурятском многоземелье // Сибирские вопросы. 1908. № 39–40. С. 35–46.

- Богданов 1908г — *Богданов М. Н.* Очерк бурятского хозяйства в Иркутской губернии // Сибирские вопросы. 1908. № 29–30. С. 52–63.
- Братский 1904 — *Братский М.* К характеристике общественного строя Иркутских бурят // Сибирский сборник. Прил. «Восточное обозрение». 1904. С. 109–162.
- Братский 1906 — *Братский М.* Очерк бурятского хозяйства в Балаганском уезде Иркутской губернии // Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 277–288.
- Братский 1910 — *Братский М.* Среди бурят Кудинского ведомства // Сибирские вопросы. 1910. № 45–46. С. 75–80.
- Гурвич 1889 — *Гурвич И. А.* Переселение крестьян в Сибирь. М.: Тип. А. Левенсон и К., 1889, 147 с.
- Дамешек, Жалсанова, Курас 2013 — *Дамешек Л. М. Жалсанова Б. Ц. Курас Л. В.* История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / отв. ред. Б. В. Базаров, Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. Иркутск.: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с.
- Жамцарано 1905 — *Жамцарано Ц. Ж.* О том, как развивались самосознание и правосознание сибирских инородцев – бурят // Право. 1905. № 49–49. С. 3885–3897.
- Жамцарано 1906 — *Жамцарано Ц. Ж.* О Правосознании бурят // Сибирские вопросы. 1906. № 2. С. 167–184.
- Жамцарано 1907а — *Жамцарано Ц. Ж.* Народное движение бурят и его критика // Сибирские вопросы. 1907. № 25. С. 15–21.
- Жамцарано 1907б — *Жамцарано Ц. Ж.* Народное движение бурят и его критика // Сибирские вопросы. 1907. № 24. С. 15–20.
- Жамцарано 1907в — *Жамцарано Ц. Ж.* Народное движение бурят и его критика // Сибирские вопросы. 1907. № 23. С. 17–20.
- М. Б. 1908 — *М. Б.* Культурные начинания среди бурят Иркутской губернии // Сибирские вопросы. 1908. № 23–24. С. 57–60.
- Шейнфельд 1973 — *Шейнфельд М. Б.* Историография Сибири (конец XIX – начало XX в.). Красноярск: Изд-во Краснояр. пед. ин-та. 1973. 399 с.
- Шлихтер 1916 — *Шлихтер А. Г.* Экономическое положение крестьян Туруханского края. Ч-2. Экономический анализ рыбопромыслового хозяйства по данным статистического подворно-бюджетного исследования крестьянских хозяйств Туруханского края. Материалы по исследованию р. Енисея в рыбопромысловом отношении. Упр. земледелия и гос. имуществ Енис. губ. Вып. 8. Красноярск: тип. б. М. И. Абалакова. 1916. 298 с.

References

- Bakhrushin S. V. Siberian natives under the Russian government: before the Revolution of 1917. *Sovetskiy sever*. 1929. No. 1. Pp. 66–97. (In Russ.)
- Bogdanov M. N. An essay of Buryat economy in Irkutsk Governorate. *Sibirskie voprosy*. 1908. No. 29–30. Pp. 52–63. (In Russ.)
- Bogdanov M. N. The issue of Buryat lands revisited. *Sibirskie voprosy*. 1908. No. 39–40. Pp. 35–46. (In Russ.)
- Bogdanov M. N. Buryat revival. *Sibirskie voprosy*. 1907. No. 3. Pp. 38–50. (In Russ.)
- Bogdanov M. N. Irkutsk Buryats and land management. *Sibirskie voprosy*. 1908. No. 31–32. Pp. 38–50. (In Russ.)
- Bogdanov M. N. Land acquisition operations and Buryats of Irkutsk Governorate. *Sibirskie voprosy*. 1908. No. 35–36. Pp. 26–32. (In Russ.)
- Bogdanov M. N. Siberian zemstvo and natives. *Sibirskie voprosy*. 1906. No. 2. Pp. 52–57. (In Russ.)
- Bratsky M. Among Buryats of Kuda Principality. *Sibirskie voprosy*. 1910. No. 45–46. Pp. 75–80. (In Russ.)

- Bratsky M. An essay on Buryat economy in Balagansk District of Irkutsk Governorate. *Sibirskie voprosy*. 1906. No. 2. Pp. 277–288. (In Russ.)
- Bratsky M. Irkutsk Buryats: characteristics of social structure. *Sibirskiy sbornik*. 1904. Pp. 109–162. (In Russ.)
- Dameshek L. M., Zhalsanova B. Ts., Kuras L. V. Self-Governing Bodies of the Buryats, 19th – Early 20th Centuries: A History. B. Bazarov (ed.). Irkutsk: Irkutsk State University, 2013. 503 p. (In Russ.)
- Gurvich I. A. Resettlement of Peasants to Siberia. Moscow: A. Levenson & Co, 1889. 147 p. (In Russ.)
- M. B. Cultural initiatives among Buryats of Irkutsk Governorate. *Sibirskie voprosy*. 1908. No. 23–24. Pp. 57–60. (In Russ.)
- Sheinfeld M. B. Historiography of Siberia: Late 19th – Early 20th Centuries. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Pedagogical Institute, 1973. 399 p. (In Russ.)
- Shlikhter A. G. The Economic Situation among Peasants of Turukhansk Region. Part 2: Economic Analysis of Fishery Industry according to Statistical Household Budget Research of Peasant Farms in Turukhansk Region. Materials for the Fishery Study of the Yenisei River. Krasnoyarsk: M. Abalakov, 1916. 298 p. (In Russ.)
- Zhamtsarano Ts. Zh. Buryat people's movement and its criticism. *Sibirskie voprosy*. 1907. No. 25. Pp. 15–21. (In Russ.)
- Zhamtsarano Ts. Zh. Buryat people's movement and its criticism. *Sibirskie voprosy*. 1907. No. 24. Pp. 15–20. (In Russ.)
- Zhamtsarano Ts. Zh. Buryat people's movement and its criticism. *Sibirskie voprosy*. 1907. No. 23. Pp. 17–20. (In Russ.)
- Zhamtsarano Ts. Zh. On legal awareness of the Buryats. *Sibirskie voprosy*. 1906. No. 2. Pp. 167–184. (In Russ.)
- Zhamtsarano Ts. Zh. Siberian natives — Buryats: the shaping of self-consciousness and legal awareness revisited. *Pravo*. 1905. No. 49–49. Pp. 3885–3897. (In Russ.)

ИСТОРИЯ

УДК / UDC 93/94

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-56-67

Исторические аспекты административно-территориального устройства Калмыкии в контексте взаимоотношений с Астраханской областью по вопросу реабилитации калмыцкого народа

Евгений Александрович Гунаев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-7173-4170. E-mail: gunaevea@kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Гунаев Е. А., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье исследуются исторические аспекты административно-территориального устройства Калмыкии во взаимоотношениях с Астраханской областью в контексте обсуждения проблемы территориальной реабилитации калмыцкого народа в начале 1990-х гг. *Материалы и методы.* В работе использованы историко-описательный, сравнительный методы исследования. Основным объектом анализа выступает архивный документ — заключение 20–23 сентября 1991 г. кандидата исторических наук, доцента Калмыцкого государственного университета Ю. О. Оглаева на «Рабочие материалы к вопросу о территориальной реабилитации калмыцкого народа» Комиссии Астраханского областного Совета народных депутатов. *Результаты.* Рассмотрена аргументация астраханской стороны по противодействию попыткам калмыцкой стороны поднять вопрос о территориальной реабилитации. В частности, приведены сведения о территориальных преобразованиях «анклавных» населенных пунктов в Калмыкии до декабря 1943 г. и после восстановления автономии в 1957 г. *Выводы.* Исторический аспект территориальных споров двух нижневолжских регионов после 1957 г. в основном связан с проблемой непризнания Астраханской областью части территории Калмыкии в границах 1957 г. Идея возврата территорий двух бывших районов Калмыцкой АССР в границах 1943 г. обозначалась руководством Калмыкии перед высшими органами власти РСФСР после 1957 г., в годы перестройки она приобретает общественно-политический характер, но затем сходит с повестки. Требуется своего научного изучения история территориальных изменений, преобразований населенных пунктов Калмыкии на границе с Астраханской областью, а также использования отгонных пастбищ соседними регионами на территории Калмыкии с позиции воздействия на экономику региона, земельные отношения и экологию.

Ключевые слова: Калмыкия, Астраханская область, территориальные вопросы, история населенных пунктов, административно-территориальное устройство, реабилитация репрессированных народов

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).
Для цитирования: Гунаев Е. А. Исторические аспекты административно-территориального устройства Калмыкии в контексте взаимоотношений с Астраханской областью по вопросу реабилитации калмыцкого народа // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 1. С. 56–67. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-56-67

Administrative and Territorial Structure of Kalmykia in the Context of Its Relations with Astrakhan Oblast on the Issue of the Kalmyk People’s Rehabilitation: Historical Aspects Revisited

*Evgeniy A. Gunaev*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista, 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Law), Senior Research Associate
 0000-0002-7173-4170. E-mail: gunaevea@kigiran.com

© KalmSC RAS, 2021
© Gunaev E. A., 2021

Abstract. Introduction. The paper explores historical aspects of Kalmykia’s administrative and territorial structure with due regard of its relations to Astrakhan Oblast in the context of the Kalmyk people’s territorial rehabilitation initiated in the early 1990s. *Materials and Methods.* The work employs the historical descriptive and comparative research methods. It focuses on one archival document — the opinion letter of September 20–23, 1991 by Yu. Ogliev, Cand.Sc. (history) and Associate Professor at Kalmyk State University, dealing with ‘Working Papers on Territorial Rehabilitation of the Kalmyk People’ issued by the Commission of Astrakhan Oblast Soviet of People’s Deputies. *Results.* The article examines arguments of Astrakhan Oblast authorities aimed at undermining attempts of Kalmykia’s government to raise the question of territorial rehabilitation. Specifically, it gives some data on territorial transformations of ‘enclave’ settlements in Kalmykia before December 1943 and after the 1957 restoration of the ethnic autonomy. *Conclusions.* The historical aspect of territorial disputes between the two Lower Volga regions after 1957 basically rests on that Astrakhan Oblast government refused to recognize the proclaimed (reclaimed) borders (some part) of Kalmykia as of 1957. The idea of returning two districts integral to the Kalmyk ASSR as of 1943 back to the republic was articulated by Kalmykia’s executives in the Government of the RSFSR after 1957, and the era of perestroika attached somewhat sociopolitical features to the issue — only to eventually end in nothing. However, the history of territorial transformations of settlements in the border areas of Kalmykia and Astrakhan Oblast do require further scientific insights, as well as the use of distant pastures by neighboring regions — special emphasis thereto be laid on economic, environmental and land-related consequences experienced by the republic.

Keywords: Kalmykia, Astrakhan Oblast, territorial issues, history of settlements, administrative and territorial structure, rehabilitation of repressed peoples

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Sociopolitical and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes’ (state reg. no. АААА-А19-119011490038-5).

For citation: Gunaev E. A. Administrative and Territorial Structure of Kalmykia in the Context of Its Relations with Astrakhan Oblast on the Issue of the Kalmyk People's Rehabilitation: Historical Aspects Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13(1): 56–67. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-56-67

Введение

В начале 1990-х гг. в связи с принятием общесоюзных и российских актов о реабилитации репрессированных народов в общественно-политической жизни России актуализируется вопрос о территориальной реабилитации, т. е. восстановлении границ до антиконституционного упразднения автономий и депортации народов в годы Великой Отечественной войны. В Калмыкии подобная проблема возникла во взаимоотношениях с Астраханской областью. Часть территорий двух бывших районов Калмыцкой АССР не были возвращены после восстановления автономии калмыцкого народа в 1957 г. Кроме того, Астраханская область не признает часть территорий, находящихся в пределах Калмыкии, распространяя на них свою юрисдикцию [Гунаев 2012: 118–119].

В 1991 г. данный вопрос во взаимоотношениях двух регионов обострился, так как общественно-политические объединения Калмыкии стали требовать исполнения положений закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов», в том числе по территориальной реабилитации. Руководство Калмыкии начало поднимать данный вопрос на федеральном уровне и на переговорах с властями Астраханской области. Руководство области восприняло данные шаги калмыцкой стороны в целом отрицательно, в свою очередь образовав комиссию, в состав которой вошли соответствующие специалисты, для подготовки обоснования неправомочности территориальных притязаний со стороны соседней республики [НА РК. Ф. Р–1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 109–126].

Проблеме территориальных споров, территориальной реабилитации калмыцкого народа посвящены работы калмыцких и московских ученых: [Оглаев 2006; Белоусов 2009; Белоусов 2013; Бугай 2012; Бугай 2018; Гунаев 2012; Гунаев 2019а; Гунаев 2019б; Гунаев 2019в]. К ним примыкает и работа Е. Ф. Кринко [Кринко 2020]. Однако данная тема не является исследованной в полной мере, продолжают оставаться области исторического знания, которые заслуживают более подробного изучения, в частности период начала 1990-х гг.

В настоящей статье будет рассмотрен ряд исторических аспектов, связанных с анализом аргументации комиссии астраханской стороны в 1991 г., истории населенных пунктов республики, территориальных преобразований после восстановления автономии Калмыкии в 1957 г.

Материалы и методы

В работе использованы историко-описательный, сравнительный методы исследования. Основным объектом анализа выступает архивный документ — заключение 20–23 сентября 1991 г. кандидата исторических наук, доцента Калмыцкого государственного университета Ю. О. Оглаева на «Рабочие материалы к вопросу о территориальной реабилитации калмыцкого народа» Комиссии Астраханского областного Совета народных депутатов (далее — Материалы) [НА РК. Ф. Р–1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 109–126]. Также приведены сведения по

населенным пунктам, опубликованные в сборниках по административно-территориальному устройству Астраханской области и Калмыцкой АССР [Астраханская область 1984; Калмыцкая АССР 1984] в советский период, по истории села Басы [Белоусов 2007; Кичикова, Манджиева, Супрун 2017] и по проблеме отгонных пастбищ после восстановления автономии Калмыкии [Книга памяти 2004; Запариванный 2011].

Проблема территорий между Калмыкией и Астраханской областью: позиции сторон, история административно-территориальных изменений, земельный аспект

Позиции сторон по историческим аспектам территориальной реабилитации калмыцкого народа

Согласно Ю. О. Оглаеву, в «Материалах» главный вывод сформулирован однозначно: «Территориальные требования, выдвинутые Президиумом Верховного Совета Калмыцкой ССР к Астраханской области, не имеют под собой достаточного исторического и экономического обоснования» [НА РК. Ф. Р–1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 114]. Утверждается, что территориальные требования Калмыцкой ССР к Астраханской области противоречат ст. 72 действующей Конституции Калмыцкой ССР¹, в которой гарантируется «стабильность административно-территориального устройства республики». Ю. О. Оглаев отмечал, что провозглашенная в Конституции Калмыцкой ССР 1978 г. стабильность ее территориального устройства «вовсе не исключала и не исключает территориальной реабилитации республики, эта декларация стабильности направлена на недопущение дальнейшего расчленения и расхищения ее территории, примеров чему в истории Калмыкии было более чем достаточно. Именно так понимали этот вопрос и депутаты Верховного Совета Калмыкии, принимавшие Конституцию 1978 г., и руководство республики, которое и после принятия Конституции не оставляло надежды на возвращение Калмыкии ее земель до 27 декабря 1943 г. и в первую очередь — так называемых арендованных соседями свыше 600 тыс. га [НА РК. Ф. Р–1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 114–115].

Ю. О. Оглаев обратил внимание, что абсолютно не соответствует действительности утверждение авторов «Материалов» о том, что уже в 1957–1958 гг. «произошла фактическая реабилитация калмыцкого народа в политическом, национально-территориальном и правовом плане» [НА РК. Ф. Р–1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 115]. Если бы это было так, то не потребовалось бы принятие соответствующих актов о реабилитации конца 1980 – начала 1990-х гг. [НА РК. Ф. Р–1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 115].

Отметим, что довод о фактической реабилитации репрессированных народов, чьи автономии были восстановлены в конце 1950-х гг., отчасти разделяет Н. Ф. Бугай, ссылаясь на материалы кустового совещания в г. Нальчике 25 августа 1960 г. (подробнее: [Стенограмма 2011: 91–141]).

Авторы «Материалов» апеллировали к тому, что решается судьба «уже третьего поколения людей, выросших на этих землях с 1943 г.». Но, как отмечал Ю. О. Оглаев, при этом они решительно не хотели видеть того, что

¹ Так в источнике. Краткий период (с 18.10.1990 по 20.02.1992) Калмыкия носила название Калмыцкой Советской Социалистической Республики.

решается и судьба тридцати поколений людей, расселившихся на этих землях с 30-х гг. XVII в., когда калмыки докочевали до Волги и поселились в ее низовьях [НА РК. Ф. Р–1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 115].

Далее рассмотрим отдельные вопросы, связанные с историей административно-территориального устройства Калмыкии. Так, авторы «Материалов» утверждали, что в 1927 г. «в интересах культурной помощи» Калмыцкой автономной области в ее состав были включены «обширные зоны с преимущественно некалмыцким населением» [НА РК. Ф. Р–1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 115]. Данное утверждение Ю. О. Оглаев считал крайне односторонним. В 1927 г. действительно были включены в состав Калмыцкой автономной области русские села Астраханского уезда Астраханской губернии — Басы, Промысловка, Яндыки, Михайловка, Оленичево, Караванное и татарское село Алабуга, но в первую очередь потому, что эти села располагались на территории Яндыко-Мочажного улуса Калмыцкой степи (будущего Долбанского улуса Калмыцкой АССР в несколько уменьшенном виде), со всех сторон были окружены калмыцкими аймаками и хотонами и их земельными угодьями и представляли собою русские анклав в Калмыцкой степи. Это видно и на представленных авторами «Материалов» картах того времени. И переданы они были потому, отмечал Ю. О. Оглаев, что очень нуждались в земле, которую нередко брали в аренду у окружающего их калмыцкого населения или пользовались ею на других условиях [НА РК. Ф. Р–1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 115–116].

Ю. О. Оглаев указал, что в 1920 г. при создании Калмыцкой автономной области в состав ее территории не было включено в приморской и приволжской полосе ни одного русского села. «Калмыцкий базар под Астраханью был тогда не русским, а калмыцко-русско-татарским поселком, а русская Лагань по уже указанным выше причинам была включена в состав Эркетенеvского улуса Калмыцкой автономной области не в 1920 г., а в 1927 г.» [НА РК. Ф. Р–1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 116].

Согласно Ю. О. Оглаеву, утверждение авторов «Материалов» о том, что «до 1920 г. вопроса о создании самостоятельной калмыцкой государственности не поднималось» совершенно не соответствует действительности. Уже на I съезде Советов калмыцкого трудового народа в Астрахани 1–3 июля 1918 г. был создан Центральный исполнительный комитет Советов, объединивший все 8 улусов Калмыцкой степи Астраханской губернии. Но Астраханский губисполком решительно воспротивился тогда такой «вольности» калмыцких депутатов и признал за Калмыцким ЦИКом лишь права уездного исполкома, подчиненного Астраханскому ГИКу. И руководство Калмыцкого исполкома Советов временно отступило тогда, не желая идти на конфликт с астраханским руководством. Но вскоре после ленинского воззвания «Братья калмыки!» (22 июля 1919 г.) Калмыцкий исполком вновь вернулся к этому вопросу и завершил его решение созывом I Общекалмыцкого съезда Советов (2–9 июля 1920 г.) и провозглашением Калмыцкой автономной области в составе РСФСР (5 июля 1920 г.), выйдя, таким образом, из состава Астраханской губернии [НА РК. Ф. Р–1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 117].

Далее Ю. О. Оглаев приводил доводы относительно различий, как создавалась территориально Калмыцкая автономная область в 1920 г. и в 1957 г. Утверждение авторов «Материалов» о том, что в обоих ситуациях Калмыцкая

автономная область «...создавалась, в основном, за счет территорий и населенных пунктов Астраханской области» показывало, что авторы либо не понимали принципиальной разницы между процессами 1920 и 1957 гг., либо, что еще хуже, умышленно ставили знак равенства между ними, «чтобы затемнить суть дела...» [НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 118].

В 1920 г. Калмыцкая автономная область «создавалась, в основном, за счет территорий и населенных пунктов» не Астраханской губернии, а Калмыцкой степи Астраханской губернии [НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 118]. Тогда же в состав территории автономии был включен и Большедербетовский улус Ставропольской губернии, затем так называемый Донской треугольник и Ремонтненский уезд, который в 1925 г. по обоюдному согласию сторон вошел в состав Донской области [НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 118].

Что же касается 1957 г., то в названном году Калмыцкая автономная область не «создавалась», а «воссоздавалась», «восстанавливалась». Но авторы «Материалов» вслед за указом от 9 января 1957 г. бессознательно (а может, и сознательно) указывали именно на ее «создание» [НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 118].

В упомянутом указе употребляется термин «образование» Калмыцкой автономной области. Как если бы ранее, т. е. до 1943 г., она и вовсе не существовала, и это, отмечал Ю. О. Оглаев, по логике авторов «Материалов», видимо, тоже следовало рассматривать как элемент «фактической реабилитации» [НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 118–119].

Что же касается территории Калмыцкой автономной области, то утверждать, что и в 1957 г. она «создавалась, в основном, за счет территорий и населенных пунктов Астраханской области» тоже, считал Ю. О. Оглаев, неверно. В 1957 г. Калмыцкая автономная область «создавалась» за счет части, хоть и большей части, территории и населенных пунктов ликвидированной Калмыцкой АССР и переданных по Указу от 27 декабря 1943 г. в состав Астраханской области. При этом, отмечает Ю. О. Оглаев, руководство Ставропольского края, в состав которого в качестве переходного этапа должна была войти Калмыцкая автономная область, совершенно однозначно высказалось за восстановление ее в прежних границах, включая и бывший Большедербетовский улус Ставропольской губернии 1920 г. [НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 119].

По мнению Ю. О. Оглаева, ссылка авторов «Материалов» на то, что границы Калмыкии были установлены соглашением от 23 января 1957 г. между исполкомами Астраханского областного, Ставропольского краевого советов депутатов трудящихся и оргкомитетом по образованию Калмыцкой автономной области «...ничего не меняет, т. к. границы эти установлены были волонтеристки и волонтеристки же были навязаны Оргкомитету восстанавливаемой Калмыцкой автономной области» [НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 119].

Ю. О. Оглаев указывает на прямую фальсификацию исторических фактов в заключительном 26-м пункте выводов «Материалов», согласно которому «... Лиманский (Долбанский) район только 16 лет из 227-летней истории Астраханской губернии-области входил в состав Калмыкии, вести разговор об исконно калмыцкой принадлежности его, как и бывшего Приволжского района Калмыцкой ССР, исторически неграмотно и неэтично» [НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 121–122].

Как отмечал Ю. О. Оглаев, современный Лиманский район Астраханской области составляет часть существовавшего с середины XVIII в. Яндыко-Мочажного улуса, который находился *в составе Калмыцкой степи* (выделено в документе. — Е. Г.) Астраханской губернии, а затем с 1920 г. в составе Калмыцкой автономной области» [НА РК. Ф. Р–1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 122].

Согласно Ю. О. Оглаеву, русские села (Басы, Караванное, Михайловка, Промысловое, Оленичево, Яндыки и татарское село Алабуга) стали возникать на территории Яндыко-Мочажного улуса с середины XIX в. и, составляя анклавов на его территории, подчинялись не администрации улуса, а администрации соседнего Астраханского уезда Астраханской области. При образовании Калмыцкой автономной области в 1920 г. эти села не вошли в ее состав, и лишь в 1927–28 гг. с созданием Нижневолжского края впервые была преодолена анклавность их административного положения — все указанные выше села были переданы по месту их фактического расположения, в юрисдикцию Яндыко-Мочажного улуса Калмыцкой автономной области [НА РК. Ф. Р–1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 122].

Далее Ю. О. Оглаев отмечал, что в последующие годы внутреннее административное деление самой Калмыкии неоднократно менялось (ее районы в 1930 г. были сначала укрупнены и переименованы, в 1933–1938 гг. — снова разукрупнены и снова переименованы), но вплоть до 27 декабря 1943 г. все перечисленные выше села входили в состав Калмыцкой автономной области (с 1935 г. — Калмыцкой АССР) [НА РК. Ф. Р–1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 122–123].

По указу от 27 декабря 1943 г. названные села вместе со всей территорией Долбанского района и с большей частью территории ликвидированной Калмыцкой АССР вошли в состав Астраханской области. По указу от 9 января 1957 г., восстановившему автономии Калмыкии, названные населенные пункты вместе с частью территории Лиманского (бывшего Долбанского) района были оставлены в составе Астраханской области и не возвращены республике, как и территория Приволжского улуса [НА РК. Ф. Р–1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 123].

Таким образом, отмечает Ю. О. Оглаев, перечисленные села действительно входили в состав Калмыкии лишь 16 лет, с 1927 г. по 1943 г. «Но территория Яндыко-Мочажного улуса (с 1930 г. — Приморского и с 1935 г. — Долбанского) всегда, вплоть до 27 декабря 1943 г., входила в состав Калмыкии — сначала в состав Калмыцкой степи Астраханской губернии, с 1920 г. — в состав Калмыцкой автономной области и с 1935 г. в состав Калмыцкой АССР» [НА РК. Ф. Р–1. Оп. 4. Д. 2557. Л. 123].

История административно-территориальных изменений

Приведем данные сборников по административно-территориальному устройству Астраханской области и Калмыцкой АССР по указанным населенным пунктам. Действительно, сельские Советы (Басинский, Караванинский, Михайловский, Промысловский, Яндыковский) до 27 декабря 1943 г. входили в состав Долбанского улуса, а Оленичевский сельский Совет 24 января 1938 г. был передан из названного улуса в Лаганский улус Калмыцкой АССР [Калмыцкая АССР 1984: 35–36].

Другое село со схожим названием — Олейниково было включено в состав Промысловского сельского совета Лиманского района после декабря 1943 г. [Астраханская область 1984: 243].

После 1957 г. названные сельские населенные пункты в большинстве своем не указаны в составе Калмыкии, за исключением села Оленичево, которое, как отмечается, было передано в состав Калмыкии в 1957 г. [*Астраханская область 1984: 133, 189, 225, 242–243, 257, 320*]. Однако в справочнике административно-территориального устройства Калмыцкой АССР 1984 г. информация отсутствует, так же, как и по селу Алабуга [*Калмыцкая АССР 1984*]. Нет данных и в «Топонимическом словаре Республики Калмыкия» 2017 г. [*Кичикова, Манджиева, Супрун 2017*].

Информация содержится в новом издании справочника административно-территориального устройства Республики Калмыкия 2019 г. В нем сказано, что поселок Алабуга с 1944 г. находился в составе Белоозерского сельсовета Каспийского района Астраханской области. Снят с учета в 1949 г. В 1961 г. Каспийский райисполком сообщал в Президиум Верховного Совета Калмыцкой АССР о том, что данного населенного пункта не существует и он исключен из географических названий населенных пунктов Каспийского района [*Республика Калмыкия 2019: 581*].

Село Оленичево находилось в Каспийском районе Калмыкии, с 1944 г. — в составе Каспийского района Астраханской области и в этом же году было ликвидировано, его население и колхоз им. Тельмана были переведены в поселок Цомок. Затем поселок Цомок вновь был переименован в село Оленичево (новое), которое было ликвидировано в 1951 г. в связи с ликвидацией колхоза им. Тельмана и переселением его жителей в Лиманский район [*Республика Калмыкия 2019: 755*].

В вышеназванном словаре Басы определен как предмет территориального спора между двумя субъектами РФ, поскольку законом Астраханской области от 6 августа 2004 г. указанный населенный пункт образует самостоятельное сельское поселение в Лиманском районе Астраханской области, а согласно закону Республики Калмыкия от 22 сентября 2003 г. находится в составе Нарынхудукского сельского поселения Черноземельского района. «Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 января 1957 г. было определено, что используемые Астраханской областью земли вместе с поселком Басы находятся на территории Калмыкии, поэтому по современному законодательству область должна заключить с калмыцкой стороной договор аренды и платить за нее. Астраханская сторона считает выделенные отгонные пастбища принадлежащими области и отказывается заключать договор аренды» [*Кичикова, Манджиева, Супрун 2017: 49–50*].

Как отмечает С. С. Белоусов, «этот славянский населенный пункт длительное время занимал анклавное положение в окружении калмыцких кочевий...» [*Белоусов 2007: 215–216*].

В новом издании справочника по административно-территориальному устройству Республики Калмыкия Басинский сельсовет и село Басы указаны в составе Лиманского района Астраханской области [*Республика Калмыкия 2019: 505, 605–606*]. Вместе с тем в состав Нарынхудукского сельского муниципального образования Республики Калмыкия входят поселки Нарын Худук, Цува, Чапчачи, Шин Тег и Басы [*Республика Калмыкия 2019: 428*].

10 октября 1961 г. Черноземельский сельсовет Черноземельского района Калмыцкой АССР был переименован в Нарынхудукский в связи с переименованием 22 августа 1961 г. поселка Черноземельский в поселок Нарын Худук [Республика Калмыкия 2019: 538]

Земельный аспект

Во втором томе издания «История Калмыкии с древнейших времен до наших дней» отмечается, что автономия Калмыкии в 1957 г. в территориальном отношении была восстановлена в урезанном виде, чем было до депортации калмыцкого населения и ликвидации республики. «...Ростовская, Сталинградская областные и Ставропольская краевая парторганизации не имели возражений против передачи Калмыцкой автономной области районов, находившихся ранее в составе Калмыцкой АССР. Астраханские же руководители отказывались вернуть Калмыкии, исторически сложившиеся в территориальном единстве исконные ее земли и районы» [История Калмыкии 2009: 612].

Также после восстановления автономии Калмыкии в 1957 г. для ее экономики в последующие годы была характерна проблема отгонных пастбищ, используемых соседними регионами. Об этом свидетельствуют, например, следующие документы.

В постановлении бюро Ставропольского краевого комитета КПСС о мерах по дальнейшему развитию Каспийского района Калмыцкой автономной области от 9 мая 1958 г. констатировалось, что земли района по-прежнему использовались колхозами Дагестанской АССР и Астраханской области как зимние пастбища. «Из общей площади района 559 тыс. гектаров в пользовании колхозов и совхозов района находятся только 82 тысячи гектаров» [Книга памяти 2004: 282].

В справке от 13 июля 1962 г. «Экономический обзор хозяйства Калмыцкой АССР за 1957–1961 гг.» отмечалось, что в Калмыцкой АССР большая площадь сельскохозяйственных угодий была отведена под отгонные пастбища (2 685,0 тыс. га или 35,8 %), которыми пользовались в большей мере хозяйства соседних регионов [Книга памяти 2004: 517]. Р. И. Запариванный приводит данные о постепенной передаче земель отгонных пастбищ Калмыкии в 1960-е гг. [Запариванный 2011: 230–231].

Однако и в последующие годы указанная проблема продолжала оставаться насущной.

Выводы

Рассмотрев вышеизложенный материал, отмечаем следующее:

– исторический аспект территориальных споров двух нижевольтских регионов после 1957 г. в основном связан с проблемой непризнания Астраханской областью части территории Калмыкии в границах 1957 г. Идея возврата территорий двух бывших районов Калмыцкой АССР в границах 1943 г. обозначалась руководством Калмыкии перед высшими органами власти РСФСР после 1957 г., в годы перестройки она приобретает общественно-политический характер, но затем сходит с повестки;

– в истории географии и населенных пунктов Калмыкии практически нет работ, где подробно были бы изучены так называемые «анклавные» русские

История

села на границе Калмыкии и Астраханской области, их территориальная «эволюция» в прошлом и в настоящем;

– необходимо дальнейшее изучение территориальных изменений, преобразований населенных пунктов на границе Калмыкии и Астраханской области после 1957 г. [*Республика Калмыкия 2019*; *Справочник 2008*].

– требует отдельного исследования проблема использования отгонных пастбищ соседними регионами на территории Калмыкии с позиции воздействия на экономику региона, земельные отношения и экологию.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

Астраханская область 1984 — Астраханская область: справочник по административно-территориальному делению (1918–1983 гг.). Волгоград: Нижне-Волж. кн. изд-во, 1984. 335 с.

Белоусов 2007 — *Белоусов С. С.* Этнокультурная ситуация в с. Басы Астраханской губернии в XVIII–XIX вв. // *Монголоведение*. Вып. 4. Элиста: КИГИ РАН, 2007. С. 215–220.

Белоусов 2009 — *Белоусов С. С.* О проблеме возвращения в пользование Республики Калмыкия земель, временно используемых хозяйственными субъектами Астраханской области и Республики Дагестан // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2009. № 1. С. 22–27.

Белоусов 2013 — *Белоусов С. С.* Роль этнического фактора в формировании административных границ национально-территориальных образований калмыцкого народа в XIX – первой половине XX в. // *Межэтнический и межконфессиональный диалог как консолидирующая основа общества в борьбе против глобальных угроз терроризма и экстремизма: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Астрахань, 10 октября 2013 г.)* / сост. и отв. ред. А. В. Сызранов, О. С. Попова. Астрахань: Изд. Сорокин Р. В., 2013. С. 102–110.

Бугай 2012 — *Бугай Н. Ф.* Проблемы репрессий и реабилитации граждан: история и историография: (XX в. – начало XXI в.). М.: Гриф и К., 2012. 480 с.

Бугай 2018 — *Бугай Н. Ф.* Проблема территорий в условиях принудительных переселений XX века. М.: Наука, 2018. 471 с.

Гунаев 2012 — *Гунаев Е. А.* Территория Республики Калмыкия: особенности конституционно-правового статуса // *Вестник Калмыцкого университета*. 2012. № 4 (16). С. 114–122.

Гунаев 2019а — *Гунаев Е. А.* Документы исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся Астраханской области и Ставропольского края как источники по вопросу формирования границ Калмыцкой автономной области в 1957–1958 гг. // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. 2019. № 1. С. 305–318. DOI: 10.22162/2587-6503-2019-1-9-305-318

Гунаев 2019б — *Гунаев Е. А.* Калмыцкая автономная область в составе Ставропольского края в 1957 – первой половине 1958 гг.: особенности политико-правового статуса // *Монголоведение*. 2019. № 11(1). С. 48–65. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-1-48-65

Гунаев 2019в — *Гунаев Е. А.* Размежевание территорий с Астраханской областью и возвращение населения в период восстановления автономии Калмыкии в 1957–

- 1958 гг.: административно-управленческий и гуманитарный аспекты // *Oriental Studies*. 2019. № 2. С. 207–219. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-207-219
- Запариванный 2011 — *Запариванный Р. И.* Переход Калмыцкой автономной области в статус национальной республики (1957–1958) // *Гуманитарные исследования*. 2011. № 1 (37). С. 229–231.
- История Калмыкии 2009 — *История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т.* Элиста: ИД «Герел», 2009. Т. 2. 840 с.
- Калмыцкая АССР 1984 — *Калмыцкая АССР. Административно-территориальное деление: 1918–1982. Справочник.* Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. 125 с.
- Кичикова, Манджиева, Супрун 2017 — *Кичикова Н. А., Манджиева Э. Б., Супрун В. И.* Топонимический словарь Республики Калмыкия. Элиста: НПП «Джангар», 2017. 272 с.
- Книга памяти 2004 — *Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 1. Кн. 3: Восстановление автономии и реабилитация калмыцкого народа. Кн. 3, ч. 1. Восстановление автономии (1956–1963 гг.)* / [сост.: В. З. Атуева и др.]. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 586 с.
- Кринко 2020 — *Кринко Е. Ф.* Территориальный спор по поводу Сарпинского и Степного районов между Астраханской, Сталинградской областями и Ставропольским краем в 1954 г. // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 2. С. 318–329. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-318-329
- Оглаев 2006 — *Оглаев Ю. О.* Опыт критического анализа Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР» от 9 января 1957 г. // *Вестник Калмыцкого института социально-экономических и правовых исследований*. 2006. № 2. С. 48–51.
- Республика Калмыкия 2019 — *Республика Калмыкия. Административно-территориальное деление. 1918–2017 гг.: справочник / отдел по делам архивов аппарата Правительства РК, Бюджетное учреждение РК «Национальный архив», Калм. отд. Российского исторического общества; сост.: А. О. Тапкина [и др.]; редкол.: К. Н. Максимов (отв. ред.) [и др.].* Элиста: КалмНЦ РАН, 2019. 908 с.
- Справочник 2008 — *Справочник административно-территориального деления Астраханской области 1918–2008 гг. 2-е изд., расширенное и дополненное.* Астрахань: ООО «Типография «Нова», 2008. 448 с.
- Стенограмма 2011 — *Стенограмма кустового совещания председателей Совета Министров, заместителей председателей крайисполкомов и облисполкомов, республик, краев и областей Северного Кавказа о завершении трудового и хозяйственного устройства, возвращающегося на прежние места жительства балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского населения. 25 августа 1960 г., г. Нальчик* // *Известия СОИГСИ*. 2011. Вып. 5(44). С. 91–141.

References

- Astrakhan Oblast: The Handbook of Administrative Geography, 1918–1983. Volgograd: Lower Volga Book Publ., 1984. 335 p. (In Russ.)
- Astrakhan Oblast: The Handbook of Administrative Geography, 1918–2008. 2nd ed., rev. and suppl. Astrakhan: Nova Press, 2008. 448 p. (In Russ.)
- Atueva V. Z. et al. (comps.) *Deportation of the Kalmyk People: Memorial Book. Vol. 1. Book 3: Restoration of Autonomy and Rehabilitation of the Kalmyk People. Part 1: Restoration of Autonomy, 1956–1963. Collected Documents and Materials.* Elista: Kalmyk Book Publ., 2004. 586 p. (In Russ.)
- Belousov S. S. Ethnocultural situation in Basy village of Astrakhan province in the XVIII–XIX centuries. In: *Mongolian Studies*. Vol. 4. Elista, 2007. Pp. 215–220. (In Russ.)

- Belousov S. S. Kalmykia's lands temporarily used by economic agents of Astrakhan Oblast and the Republic of Dagestan: the problem of restitution revisited. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2009. No. 1. Pp. 21–26. (In Russ.)
- Belousov S. S. National-and-territorial entities of the Kalmyk people in the 19th – early-to-mid 20th centuries: the role of ‘ethnic factor’ in the formation of administrative borders. In: Syzranov A. V., Popova O. S. (comps., eds.) *Interethnic and Interconfessional Dialogue as a Consolidating Social Basis in the Struggle against Global Terrorism and Extremism. Conference Proceedings* (Astrakhan; October 10, 2013). Astrakhan: R. Sorokin, 2013. Pp. 102–110. (In Russ.)
- Bugay N. F. *Forced Relocations of the 20th Century: The Problem of Territories*. Moscow: 2018, 471 p. (In Russ.)
- Bugay N. F. *Issues of Repressions and Rehabilitation of Citizens: History and Historiography, 20th –Early 21st Centuries*. Moscow: Grif & Co., 2012. 480 p. (In Russ.)
- Gunaev E. A. Territory of the Republic of Kalmykia: features of the constitutional and legal status. *Vestnik of Kalmyk University*. 2012. No. 4 (16). Pp. 114-122. (In Russ.)
- Gunaev E. Kalmyk Autonomous Oblast as a territory within Stavropol Krai in 1957 and early-to-mid 1958: peculiarities of the political and legal status. *Mongolian Studies*. 2019. No. 11(1). Pp. 48-65. (In Russ.) <https://doi.org/10.22162/2500-1523-2019-1-48-65>
- Gunaev E. A. Soviets of Working Deputies of Astrakhan Oblast and Stavropol Krai: documents of their executive committees as sources on the formation of borders of Kalmyk Autonomous Oblast in 1957-1958. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2019. No. 1. Pp. 305–318. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2019-1-9-305-318
- Gunaev E. A. The 1957–1958 reestablishment of Kalmykia's autonomy: division of territories with Astrakhan Oblast and return of the native population. Administrative and humanitarian aspects. *Oriental Studies*. 2019. No. 2. Pp. 207–219. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-42-2-207-219
- Kalmyk ASSR: Administrative Geography, 1918–1982. Reference Book. Elista: Kalmyk Book Publ., 1984. 125 p. (In Russ.)
- Kichikova N. A., Mandzheva E. B., Suprun V. I. Republic of Kalmykia: Toponymic Dictionary. Elista: Dzhangar, 2017. 272 p. (In Russ.)
- Krinko E. F. Astrakhan Oblast, Stavropol Krai and Stalingrad Oblast: 1954 territorial dispute over Sarpinsky and Stepnoy Districts. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(2). Pp. 318–329. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-318-329
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) *History of Kalmykia: From Earliest Times to the Present Days*. In 3 vols. Vol. II. Elista: Gerel, 2009. 840 p. (In Russ.)
- Minutes of a cluster meeting of prime-ministers, deputy chairmen of regional executive committees — including republics, krais and oblasts of the North Caucasus — on the completion of the labor and economic arrangements for the Balkar, Chechen, Ingush, Kalmyk and Karachai populations returning to their former places of residence (Nalchik; August 25, 1960). *Izvestiya SOIGSI*. 2011. No. 5(44). Pp. 91–141. (In Russ.)
- Oglaev Yu. O. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of January 9, 1957 ‘On Establishment of Kalmyk Autonomous Oblast within the R.S.F.S.R.’: an effort of critical analysis. *Vestnik Kalmytskogo instituta sotsial'no-ekonomicheskikh i pravovykh issledovaniy*. 2006. No. 2. Pp. 48–51. (In Russ.)
- Tapkina A. O. et al. (comps.); Maksimov K. N. et al. (eds.) *Republic of Kalmykia: Administrative Geography, 1918–2017. Reference Book*. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2019. 908 p. (In Russ.)
- Zaparivanny R. I. Transformation of Kalmyk Autonomous Oblast into a national republic: 1957–1958. *Humanitarian Researches*. 2011. No. 1. Pp. 229–232. (In Russ.)

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 930

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-68-84

Об одном архивном документе 1917 года по истории взаимоотношений между российским генеральным консульством в Монголии и правительством Богдо-гэгэна

*Номинь Дондоковна Цыренова*¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
младший научный сотрудник

 0000-0001-9578-5493. E-mail: nomin_n@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Цыренова Н. Д., 2021

Аннотация. *Цель* статьи состоит в кратком рассмотрении Проекта соглашения об аренде земельных участков российскими подданными под торгово-промышленные помещения как источника по истории взаимоотношений российского консульства в Монголии с теократическим правительством Богдо-гэгэна. *Материалы и методы.* Данный документ, хранящийся в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, дошел до нас в виде печатного типографического документа на классической монгольской письменности. В исследовании применялся источниковедческий метод формулярного анализа, согласно которому данный документ относится к индивидуальному формуляру. *Результаты.* Установлено, что исследуемый источник был составлен в 1917 г. На основе анализа структуры и содержания данного документа и его источниковедческой характеристики представлен конкретно-исторический фон создания документа, а также показана его роль и значение в истории межгосударственных отношений Монголии и Российской империи. Приведен авторский перевод важнейших разделов соглашения (преамбула и приложение к соглашению). *Выводы.* В соглашении отражены интересы российских купцов и промышленников, стремившихся юридически закрепить свои особые права на всей территории Внешней Монголии, что вызывало беспокойство у китайского правительства и китайских купцов. После заключения «Соглашения о дружбе» и Торгового протокола в 1912 г. монгольская сторона долгое время не выделяла некоторые категории земель, из-за чего подданные Российской империи не могли воспользоваться всеми правами, оговоренными в торговом протоколе. Главным представителем российских интересов в Монголии выступало Генеральное консульство Российской империи в г. Урге. Хронологический анализ документа дает некоторые основания полагать, что переговорный процесс его по подготовке занял несколько лет — приблизительно с 1912 г. по 1917 г. В соглашении содержится ряд ценных и важных сведений страноведческого характера о реалиях той эпохи.

Ключевые слова: Проект монголо-русского соглашения, Монголия, Российская империя, взаимоотношения российского консульства в Монголии с правительством Богдо-гэгэна

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания — проект «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – нач. XXI вв. в контексте межцивилизационного взаимодействия» (номер госрегистрации: 121031000302-9).

Для цитирования: Цыренова Н. Д. Об одном архивном документе 1917 года по истории взаимоотношений между российским генеральным консульством в Монголии и правительством Богдо-гэгэна // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 1. С. 68–84. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-68-84

History of Relationships between the Russian Consulate General in Mongolia and the Government of Bogdo Gegeen, 1917: One Archival Document Revisited

*Nomin D. Tsyrenova*¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., Ulan-Ude 670047, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0001-9578-5493. E-mail: nomin_n@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Tsyrenova N. D., 2021

Abstract. *Goals.* The article aims to give a brief review of the Draft Agreement on the lease of land plots to Russian citizens for commercial and industrial premises as a source on the history of relations between the Russian Consulate in Mongolia and the theocratic government of Bogd Gegeen. *Materials and Methods.* The typewritten document in Classical Mongolian is kept in the archives of the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs affiliated to the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Siberian Branch of the RAS). The study employs the method of source study formulary analysis according to which the document can be referred to as an individual formulary. *Results.* The paper discovers that the investigated Agreement was written in 1917. It analyzes the structure and content of the document, its source characteristics to present the specific historical background of the document's creation, the latter's role and significance in the history of relations between Mongolia and the Russian Empire. The most important sections of the Agreement (preamble and attachments thereto) were translated by the author. *Conclusions.* The Agreement reflects the interests of Russian merchants and industrialists who sought to legally secure their special rights throughout Outer Mongolia, which, apparently, caused the anxiety of the Chinese Government and Chinese merchants. After the conclusion of the 'Friendship Agreement' and the Trade Protocol in 1912, the Mongols restrained from providing specific categories of land for quite a long time, and Russian citizens could not use all the rights under the Trade Protocol. The main representative of Russian interests in Mongolia was the Consulate General of the Russian Empire in Urga. Chronological analysis of the document gives some reason to state that the negotiation process took several years — from circa 1912 to 1917. The Agreement contains some valuable and important data on the country and its realias during those years.

Keywords: Draft Mongolian-Russian Agreement, Mongolia, Russian Empire, relationship between the Russian Consulate in Mongolia and the Government of Bogdo Gegeen

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment — project name ‘The Oriental Languages and Archival Documents of the Peoples of Russia and Inner Asia in the Context of Inter-Civilization Interaction, 18th – Early 21st Centuries’ (state reg. no. 121031000302-9).

For citation: Tsyrenova N. D. History of Relationships between the Russian Consulate General in Mongolia and the Government of Bogdo Gegeen, 1917: One Archival Document Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13(1): 68-84. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-68-84

Введение

История российско-монгольских отношений начала XX в. является важной областью исторических исследований в отечественном и мировом монголоведении. В этой связи большой интерес представляют дипломатические материалы, связанные с подготовкой важного российско-монгольского торгового соглашения, которое было призвано создать взаимовыгодную и равноправную юридическую основу для развития торговых отношений между российскими купцами и представителями монгольской стороны. Как отмечал О. Батсайхан, после распада Цинской империи и заключения российско-монгольского «Соглашения о дружбе» от 1912 г. Монголия стала юридически правомочным международным субъектом с полным правом на заключение любых договоров с иностранными государствами, что стало фундаментом заключения последующего соглашения [Батсайхан 2016: 60].

Если говорить о самой торговле между Россией и Монголией, то на территории Внешней Монголии вплоть до 1912 г. торгово-экономические отношения развивались на основе законодательных документов — договоров между правительствами Российской империи и Цинского Китая. В ходе российско-монгольских переговоров, начавшихся в сентябре 1912 г., Российскую империю представлял И. Я. Коростовец (1862–1933), получивший назначение в Ургу как уполномоченный в российско-монгольских переговорах в августе 1912 г. Переговоры завершились 3 ноября 1912 г. в Урге подписанием двух документов, а именно «Соглашением о дружбе» и «Торговым протоколом» [Русско-китайские отношения 1958: 123–124].

Как отмечал О. Батсайхан, договор о дружбе, заключенный 3 ноября 1912 г., и проведенные переговоры в дальнейшем имели огромное политическое значение для Монголии. Данным договором Российская империя не только официально признала Монголию и ее правительство, но и тем самым создала правовую основу для закрепления государственного суверенитета [Батсайхан 2016: 59].

Договор о дружбе и Торговый протокол 1912 г. традиционно причисляют к экономическим документам, фактически же они имели огромное политическое значение [Батсайхан 2016: 59]. Торговый протокол от 21 октября 1912 г., который предшествовал исследуемому соглашению, состоял из 17 статей. Статья шестая Протокола имела протекционистский характер, т. е. защищала права российских предпринимателей. В ней закреплялось особое право российских

купцов на ведение торгово-хозяйственной деятельности на всей территории Монголии, включая беспошлинную торговлю, долговременное хранение товара, право на приобретение в собственность и в аренду земельных участков для разных видов деятельности и т. д.

После заключения «Соглашения о дружбе» и его приложения — Торгового протокола от 21 октября 1912 г. — монголы не соблюдали все прописанные пункты соглашения. Настоятель церкви при Императорском Российском Генеральном Консульстве в Урге священник Федор Парняков в своем отчете при экспедиции «Русские в Монголии» от 20.06.1915 г. отмечал, что священный характер местности как причина отказа русским купцам в аренде была лишь предлогом, так как китайские купцы уже имели участки в местах возле монгольских монастырей [Россия и Монголия 2014: 26-27].

Хотя подданные Российской империи имели право торговать беспошлинно на территории Внешней Монголии, проблема сохранности товара все-таки не была разрешена. Стоит отметить, что именно эта проблема, возможно, подтолкнула российских консулов к ведению переговоров с правительством Монголии по земельным вопросам.

Российское консульство нередко получало жалобы от купцов о плохой сохранности товара при складировании. В связи с этим консул призывал их арендовать и строить временные склады. В марте 1912 г. большие перемены в этой области начались в результате создания Русско-Монгольского товарищества комиссионных складов.

А. А. Сизова отмечает, что «самой старой и организованной была российская фактория в Урге — центральном городе Внешней Монголии (монг. Халха). С 1861 г. обороты трансграничной торговли (до 1885 г. — комиссионных переездов чая из Китая в пограничный город Кяхта, позднее — сбыта российских товаров и закупок монгольского сырья) возрастали» [Сизова 2015: 151].

Российские фактории в Западной Монголии приобрели упорядоченную форму только к середине 1910-х гг., несмотря на то, что русские купцы вели хозяйственную деятельность в этом регионе еще с 1870-х гг. В западных районах Монголии у русских была не городская (как в Урге), а хошунная (т. е. разъездная) торговля. Купцы использовали крупные города (Улясутай, Кобдо, Цзаин-Шаби) в качестве организационно-складских центров. До того, как в регионе были созданы российские представительства, русские купцы не имели права покупать, арендовать или возводить на их территориях стационарные постройки из-за сильного влияния китайских купцов на местные органы власти [Сизова 2015: 153].

Следует отметить, что В. В. Грайворонский приводит сведения о повышении статуса российского консульства в г. Урге. Так, он пишет, что «осенью 1915 г. российское правительство в целях развития дружественных связей двух стран реорганизовало консульство Российской империи в Нийслэл-хурэ в Генеральное консульство» [Грайворонский 2013: 52]. Этот шаг позволил резко увеличить торговый оборот между Россией и Монголией, благодаря которому удельный вес русского купечества достиг уровня китайских торговцев, господствовавших в течение многих лет в Монголии.

Поэтому Генеральное консульство Российской империи долгое время вело переговоры с правительством Монголии по поводу аренды участков под застройку. Стоит отметить, что переговоры были проектом Генерального консульства с правительством Монголии, который преследовал цель укрепления прав купцов на основе соглашения об аренде российскими подданными земельных участков в Монголии под застройку.

Материалы и методы

В процессе источниковедческого исследования дипломатических источников и проекта торгового соглашения важную роль играет методика формулярного анализа. В российской исторической науке под термином «формулярный анализ» принято понимать источниковедческий метод исследования формуляра актового источника. В научный оборот метод формулярного анализа был введен австрийскими исследователями Т. Зикелем и Ю. Фиккером [Шарафудинов 2013: 722]. Именно они были «первопроходцами» при изучении актовых материалов Священной Римской империи. В отечественном источниковедении наиболее полно их наработки были представлены впервые в курсе лекций А. С. Лаппо-Данилевского «Очерк русской дипломатики частных актов» в 1920 г. [Лаппо-Данилевский 2007].

Затем в области изучения структуры актовых документов свои разработки предложил С. М. Каштанов [Каштанов 1970; Каштанов 1988].

В терминологическом словаре «Теория и методология исторической науки» (отв. ред. А. О. Чубарьян) термин формулярный анализ описан следующим образом: «Специальным методом собственно дипломатики является формулярный анализ: под „формуляром“ понимаются схемы, фиксирующие структуру и стилистику актов — документов в целом (условный формуляр), документов отдельной разновидности (абстрактный формуляр), отдельных групп документов одной разновидности (конкретный формуляр), отдельного документа (индивидуальный формуляр). Изучение развития формуляра — основной познавательный инструмент дипломатики, позволяющий решать вопросы социального и политического происхождения актов» [Теория и методология 2014: 92–93].

В нашем случае объектом исследования является конкретный документ, т. е. индивидуальный формуляр.

При написании статьи был использован метод археографического описания документа для атрибуции, установления списков, авторства, анализа структуры и содержания текста Соглашения. В исследовании также использован метод сущностно-содержательного анализа документа, который позволил выявить основное содержание и признаки, характеризующие его, определить его роль в историческом процессе становления монгольской государственности.

В научной литературе данный документальный источник не был объектом специального рассмотрения. Необходимо отметить, что это соглашение было упомянуто в работе А. А. Сизовой: «Соглашение об аренде русскими в Монголии земельных участков под застройки» [Сизова 2015: 36, 231]. Кроме того, нами обнаружен сканированный вариант данного соглашения, который разме-

щен на сайте «The American Center for Mongolian Studies», в разделе «Selected Mongolian laws and regulations 1917–1940» [[Орон байшин](#)].

Рассматриваемый проект соглашения хранится в Центре восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее — ЦВРК ИМБТ СО РАН) под шифром БМ 420 в составе личного архива П. Б. Балданжапова. Ценность данного исследуемого источника состоит в том, что ранее он не вводился в научный оборот и потому представляет большой интерес в качестве нового источника для исследования истории дипломатических отношений между Россией и Монголией, столетие которых отмечается в этом году. Данный документ представляет собой печатный типографический текст на классической монгольской письменности, расположенный в две вертикальные колонки, напечатанный на 17 листах¹ с одной стороны, сложенных вдвое и сшитых по левому краю; размер листов в разложенном виде 26.5 x 26 см, размер текста 10 x 18 см. Важным представляется, что к основному тексту соглашения приложены четыре письма напечатанных типографическим способом на старописьменном монгольском языке, представляющие собой переписку между Генеральным консульством Российской империи в Монголии и Министерством иностранных дел Монголии по вопросу о заключении соглашения о выделении правительством Монголии для российских подданных земельных участков под строительство торговых зданий и складских помещений. Ввиду того, что в письмах не указаны фамилии и имена конкретных адресантов, можно предположить, что данные письма являются копиями, а не первичными оригинальными документами.

Источниковедческая характеристика документа

На титульном листе документа расположен заголовок всего документа на классической монгольской письменности под названием «Соглашение об аренде земельных участков для строительства зданий и помещений российскими подданными, находящимися по торгово-промышленным делам в пределах территории Внешней Монголии»² (*yadayadu mongyol-un kijayar-un dotur-a qualdurhan ba: üiledbüri-yin učir-a sayuqu oros-un qariyatu nardu³ orun bayising bayiyulqu keseg yajar türiyesülen olyuqu učir kelelčen toytayaısan ger-e bičig*).

Данный документ БМ 420 состоит из соглашения (преамбулы, основной раздел из десяти пунктов) и приложения к соглашению в виде корреспонденции между Генеральным консульством российского государства и правительством Монголии о согласовании отдельных пунктов данного соглашения.

В преамбуле на л. 2⁴ поясняется, что данное соглашение составлено согласно пункту шесть Протокола о торговле между Россией и Монголией, подпи-

¹ Документ напечатан на китайской тонкой просвечивающей бумаге, цвет бумаги белый с вкраплениями растительных волокон, края листов неровные.

² В оригинале использовано словосочетание *ger-e bičig*, которое на монгольский язык переводится как «договор», а не соглашение. На монгольском языке слово соглашение передается словосочетанием *kelelčeger-ün bičig*. В данной статье мы употребляем термин «соглашение», так как он был использован в более ранних работах по истории российско-монгольских отношений, поэтому мы придерживаемся уже установившейся традиции названия этого документа.

³ Напечатано слитно вместо *nar-du*.

⁴ Здесь и далее пагинация листов указана согласно последовательности пагинации листов рукописи.

санного 21 октября 1912 года⁵ [по летосчислению]⁶ российского государства, 23-го дня последнего месяца осени второго года с момента обретения независимости Монголии. Согласно данному протоколу, все подданные Российской империи, находившиеся по торгово-промышленным делам, помимо прочих прав, имеют право на покупку и аренду земельных участков для строительства домов, складов и лавок во всех городах, хошунах и пограничных районах в автономной Внешней Монголии, поэтому согласован вопрос о выделении российским подданным земельных участков под застройку на территории Автономной Внешней Монголии в 10 пунктах. Далее в преамбуле говорится, что полномочия императорского российского правительства представляет Генеральный консул А. А. Орлов — статский советник консульства Российской империи в Нийслэл-хурэ (ныне г. Улан-Батор), Автономную Внешнюю Монголию представляет главный министр иностранных дел, хичээнгүй гун Цэрэндорж⁷ и другие уполномоченные.

Транслитерация⁸ и перевод преамбулы Соглашения об аренде российскими подданными земельных участков в Монголии под застройку⁹

[2r] *ger-e bičig: oros ulus-un nige mingyan yisün jayun arban qoyaduyar on oytıyabri | sarayın qorin nigen: mongyol-un olan-a ergügdegsen-ü qoyaduyar on namur-un | segül sarayın qorin yurban-a: oros mongyol-un qabsuryan toytayaysan qudalduyan-u | ger-e bičig-ün jiryuduyar jüil-ün yosuyar oros-un qariyatu-nar-un oluysan | erke-ün dotur-a: avtonomi-tu yadayadu mongyol-un бүкү qota qosiyud ba: | qarayul-dur qudalduyan üiledbüri-yin učir-a: püüse: yayum-a qadayalaqu orun | bayising bayiyulqu-bar jokiqu keseg yaǰar-i quyučay-a-bar abqu ba: qudaldun | abču körüngge bolıyqu erke bui-yin tula: |*

yeke oros ulus-ača neyislel küriyen-dür sayıju: monyol yaǰar-un бүкү oros-un | kereg-i yerüngkeyilen sidkekü elčın sayid statskii sovetniy Orlub: |

avtonomi-tu yadayadu mongyol-un yadayadu-yin kereg-i бүгүде erkilen sidkegči | [2v] yamun-u terigün sayid kičiyenggüi güng čerindorji nar: öber öberün jasay-un | yaǰar-ača erke-yi olju: avtonomi-tu yadayadu mongyol-un kiǰayar-un dotur-a: | oros-un qariyatu-nar-tu yaǰar kemjiyelen ögčü orun bayising bayiyulqu | toqai toytayaysan anu: |

Перевод текста

«Данное соглашение [заключается] на основании пункта шестого Протокола о торговле между Россией и Монголией, подписанного 21 октября

⁵ В тексте все даты приведены на классической монгольской письменности.

⁶ В статье слова, заключенные в квадратные скобки, восстановлены нами по контексту, так как без них смысл фразы не ясен.

⁷ Балингийн Цэрэндорж (Цэрэндорж-бэйсэ, 1868–1928)— политический деятель периода богдо-ханской Монголии, первый премьер-министр Монгольской народной республики, заместитель министра иностранных дел (1911–1913), опытный государственный деятель, возглавлял МИД автономной Монголии в 1915–1919 гг. [Рошин 2011: 89, 232].

⁸ В транслитерации вертикальные линии обозначают конец строк в тексте, пунктуационные знаки в виде двух точек (:) употреблены вместо монгольской точки — čeg ('), поставленной в соответствующем месте в тексте. Пагинация листов приведена в квадратных скобках.

⁹ Далее как «Соглашение».

1912 года [по летосчислению] российского государства, с момента обретения независимости Монголии второй год последнего месяца осени 23 числа. Согласно данному пункту [все] подданные Российской империи, находящиеся по торгово-промышленным делам, помимо прочих прав, имеют право на покупку и аренду земельных участков для строительства домов, складов и лавок во всех городах, хошунах и пограничных районах автономной Внешней Монголии. Поэтому [вопрос] о выделении российским подданным земельных участков под застройку на территории Автономной Внешней Монголии согласован Генеральным консулом — статским советником Российской империи Орловым, который проживает в Нийслэл-хурэ и заведует всеми делами Российской империи на территории Монголии, с одной стороны, и главным министром иностранных дел Автономной Внешней Монголии — хичээнгуй гуном Цэрэндоржем. С чем другие, уполномоченные своими государствами, согласились о нижеследующем».

Из приведенного фрагмента ясно, кто именно представлял Российскую империю в переговорах по данному соглашению. Следует учесть, что в период с августа 1913 г. по август 1916 г. в Генеральном консульстве в Урге консулом являлся российский дипломатический агент Ф. Я. Миллер (1868–16.03.1940). В 1915 г. он представлял Россию при подписании тройственного соглашения между Россией, Монголией и Китаем об автономии Монголии. А после консула Ф. Я. Миллера интересы российского государства в Монголии представлял консул А. А. Орлов (1870–1940), с августа 1916 по октябрь 1917 г. (а фактически до осени 1920 г.) он являлся Генеральным консулом в Урге и был дипломатическим агентом [Сизова 2015: 288].

Исходя из этого, можно предположить, что и Ф. Я. Миллер, и А. А. Орлов участвовали в переговорах по созданию проекта данного соглашения Российской империи с правительством Монголии. Проведенные переговоры имели огромное политическое значение для признания монгольской государственности.

Основной раздел данного соглашения изложен в следующих 10 пунктах:

- п. 1 (л. 2–3) — порядок получения документов на право аренды земельных участков;
- п. 2 (л. 3–4) — классификация земель Монголии на ряд категорий¹⁰;
- п. 3 (л. 4–5) — определение размера арендной платы по категориям земли, даты проведения аукционов (четыре раза в год) и пояснение по вопросу о покупке земельных участков в собственность¹¹;
- п. 4 (л. 5–6) — разъяснение по участкам, арендованным в период с 21 октября 1912 г. до момента заключения данного соглашения, т. е. до 25 марта 1917 г.;
- п. 5 (л. 6–7) — о датах внесения арендной платы за земельные участки;
- п. 6 (л. 7–8) — указания о стандартном сроке сдачи участков в аренду — 25 лет, переводе их из одной категории в другую в зависимости от экономиче-

¹⁰ В данном пункте приведены соответствия системы монгольских и русских земельных мер площади для точного измерения арендуемых участков, что заслуживает и отдельного рассмотрения.

¹¹ *kerebe oros-un qariyatu nar keseg yaĵar qudaldun abĉu körüngge bolyasuyai kemebesü: ün-e-i mongjol ĵasay-un yaĵar luĵ-a kelelĉen toytayamui:*

ской ситуации, об изменении стоимости арендной платы за участок, в случае несогласия с новыми расценками по стоимости, в случае прекращения прав аренды на земли до окончания срока аренды (25 лет);

п. 7 (л. 8) — о переходе права аренды на земельный участок после истечения срока аренды через 25 лет;

п. 8 (л. 8) — о переходе права аренды от арендатора третьему лицу на весь земельный участок или его часть;

п. 9 (л. 8–9) — о санкциях в случае самовольного расширения площади земельного участка по сравнению с площадью, указанной по документам;

п. 10 (л. 10) — сообщение о том, что данное соглашение составлено на русском¹² и монгольском языках в двух экземплярах, которые имеют одинаковую юридическую силу.

Соглашение заканчивается на л. 10 указанием даты подписания текста: «От 25 марта 1917 г. [по летосчислению] России, с момента обретения независимости Монголии, седьмого года, среднего месяца весны, 15 числа, утверждено в Нийслэл-хурэ Монголии» (*oros-un nigen mingyan yisün jayun arban doluduyar on marta sarayin qorin tabun: mongyol-un olan-a ergügdegsen-ü doluduyar on qaburun dumdadu sarayin arban tabun: mongyol-un neyislel küriyen-e toytayabai*). Отсутствие подписей представителей двух сторон, не дает возможности определить факт официального подписания данного соглашения.

Далее на лл. 10–17 приводится приложение, содержащее четыре письма на классической монгольской письменности с грифом «секретно» (*монг. niyuča*). Первое письмо в документе было отправлено Генеральным консулом Российского государства правительству Монголии, в нем были даны разъяснения о земельных участках, находившихся в собственности и аренде у российских подданных до заключения торгового протокола 21 октября 1912 г.

Второе письмо — ответное, в котором монгольская сторона выражала согласие с предложением российской стороны, изложенным в первом письме от Генконсула Российского государства.

В третьем письме (от российской стороны) содержатся предложения об участках, арендованных в период с 21 октября 1912 г. до момента заключения данного соглашения, в четвертом ответном письме монгольская сторона выражает согласие с предложением российской стороны, изложенным в третьем письме от Генконсула Российского государства. При этом следует отметить, что в ответных монгольских письмах полностью повторяются формулировки из письма российской стороны. Четвертый пункт основного раздела самого документа (т. е. проекта соглашения) основан на итогах, достигнутых в результате обсуждения третьего и четвертого писем приложения.

В конце каждого входящего и исходящего письма проставлены даты согласно летосчислению страны-отправителя. Так, в письмах от российского Генконсульства на старописьменном монгольском языке указывалась дата по российскому летосчислению на монгольском языке (например, «25.03.1917 г.» *nigen mingyan yisün jayun arban doluduyar on marta sarayin qorin tabun*), а в ответных письмах от правительства Монголии ставилась дата по монгольскому летосчислению, т. е. с момента обретения независимости (например, «от

¹² Русский экземпляр нам не доступен.

седьмого года с момента обретения независимости, средний месяц весны, 15 числа» *olan-a ergügdegsen-ü doluduγar on qabur-un dumdadu sarayin arban tabun*). При этом все четыре письма датированы одной датой, т. е. 25.03.1917 г. и от седьмого года с момента обретения независимости, средний месяц весны, 15 числа. Из этого факта следует, что данная дата, скорее всего, относится к моменту перевода данных писем на монгольский язык, а не к моменту составления самого оригинала письма.

Из вышеприведенных сведений видно, что секретная международная переписка раскрывает особенности процесса составления данного межгосударственного дипломатического документа. В письмах отражены конкретно-исторические историко-культурные реалии того времени. Поэтому корреспонденция — это один из важнейших исторических источников двусторонних отношений России и Монголии начала XX в.

Ниже мы представляем в качестве примера транслитерацию и перевод текста первого письма от Генерального консула Российского государства правительству Монголии, а также транслитерацию ответного письма от монгольской стороны из данного источника.

Транслитерация

[10r] *niyuča*: | *yeke oros ulus-un elčün sayid-ača*: *mongγol ĵasay-un yaĵar-ača oros-un* | *qariyatu-nar-tur orun bayising bayiγulqui-dur kereglekü keseg yaĵar-ud-i* | *kemĵiyelen olyuqu toqai ger-e bičig toytayaqu-yin qamtu* | *mongγol-un yaɗayaɗu-yin kereg-i bügüde erkilen sidkegči yamun-u terigün sayid-un*: *amuyulang-i erijü*: *nayirtai sayin-un yosun-iyar medegdekü anu* | *erkebe oros-un qariyatu-nar*: *nigen mingyan yisün ĵayun arban qoyaduγar* | *on-u oγtiyabri sarayin qorin nigen*: *mongγol-un olan-a ergügdegsen-ü* | *qoyaduγar on namur-un segül sarayin qorin ĵurban-a edür-e*: *oros mongγol-un* | *quɗaldıyan-u ger-e bičig-i qabsurγan toytayaqui-dur kürtel-e* | *boyɗa ĵibĵundamba qutuγtu-ača űangnan olyuγsan bičigba*: *küriyen-dür büküi* | *kongsülün yamun-ača olyuγsan bičig*: *ĵiči γoul yaĵar-un ba*: | [10v] *nutuγ-un erke bariγčid*: *eng-ün kümün-ner luγ-a bičig ba*: *ama-bar* | *kelelčegsen-ü yosuyar keseg yaĵar-ud-i körüngge bolγan eĵeleĵü bayiγsan büged*: | *mön-kü čay kürtel-e γoul yaĵar-un ba*: *nutuγ-un erke bariγčid-ača* | *esergüčegsen ĵüil ügei bögesü*: *nigen mingyan yisün ĵayun aban qoyaduγar on-u* | *oγtiyabri sarayin qorin nigen*: *mongγol-un olan-a* | *ergügdegsen-ü qoraduγar on* | *namur-un segül sarayin qorun ĵurban-u edür-e kürtel-e keregleĵü bayiγsan kemĵiyen-ü* | *dotur-a*: *terekü keseg yaĵar-ud-i körüngge bolγan eĵelemüi*: *egün-dür yınaralnui* | *kongsül sayid-un yamun*: *tedeger kümün nardur terekü keseg yaĵar-ud-i eĵelegülür-e*: | *ĵokiqu temdegtü bičig-üd-i enekü ger-e ün küčün tegüldür boluγsan edür-eče qoyisi* | *ĵurban sarayin quyučayan-u dotur-a*: *mongγol ĵasay-un yaĵar-ača abubasu ĵokimui*: | *kerebe oros-un qariyatu-nar*: *nigen mingyan yisün ĵayun arban* | *qoyaduγar on-u oγtiyabri sarayin qorin nigen*: *mongγol-un olan-a* | [11r] *ergügdegsen-ü qoyaduγar on namur-un segül sarayin qorin ĵurban-u edür-a kürtel-e*: | *keseg yaĵar-ud-i türiyesülen keregleĵü*: *türiyesü-yi γoul yaĵar-un ba*: *nutuγ-un* | *erke bariγčid*: *ĵiči süm-e keyid buyu*: *eng-ün kümün-ner tür*: *tusiyaĵu* | *bayiγsan ba*: *esegül-e mön čay kürtel-e*: *γoul yaĵar-un ba*: *nutuγ-un* | *erke bariγčid-ača esergüčegsen ĵüil bui abasu*: *tedener mongγol ĵasay-un* | *yaĵar-ača yaĵar türiyesüleğčid bolĵu*: *enekü ger-e bičig-tür toytayaγsan* | *türiyesü-ün dürim-i*

dayabasu jokimui: | egünče degegsi el-e učir-i jüi inu | erkim sayid tan-a medetügei gemen yabuluyad: oldabasu bayičayan üjekü | ajiyamu: egüni tula medetügei gemen ilegebe: |

[11v] *nigen mingyan yisün jayun arban doluduyar-ača marta sarayin qorin tabun:|*

[12r] *niyuča | mongyol ulus-un yadayadu-yin kereg-i bügüde erkilen sidkegči yamun-u terigün | sayid-ača: mongyol jasay-un yajar-ača oros-un qoriyatu-nar-tur orun | bayising bayiγuilqui-dur kereglekü keseg yajar-ud-i kemjiyelen olyuqu toqai ger-e | bičig toytayaqu-yin qamtu | yeke oros ulus-ača küriyen-dür sayuy-a elčin sayid tan-a amuyulang-i | erijü: nayirtai sayin-u yosun-iyar medegdekü anu |*

kerebe oros-un qariyatu-nar nigen mingyan yisün jayun arban | qayaduyar on-u oγtiyabri sarayin qorin nigen: mongyol-un | olan-a ergügdegsen-ü qoyaduyar on namur-un segül sarayin qorin yurban-u edür-e: | oros mongyol-un qualduyaru-ger-e bičig-i qabsuryan toytayaqui-dur kürtel-e: |

boγda jibjondamba qutuytu-ača šangnan olyuγsan bičig ba: küriyen-dür büküi kongsul-un | [12v] yamun-ača olyuγsan bičig: jiči youl yajar ba: nutuy-un erke baričid: | eng-ün kümün-ner luy-a bičig ba: ama-bar kelelčegsen-ü yosuyar keseg yajar-ud-i | körüנגge bolyan ejelejšü bayiγsan büged: mön-kü čay kürtel-e: youl yajar-un ba: nutuy-un erke baričid-ača esergüčegsen jüil ügei bögesü: nigen mingyan | yisün jayun arban qoyaduyar on oγtiyabri sarayin qorin nigen: mongyol-un | olan-a ergügdegsen-ü qoyaduyar on namur-un segül sarayin qorin yurban-u edür-e | kürtel-e kereglejšü bayiγsan kemjiyen-ü dotur-a: terekü keseg yajar-ud-i körüנגge | bolyan ejelemüi: egün-dür giniralnui kongsül sayid-un yamun: tedeger kümün nar-dur | terekü keseg yajar-ud-i ejelegülür-e jokiqu temdegtu bičig-üd-i enekü ger-e-ün |küčün tegüldür boluγsan edür-eče qoyisi yurban sarayin quyučayan-u dotur-a: | mongyol jasay-un yajar-ača abubasu jokimui: |

kerebe oros-un qariyatu-nar: nigen mingyan yisün jayun arban qoyaduyar on-u | [13r] oγtiyabri sarayin qorin nigen: mongyol-un olan-a ergügdegsen-ü qoyaduyar on | namur-un segül sarayin qorin yurban-u edür-e kürtel-e: keseg yajar-ud-i | türiyesülen kereglejšü: türiyesü-yi youl yajar-un ba: nutuy-un erke | baričid jiči süm-e keyed buyu: eng-ün kümün nar-tur tusiyaju bayiγsan ba: | esegül-e mön čiy kürtel-e youl yajar-un ba: nutuy-un erke baričid-ača | esergüčegsen jüil bui abasu: tedener mongyol jasay-un yajar-ača yajar | türiyesülegčid bolju: enekü eg-e bičig-tür toytayaγsan türiyesü-ü dürim-i | tayabasu jokimui: |

egünče degegsi el-e učir-i jüi inu | erkim elčin sayid tan-a mededügei gemen yabuyuluyad: olubasu bayičayan | üjekü ajiyamu: egüni tula mededügei gemen ilegebe: |

[13v] *olan-a ergügdegsen-ü doluduyar on qabur-un dumdadu darayin arban tabun:|*

Перевод

Секретно. От консула великого Российского государства:

В связи с заключением соглашения о предоставлении российским подданным земельных участков под строительство зданий и помещений от монгольского правительства, дружески приветствуем главного (terigün sayid) министра иностранных дел Монголии, и сообщаем:

Если к российским подданным, владевшим земельными участками до заключения торгового протокола между Монголией и Россией, подписанного 23 числа последнего месяца осени 2-го года с момента обретения независимости Монголии [21.10.1912 года по юлианскому календарю], не будет претензий со стороны Джебдзундамбы-хутухты, всех других консульств в Монголии, представителей власти центральных местностей и остальных местностей, а также частных лиц по устной договоренности, которые выдали им разрешение, то они сохраняют право собственности на те же земельные участки в тех же размерах, которые они получили до 21.10.1912 года, второго года последнего месяца осени 23 числа с момента обретения независимости Монголии. Поэтому Генеральному консульству следует получить от правительства Монголии свидетельства о регистрации тех же земельных участков тем же владельцам участков в течение трех месяцев с момента вступления в силу данного соглашения.

Если российские поданные арендовали земельные участки до 21 октября 1912 года, 23 числа последнего месяца осени 2-го года с момента обретения независимости Монголии, вносили арендную плату властям центральных местностей и остальных местностей, храмам, частным лицам (*eng-ün kümün*), если у них нет претензий к арендаторам, то они сохраняют свои права на аренду земельных участков и должны соблюдать все пункты этого соглашения, а арендодателем становится Монгольское правительство.

Вышеуказанные пункты статей соглашения были направлены высочайшим министрам (монг. сайд) с просьбой проверить достоверность означенных пунктов. Отправлено для ознакомления» [[yadayadu mongyol-un 1917: 10–11](#)].

Таким образом, вышеприведенные сведения позволяют сделать следующие **выводы**.

Во-первых, историко-хронологический анализ источника, а также формулярный анализ его структуры показал, что данный документ является ценным источником сведений о российско-монгольских дипломатических и торговых отношениях. Установлено, что соглашение было составлено 25 марта 1917 г. в столице независимой Монголии — Нийслэл-хурэ.

Во-вторых, исходя из анализа конкретно-исторических фактов и содержания самого договора, выявлено, что инициатором данного переговорного процесса выступала Российская империя в лице своего консульства в г. Урге. Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что осенью 1915 г. Российская империя повысила статус консульства Российской империи в Нийслэл-хурэ до уровня Генерального консульства. Необходимо отметить, что текст данного соглашения включает в себя ряд важных и познавательных страноведческих сведений о реалиях той эпохи.

В-третьих, следует отметить, что в начале XX в. уровень экономических отношений Российской империи с Монголией был очень высокий, объемы торговли возрастали, разрывалась торговая деятельность русских купцов на территории Монголии. Особенно интенсивно русско-монгольские экономические отношения развивались в первые годы существования независимой Монголии в 1911–1915 гг. Но при этом отсутствие четкой нормативно-правовой базы являлось сдерживающим фактором дальнейшего развития торговли, а рассмотренный договор способствовал устранению этого фактора.

Источники

γadaγadu mongγol-un 1917 — γadaγadu mongγol-un kijayar-un dotur-a qudaldurγan ba: üiledbüri-yin uçir-a sayuqu oros-un qariyatu-nar-du orun bayising bayiγulqu keseg γajar türiyesülen olуuqu uçir kelelçen toyγayaγsan ger-e biçig (= Соглашение об аренде земельных участков для строительства зданий и помещений российскими подданными, находящимися по торгово-промышленным делам в пределах территории Внешней Монголии) // ЦВРК ИМБТ СО РАН. Личный архив П. Б. Балданжапова. БМ 420. 34 с.

Sources

Agreement on Land Lease and Construction of Buildings and Facilities by Russian Subjects Engaged in Trade and Industrial Affairs in the Territory of Outer Mongolia. At: Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Siberian Branch of the RAS). Coll. of P. B. Baldanzhapov. Item БМ 420. 34 p. (In Mong.)

Литература

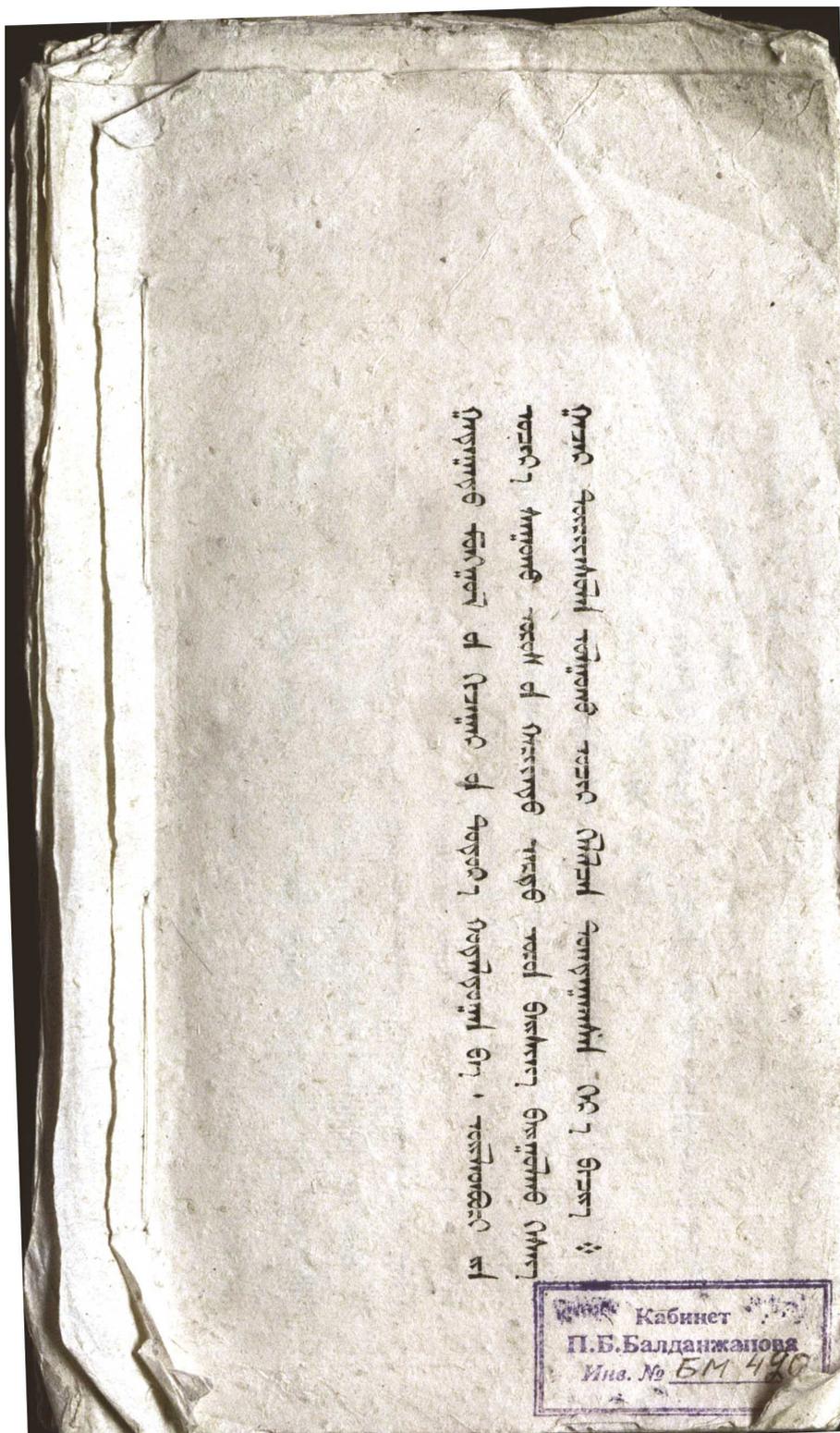
- Батсайхан 2016 — *Батсайхан О.* Монголо-российский договор 1912 года и И. Я. Коростовец // Россия и Монголия: история, дипломатия, экономика, наука. Кн. 6: Матлы междунар. науч.-практ. конф., посв. 95-летию установления дипломатических связей между Россией и Монголией (г. Иркутск, 19–20 марта 2016 г.). Иркутск: Изд-во БГУ; Улан-Батор: Арвай Бархан. 2016. С. 58–71.
- Грайворонский 2013 — *Грайворонский В. В.* О торгово-экономических отношениях между Россией и Монголией в первой четверти XX в. // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура: сборник научных трудов. Улан-Батор; Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2013. С. 48–54.
- Каштанов 1970 — *Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. М.: Наука, 1970. 502 с.
- Каштанов 1988 — *Каштанов С. М.* Русская дипломатика. М.: Высшая школа, 1988. 231 с.
- Орон байшин — Орон байшин байгуулах хэсэг газар түрээслэн олгох учир хэлэлцэн тогтоосон гэрээ бичиг (31 items) [электронный ресурс] (= Соглашение об аренде земельных участков для строительства зданий и помещений российскими подданными, находящимися по торгово-промышленным делам в пределах территории Внешней Монголии) // Selected Mongolian Laws and Regulations 1917–1940. Inner Asia digital Archive. American Center for Mongolian Studies. URL: <http://archive.mongoliacenter.org/collection-exhibit/items/gallery/series/25> (дата обращения: 23.10.2020 г.).
- Сизова 2015 — *Сизова А. А.* Консульская служба России в Монголии (1861–1917). М.: Наука, Вост. лит., 2015. 295 с.
- Лаппо-Данилевский 2007 — *Лаппо-Данилевский А. С.* Очерк русской дипломатики частных актов. СПб.: Северная звезда, 2007. 285 с.
- Россия и Монголия 2014 — Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 2: История отношений России и Монголии в документах: сб. арх. док. Иркутск; Улан-Батор: Изд-во БГУЭП, 2014. 218 с.
- Роцин 2011 — *Роцин С. К.* Сухэ-Батор: Национальный герой Монголии (штрихи биографии). Улан-Батор: Селенгэ пресс компания, 2011. 280 с.
- Русско-китайские отношения 1958 — Русско-китайские отношения 1689–1916 гг., официальные документы 1958 г. М.: Вост. лит., 1958. 142 с.

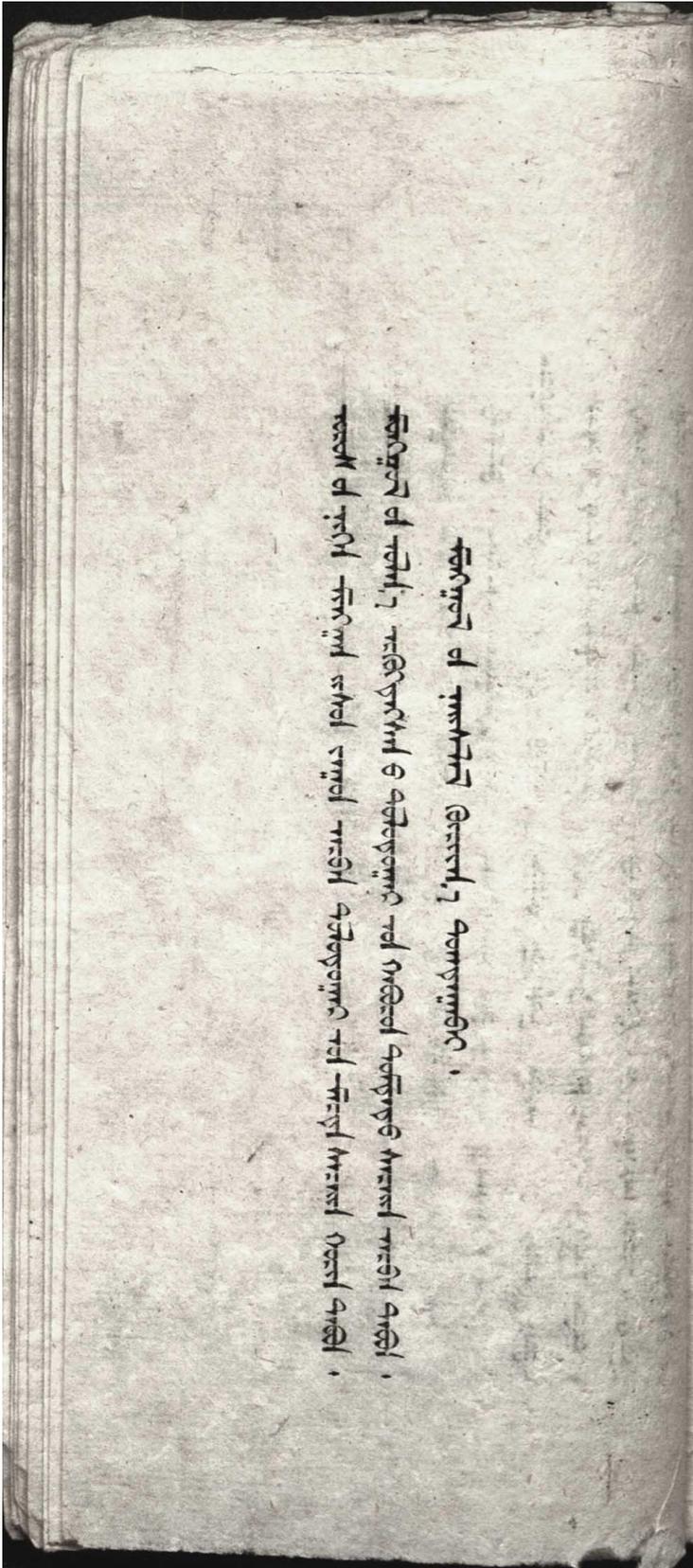
- Теория и методология 2014 — Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
- Шарафутдинов 2013 — *Шарафутдинов Д. Р.* Методика формулярного анализа в прочтении исторических документов: дипломатическая переписка первой трети XIX века // Молодой учёный. № 11 (58). 2013. С. 722–724.

References

- Agreement on Land Lease and Construction of Buildings and Facilities by Russian Subjects Engaged in Trade and Industrial Affairs in the Territory of Outer Mongolia. On: Selected Mongolian Laws and Regulations, 1917–1940. Inner Asia Digital Archive. American Center for Mongolian Studies. Available at: <http://archive.mongoliacenter.org/collection-exhibit/items/gallery/series/25> (accessed: October 23, 2020). (In Mong.)
- Batsaikhan O. Mongolian-Russian Treaty of 1912 and I. Ya. Korostovets. In: Russia and Mongolia. History, Diplomacy, Economy, Science. Book 6. Conference Proceedings (Irkutsk; March 19–20, 2016). Irkutsk: Baikal State University; Ulaanbaatar: Arvay Barkhan, 2016. Pp. 58–71. (In Russ.)
- Chubaryan A. O. (ed.) Theory and Methodology of Historical Science: Terminological Dictionary. Moscow: Akvilon, 2014. 576 p. (In Russ.)
- Grayvoronsky V. V. Russia and Mongolia, 1900s–1920s: trade and economic relations revisited. In: Russia and Mongolia at the Turn of the 20th Century. Economy, Diplomacy, Culture. Collected Scholarly Papers. Ulaanbaatar; Irkutsk: Baikal State University (of Economics and Law), 2013. Pp. 48–54. (In Russ.)
- Kashtanov S. M. Essays on Russian Diplomats. Moscow: Nauka, 1970. 502 p. (In Russ.)
- Kashtanov S. M. Russian Diplomats. Moscow: Vysshaya Shkola, 1988. 231 p. (In Russ.)
- Lappo-Danilevsky A. S. Essay on Russian Diplomats of Private Deeds. St. Petersburg: Severnaya Zvezda, 2007. 285 p. (In Russ.)
- Roshchin S. K. Sükhbaatar: The National Hero of Mongolia. Collected Biographical Data. Ulaanbaatar: Selenge Press, 2011. 280 p. (In Russ.)
- Russia and Mongolia in the early 20th Century: Diplomacy, Economy, Science. Book 3. Part 2: History of Russia-Mongolia Relations Documented. Collected Archival Materials. Irkutsk; Ulaanbaatar: Baikal State University (of Economics and Law), 2014. 218 p. (In Russ.)
- Russian-Chinese Relations, 1689–1916: Official Documents. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1958. 142 p. (In Russ.)
- Sharafutdinov D. R. Formular analysis and historical documents: diplomatic correspondence, 1800s–1830s. Molodoy uchenyy. 2013. No. 11 (58). Pp. 722–724. (In Russ.)
- Sizova A. A. Russia's Consular Institutions in Mongolia: 1861–1917. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2015. 295 p. (In Russ.)

Факсимиле документа
Facsimile of the document

მეცამეტე მარტისა დასრულდა
დასრულდა დასრულდა დასრულდა
დასრულდა დასრულდა დასრულდა

ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 392

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-85-95

Дорожные ритуалы и запреты в русской и калмыцкой культуре в аспекте благополучия

Екатерина Алексеевна Шкурская¹

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0003-3655-0250. E-mail: kateshkurskaya@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Шкурская Е. А., 2021

Аннотация. *Введение.* Дорога как метатекст аккумулирует вариативные формы подвижности, определяющиеся разными способами освоения инобытия. В данной статье мы рассматриваем ситуацию ухода в широком плане — как странничество, освоение новых территорий. *Актуальность* работы определяется сравнительно-сопоставительным подходом к исследованию дорожной традиции в русской и калмыцкой лингвокультуре. *Целью* нашего исследования является вычленение и систематизация охранительных дорожных ритуалов и запретов в русской и калмыцкой традиции в аспекте благополучия. *Материалы, источники и методы исследования.* Опорными источниками для исследования послужили работы Т. Б. Щепанской, А. К. Байбурина, В. А. Коршункова, Н. Л. Жуковской. *Основными методами,* использованными в работе, являются сравнительно-исторический и ретроспективный, позволяющие вычленить общие и частные дорожные охранительные ритуалы и запреты в русской и калмыцкой культуре. *Хронологические рамки исследования* укладываются в конец XIX – начало XX в. *Результаты.* Освоение новых территорий связано с преодолением границ «своего-чужого пространства», поэтому ситуация ухода как в русской, так и в калмыцкой культуре характеризуется повышенной семиотичностью, это находит отражение в охранительных ритуалах и запретных действиях, связанных с отправлением в путь. В русской культуре к охранительным ритуалам безопасности относятся плач / гульба, застолье, обычай «присядем на дорожку», напутственные благословения при выходе из дома. Табуированными считались запреты на вторичное действие, возобновление домашних дел, вербальные запреты, связанные с направлением пути. В калмыцкой культурной традиции маркированы ритуал отправления в путь, сопровождающийся напутственными благопожеланиями, и ритуал освоения пространственных территорий. Территориальный запрет связан с невозможностью селиться у дороги. *Выводы.* Охранительные дорожные ритуалы безопасности в русской культуре направлены на преодоление границы «свое-чужое», что объясняется оседлым самосознанием русских. В калмыцкой лингвокультурной традиции дорожная ритуально-обрядовая сторона связана с пространственным освоением окружающего мира, которое воплощено не только движением, но и остановкой.

Ключевые слова: ритуал, обряд, запрет, культурная традиция, фольклор, кочевье

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Шкурская Е. А. Дорожные ритуалы и запреты в русской и калмыцкой культуре в аспекте благополучия // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 1. С. 85-95. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-85-95

Road Rituals and Taboos in Russian and Kalmyk Cultures: The Aspect of Well-Being

*Ekaterina A. Shkurskaya*¹

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0003-3655-0250. E-mail: kateshkurskaya@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Shkurskaya E. A., 2021

Abstract. *Introduction.* The road as a metatext accumulates variable forms of mobility which are determined by different ways of mastering alien territories. The article deals with departure in a broad sense — as pilgrimage and development of new lands. The relevance of the work is determined by the comparative approach to the study of the road tradition in Russian and Kalmyk linguocultures. *Goals.* The article seeks to identify and systematize protective road rituals and taboos in the Russian and Kalmyk traditions in the aspect of well-being. *Materials and Methods.* The study focuses on works by T. Shchepanskaya, A. Bayburin, V. Korshunkov, and N. Zhukovskaya. The main research methods employed are the comparative-historical and retrospective ones which make it possible to distinguish general and particular road safety rituals and prohibitions in Russian and Kalmyk cultures. Chronologically, the study covers the period between the late 18th and early 20th centuries. *Results.* The mastering of new territories is associated with overcoming boundaries of ‘own-alien’ space, which results in that departure both in Russian and in Kalmyk cultures is characterized by increased semiotics reflected in protective rituals and certain related actions to be avoided thereto. In Russian culture, protective rituals of safety include as follows: crying/*gulba*, feasts, the ‘sit-down-on-the-path’ custom, farewell blessings when leaving the house. The road ritual taboos comprise any repeat of already accomplished actions, resumption of household cares, verbal prohibitions dealing with the direction. In the Kalmyk cultural tradition, the ritual of departure is accompanied by uttering good wishes and the ritual of development of new territories. It was prohibited to settle near the roads. *Conclusions.* Russian protective road rituals are aimed at overcoming the border of the ‘own-alien’, which can be explained by the sedentary self-consciousness of Russians. In the Kalmyk linguistic and cultural tradition, the road ritual and its ceremonial part are associated with the spatial development of the surrounding world which is manifested not only in movement but also in stops.

Keywords: ritual, rite, prohibition, cultural tradition, folklore, nomadism

Acknowledgements. The article was presented at the International scientific online conference ‘Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century: Current State and Development Prospects – II’ funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Shkurskaya E. A. Road Rituals and Taboos in Russian and Kalmyk Cultures: The Aspect of Well-Being. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13(1): 85-95. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-85-95

Введение

Дороги очень важны для общества в целом: перемещаясь в пространстве, человек не только осваивает новые территории, но и меняется сам, иначе воспринимает окружающий мир и себя в нем. Вариативные формы подвижности определяются разными способами освоения инобытия [Головнев 2009; Васильев 2009; Коршунков 2015].

Т. Б. Щепанская противопоставляет дом — мифологически безопасное пространство — дороге, миру внешнему, угрожающему, затрагивает аспекты дорожной тематики, связанные с преодолением этих границ [Щепанская 2003].

В. А. Коршунков исследует феномен дороги в обрядово-мифологической традиции и повседневной культуре России [Коршунков 2015]. А. К. Байбури раскрыл фольклорно-мифологические аспекты, связанные с мотивом дороги [Байбури 1993]. А. В. Головнев затрагивает вопросы подвижности этничности, выделяет оседлые и кочевые варианты взаимодействия с пространством [Головнев 2009]. М. И. Васильев рассматривает сухопутные и водные коммуникации в системе русского транспорта [Васильев 2009]. Таким образом, преодоление границы «свое-чужое» может быть связано как с дорожной ситуацией непосредственно, так и с изменением статуса уходящего: переселение, уход на богомолье, замужество, рекрутские сборы, последний путь человека. В данной статье мы рассматриваем ситуацию ухода в широком плане — как странничество, освоение новых территорий в русской и калмыцкой лингвокультуре.

Традиционно русскую культуру ассоциируют с оседлым образом жизни, однако культ дороги в России очень развит, по словам Т. Б. Щепанской, «русские — движущийся этнос с самосознанием оседлого» [Щепанская 2003: 7].

Уход и отправление в путь предполагает прекращение оседлого жительства и переход на подвижный образ жизни. В русской культуре существовало несколько форм передвижений: переселение как земледельческое освоение территории, сезонная миграция, уход на различные промыслы, рекрутские сборы, а также религиозное странничество — уход на богомолье и паломничество в святые места.

Дом в русской культуре воспринимается как мифологически безопасное пространство и противостоит дороге — миру внешнему, угрожающему. Дорожная ситуация независимо от цели путешествия позиционируется амбивалентно: с одной стороны, как кризисная и находит отражение в ритуальном плаче перед уходом домочадца («долгие проводы — лишние слезы»), с другой стороны, как праздничная. Разрыв с рутинным порядком действий предполагает смену формы поведения с повседневной на торжественную. Перед проводами домочадца в селениях временно прекращались работы, устраивались застолья, происходили обмены дарами. Домашний человек, отправляющийся

в путь, менял свой статус, Т. Б. Щепанская выделяет такую градацию: «домашний», «ушелец», «путник», «пришелец» [Щепанская 2003: 7]. Смена статуса отражена и в вербальных текстах, связанных с ситуацией отправления в путь: «уход», «в пути», «возвращение». В таблице 1, представленной ниже, мы выделяем группу фольклорных текстов, в которых закреплены прощальные напутствия и формулы поведения в дороге.

Таблица 1. Вербальные фольклорные тексты в связи с дорожной ситуацией:
[Table 1. Road-related verbal folklore texts]

Дорожная ситуация	Фольклорные жанры
Уход	прощальные, напутственные формулы благословения; тосты «на посошок»; плачи; заговоры «в путь»
В пути	охранительные молитвы; заговоры; формулы вызова Лешего; приветствия при встрече; дорожные песни
Приход	приветствие; формулы знакомства; приметы, говорящие о приближении человека; рассказы о событии в дороге; правила прибытия и гостеприимства

Так как ситуация ухода является пограничной, в ней в наибольшей степени закреплены дорожные ритуалы, обряды и запреты, связанные с отправлением в путь. Рассмотрим наиболее частотные в таблице 2.

Таблица 2. Охранительные дорожные ритуалы и запреты в русской культурной традиции
[Table 2. Protective road rituals and taboos in the Russian cultural tradition]

Ритуалы	Запреты
охранительные ритуалы безопасности: плач / гульба; застолье; ритуал «присядем на дорожку»; напутственные благословения при выходе из дома; проводы до порога, околицы, границы селения; охранительные молитвы и заговоры; предметные обереги, памятки	запрет при выходе из дома: нельзя оборачиваться, нельзя возвращаться, нельзя «перекрывать» дорогу; запрет на домашнюю работу: нельзя мыть пол, выметать мусор; темпоральный запрет: нельзя уходить в праздничные дни, а также в памятные дни, нельзя покидать дом после полуночи; вербальный запрет: запрет спрашивать о направлении пути

Мы уже упоминали, что ситуация ухода сопровождалась перерывом в течении повседневного положения дел, сменой статуса отправляющегося в путь, поэтому кризисная реакция выражалась в форме ритуального оплакивания

«ушельца», а радостная мифоритуальная сторона преломляла темпоральную организацию пространства, когда время отправления сдвигалось, а время проводов растягивалось от одного дня до месяца [Щепанская 2003: 57].

Проводы сопровождалась гульбой, существовали разные формы подвижности: гуляния по улицам, хороводы, игры в горелки, катания на лошадях. Кульминационным моментом проводов считались «проводины», или торжественное застолье. Подобная прощальная церемония сопровождалась коллективным угощением, а также символической трапезой «выпить на посошок», когда стол накрывался скатертью, сверху ставили хлеб-соль, гости садились вокруг стола, спиной к печи и минуту молчали. Печь являлась центром домашнего пространства, точкой отсчета, откуда начинался путь, символом связи уходящего с домом, поэтому, чтобы не тосковать по дому, к печи садились спиной или поодаль, такое магическое действие «от тоски» устанавливало временное блокирование связи между уезжающими и домочадцами [Щепанская 2003: 88].

До наших дней дошел обычай «присесть на дорожку» перед отъездом, чтобы путь был гладким и безопасным, нередко он сопровождается кратковременным молчанием. Т. Б. Щепанская связывает его происхождение с праздничной стороной дорожного ритуала: устраивать застолье перед дальней дорогой и «выпить на посошок» [Щепанская 2003: 85].

В. А. Коршунков, опираясь на исследования М. И. Шахновича, полагает, что его возникновение объясняется представлением домочадцев о том, что в минуту молчания домовый учит уезжающих, как вернуться невредимыми домой, также домочадцы мысленно спрашивают разрешения у хозяина жилища покинуть дом (цит. по: [Коршунков 2015: 94]).

А. К. Байбурин объясняет этот обычай ритуальной семиотичностью всех действий, связанных с пограничной ситуацией входа-выхода из жилища, указывает на маркирование инициальной ситуации пространственно-временного противопоставления начала-конца пребывания в доме [Байбурин 1993: 216].

Подобной повышенной семиотичностью характеризуется обычай проводов гостя до порога, магическое обоснование этого обряда объясняется представлением о том, что порог — это граница домашнего пространства и что гость, с которым обошлись неуважительно, мог унести из дома удачу.

Ритуальные проводы обязательно сопровождалась вербальными клишированными формулами напутствия в дорогу. К наиболее частотным этикетным формам напутствия в русской культуре относятся выражения: «счастливого пути», «с богом», «помолись, помолись, да и в путь соберись», «не помолвишься Богу, не ездят в дорогу». В этих напутственных обращениях сосредоточена идея счастливой, безопасной, гладкой дороги, охранную функцию выполняют высшие силы и сила молитвы.

Помимо вербальных пожеланий со стороны домочадцев существовал ритуал ухода. Перед отправлением в дальнюю дорогу было принято просить прощения у близких и низко кланяться, приговаривая: «Не поминайте лихом». Подобное ритуальное действие связано с представлением о дороге как о тяжелом, опасном испытании [Коршунков 2015: 55].

Необходимым элементом прощального обряда были напутственные молитвы и заговоры, очень часто наблюдалась их контаминация. Молитвы проносились либо как напутствия перед дорогой, либо использовались как охранные памятки в пути. Вербальная форма напутствий вариативна: молитвы-«кресты», богородичные молитвы, молитвы к ангелу-хранителю, к св. Николаю Чудотворцу.

Представляет интерес смысловая организация молитв-«крестов», когда вербальная презентация текста рисует своеобразный крест, оберегающий путника: «Господи, благослови. Спереди крест, сзади крест, по правую сторону крест, по левую сторону крест, над головой сам Иисус Христос» [[Щепанская 2003: 94](#)].

Проводы завершались обменом дарами или памятками. Памятки — простые предметы, обретавшие магический смысл, вещь на память о доме, либо на счастье. Памятка сохраняет связь с домом и родными, обретает магическое и охранное свойство во время ритуального прощания, когда вербальное пожелание благополучия переносится на подаренную вещь в момент проводов или прощания перед дальней дорогой. Примером памятки в русской культуре могут быть: тканые изделия, например, платок, вышитый возлюбленной или матерью; атрибуты печи, символизирующие домашний очаг, — зола, уголек; хлеб-соль в дорогу; горсть земли как напоминание о родном крае, а также обереги христианского происхождения: нательные кресты, иконки [[Щепанская 2003: 110–116](#)].

Назначение таких памяток разное: связь с родным домом, противостояние злым силам на чужбине, залог верности и предстоящей встречи, залог возвращения и связи с родиной, охранная функция.

Ситуация ухода также сопровождается многими табуированными действиями. Мы выделяем группу запретов при выходе из дома, табу на домашние действия, темпоральные и вербальные запреты.

Рассмотрим каждую из выделенных групп. В отношении понятия «свое-чужое пространство» существовал ряд запретов, связанных с оправлением в дальнюю дорогу. Табуированными считались вторичные действия: нельзя оборачиваться, нельзя возвращаться, а также преломление пути — нельзя переходить дорогу покидающему дом.

А. К. Байбурин объясняет поверья о нежелательности возвращения запретом вторичного действия [[Байбурин 1993: 216](#)]. В народной культуре переход дороги наперерез понимался как вредоносный, связывался с утратой счастья, здоровья, плодovitости.

Табу на домашние действия, на наш взгляд, были связаны с утратой домом статуса очага. На некоторое время это место становилось зоной отчуждения, так как соприкасалось с дорогой, инобытием. Варианты запретов были различны, большинство из них связаны с трансформацией привычного уклада жизни, поэтому нельзя убирать, выносить мусор, подметать. Запрет, сохранившийся в наши дни, не мыть пол и не подметать после отъезда близких людей, чтобы не «вымести след», развился из старинного запрета выметать сор из избы. Также это табу было связано с мифологическим представлением о «своем-чуж-

жом» мире, возможностью вернуться в свое жилье, чтобы легче было опознать свое пространство.

Темпоральные запреты ассоциировались с днями, неблагоприятными для путешествий. К ним относились некоторые языческие и христианские праздники (ночь на Ивана Купалу, праздник Воздвиженья Креста Господня), а также памятные дни, связанные с утратой близких людей.

Также на время выхода в путь влияли суточные циклы. Благоприятным временем отправления считалась первая половина дня, запрет на передвижение в полночь объяснялся активностью inferнальных сил.

Вербальные запреты связаны с векторностью направления и конечностью пути. Табуированными были как слова вопрошающего, так и ответы уходящего в путь. Запретными словами считались: «Куда?», «Где?», «Далече?». Согласно представлениям наших предков, нельзя было «кудыкать», чтобы не спугнуть счастье или удачу в пути. Строгость запрета объясняется созвучием с корнем «куд», которым в простонародье обозначалось колдовство (ср. «кудеса», «кудесник»). В толковом словаре В. Даля старославянскую словоформу «куд» связывают со «злым духом», с выполнением действий волхования.

Традиционный ответ уходящего был вариативен. Так, в Калужской губернии отвечали: «Куды, куды! В лягушачьи пруды — лягушек ловить да тебя, дурака, кормить!». В Амурской области вербальная реакция была следующая: «На Кудыкину Гору, мышей ловить, тебя кормить!» [Коршунков 2015: 123]. Такие завуалированные речевые клише объяснялись строгим запретом отвечать, что уходишь «недалеко» или «ненадолго».

Большинство дорожных ритуалов и запретов русской культуры сосредоточены вокруг пограничной ситуации отправления в путь. Охранительные ритуалы безопасности направлены на преодоление границы «свое-чужое». Подобное освоение пространства объясняется оседлым самосознанием русских.

Кочевой образ жизни калмыцкого народа предполагает освоение новых территорий, завоевание внешней культуры, коллективное перемещение в пределах определенных пастбищ, поэтому дорожная ритуально-обрядовая сторона связана с пространственным освоением окружающего мира, которое воплощено не только движением, но и остановкой. К. А. Джушхинова указывает на дихотомию концентрического и линейного пространства в процессе кочевья. Линейное движение — непосредственно процесс перекочевки с одной стоянки на другую, под концентрическим понимается освоенное пространство кибитки [Джушхинова 2013: 49–50].

О юрте как о модели микромира кочевника писали многие ученые [Жуковская 1986; Пюрвеев 1975; Вайнштейн 1991; Бакаева 2003; и др.]. Так, Н. Л. Жуковская показывает, что кочевая юрта представляет собой модель вселенной [Жуковская 1988: 15–31]. Е. В. Голубева отмечает, что человек у кочевников — центр всех вещей и собственного мира [Голубева 2006: 9].

Рассмотрим в таблице 3 дорожные ритуалы и запреты в калмыцкой культуре, связанные с пространственным освоением территорий.

Таблица 3. Охранительные дорожные ритуалы и запреты
в калмыцкой культурной традиции
[Table 3. Protective road rituals and taboos in the Kalmyk cultural tradition]

Ритуалы	Запреты
Ритуалы отправления в путь: йорел (благопожелание в дорогу) « <i>цахан хаалһ</i> »; обращение к священнослужителю с просьбой «открыть дорогу»; обряд очищения огнем (« <i>шүр</i> »)	запрет при выходе из дома: нельзя оборачиваться; запрет на домашнюю работу: нельзя выметать мусор;
Ритуалы пространственного освоения территории: круг-маршрут кочевья; движение по солнцу; организация жилища и пространства социума в форме круга; выход кибитки на южную сторону	территориальный запрет: нельзя селиться у дороги

Ритуал отправления в путь в калмыцкой культуре детализирован: перед тем как отправиться в дальнюю дорогу, уезжающему дают выпить молоко, этот обычай «открывает» путь. Далее уезжающий перешагивает порог правой ногой (так как порог символизировал границу миров «свой-чужой», на него нельзя было садиться, вставать ногами, разговаривать или передавать что-либо) [Борджанова 2007: 41].

Правая сторона в калмыцкой культуре сакральна, поэтому надо было сделать три шага направо, а потом повернуть в нужном направлении. На кровать кладут острый предмет острием вперед, который должен так лежать до приезда хозяина, а тот, кто уезжал, должен бросить на землю белую монету и произнести: «Пусть эта земля одарит меня силой и успехом, пусть замыслы мои сбудутся», тогда дорога будет светлой и доброй [Ользеева 2007: 172].

Перед отправлением обязательно произносились заговорные тексты «на хорошую дорогу» [Овалов 1985: 109], которые в фольклорной традиции калмыков именуется «*хаалһин йөрэл*» ‘благопожелание пути’ [Бардаев, Пюрбеев, Муниев 1990: 123].

Т. Г. Борджанова выделяет следующую структуру благопожелания: обращение к путнику, пожелание исполнения намеченных дел, пожелание удачного возвращения домой [Борджанова 2007: 53].

Вербальная клишированная формула напутствия «Белой дороги» — «*цахан хаалһ*» аккумулирует идеи пожелания как счастливого пути (гладкой, хорошей дороги), так и счастливой судьбы (счастья, успехов). Это связано с тем, что в калмыцкой лингвокультуре значение слова «*хаалһ*» связано с понятиями «дорога», «путь», «способ», «счастье». У счастливого человека дорога должна быть всегда открыта [Борджанова 2007: 53]. Семантическое осмысление белого цвета в калмыцкой культуре сакрально. Оно олицетворяет счастье и благополучие, чистоту и благородство, почет и высокое положение в обществе [Жуковская 2007: 201]. Поэтому идея белой дороги вмещает в себя понятия счастливой, достойной жизни, благих дел и помыслов, удачи.

Таким образом, пожелание счастливой дороги как охранный дорожный ритуал наблюдается как в русской, так и в калмыцкой лингвокультуре. Если для русского народа вербальная организация текста сосредоточена вокруг ситуации пути (охранная функция в дороге), в калмыцкой культурной традиции акцентируется дихотомия пути и возвращения домой.

Обряд «*шур*» связан с весенним кочевьем — при всяком начинании, перемещении происходило так называемое очищение огнем: сжигание старых вещей, окуривание домашних животных. Этот обряд символизировал расставание с прошлым, избавление от старых переживаний, новый период жизни [Сарангаева 2009: 82–83].

Ритуалы пространственного освоения новой территории в калмыцкой культуре связаны с идеей кругового «правильного движения», то есть по направлению движения солнца с возвращением на восточную сторону [Бакаева, Сангаджиев 2005: 60]. Круг являлся формообразующим началом у кочевников, символизировал гармонию, единение, целостность, упорядоченность по отношению к сакральному центру, защиту, солнечную энергию. Циклический и жизненный путь в буддийской традиции. В форме круга сооружалось жилище, выстраивалось пространство социума: все кибитки в хотоне располагались по кругу, а жилище старшего помещалось в центре.

Ориентация в пространстве была связана со сторонами света, южная сторона в калмыцкой культуре символизировала благополучие, энергию солнца, ассоциировалась с желтым цветом, дополнялась символикой красного — цвета огня (очага) как продолжения солнечной энергии [Бакаева, Сангаджиев 2005: 60]. Вход в кибитку в калмыцкой культурной традиции был с южной стороны.

Обратимся к дорожным запретам.

Наряду с фольклорными запретами вторичности какого-либо действия при отправлении в путь, которое встречается как русской, так и в калмыцкой культурной традиции, представляет интерес территориальный запрет, который проявляется в табуированности расселения близ дорог у кочевников. Этот запрет объясняется вариативностью векторности пути в сознании калмыцкого народа: путь-движение, жизненный путь (*хаалһ*) вертикален и циклический. В духовном плане это движение к сакральному. Большая дорога (*зам*), путь-трасса (*шүһм*) — линейны. Поэтому дорога-трасса воспринимается как признак горизонтального перемещения в пространстве, движение в инобытие, не имеет характеристику границы или защиты, характеризуется отрицательно. В калмыцком фольклоре существовало поверье, что по дороге могут летать духи «шулмусы», которые способны навредить человеку. Благоприятными местами размещения у кочевых народов считались территории близ водных источников, вдали от дорог [Бакаева, Сангаджиев 2005: 62].

Заключение

Детализация дорожных ритуалов и запретов в русской и калмыцкой лингвокультуре говорит о значимости освоения пространства как для оседлого, так и кочевого этносов. Охранительные ритуалы безопасности в русской культуре связаны с преодолением границы домашнего пространства, характеризуются амбивалентно: ритуал плач / гульба иллюстрирует смену стату-

са уходящего, обычай «присесть на дорожку», напутственные пожелания при выходе из дома, обмен охранными памятками объясняются ритуальной семитичностью всех действий, связанных с пограничной ситуацией входа-выхода из жилища. Табуированными считались запреты на вторичное действие, возобновление домашних дел, вербальные запреты, связанные с направлением пути. В калмыцкой культурной традиции маркированы ритуал отправления в путь, сопровождающийся напутственными благопожеланиями и ритуал освоения пространственных территорий. Территориальный запрет номадов связан с нежелательностью поселения у дороги. Таким образом, в калмыцкой культуре ритуально-обрядовая сторона отправления в путь связана с пространственным освоением окружающего мира. Для русского самосознания охранительные дорожные ритуалы направлены на преодоление границы «свое–чужое».

Литература

- Байбурун 1993 — *Байбурун А. К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семитический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 253 с.
- Бакаева, Сангаджиев 2005 — *Бакаева Э. П., Сангаджиев Ю. И.* Культура жилища: этнические традиции и современные приоритеты у калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 196 с.
- Бакаева 2003 — *Бакаева Э. П.* Этнические стереотипы и проблема семантики кочевого жилища // Монголоведение. Вып. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2003. С. 220–232.
- Бардаев, Пюрбеев, Муниев 1990 — *Бардаев Э. Ч. Пюрбеев Г. Ц., Муниев Б. Д.* Фразеологический словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 142 с.
- Борджанова 2007 — *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков: система жанров, поэтика. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Васильев 2009 — *Васильев М. И.* Русские сухопутные коммуникации и скользящий транспорт X – начала XX веков: основные тенденции развития: автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2009. 48 с.
- Вайнштейн 1991 — *Вайнштейн С. И.* Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
- Головнев 2009 — *Головнев А. В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: УрОРАН; Волот, 2009. 496 с.
- Голубева 2006 — *Голубева Е. В.* Национально-культурная специфика картины мира в калмыцком языке (на примере культурных концептов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. 28 с.
- Джушхинова 2013 — *Джушхинова К. А.* «Белая дорога» как прецедентный знак калмыцкой лингвокультуры // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 2. С. 48–52.
- Жуковская 1986 — *Жуковская Н. Л.* Пространство и время в мировоззрении монголов // Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии / отв. ред. Н. Л. Жуковская. М.: ГРВЛ, Наука, 1986. С. 118–134.
- Жуковская 1988 — *Жуковская Н. Л.* Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: ГРВЛ, Наука, 1988. 196 с.
- Жуковская 2007 — *Жуковская Н. Л.* Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Вост. лит., 2007. 247 с.
- Коршунков 2015 — *Коршунков В. А.* Дорожная традиция России. Поверья, обычаи, обряды. М.: Неолит, 2015. 161 с.
- Сарангаева 2009 — *Сарангаева Ж. Н.* Кочевье // Калмыцкие и русские лингвокультурные концепты. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2009. С. 78–90.
- Овалов 1985 — *Овалов Э. Б.* Благопожелания (йорелы) — жанр калмыцкого фольклора (вопросы систематизации и публикации) // Калмыцкий фольклор: проблемы издания.

Элиста: Респуб. тип. Ком-та по делам изд-в, полигр. и кн. торг. СМ КалмАССР, 1985. С. 109–125.

- Ользеева 2007 — *Ользеева С. З.* Калмыцкие народные традиции (на калмыцком и русском языках). Элиста: НИП «Джангар», 2007. 480 с.
- Пюрвеев 1975 — *Пюрвеев Д. Б.* Архитектура Калмыкии. М.: Стройиздат, 1975. 187 с.
- Щепанская 2003 — *Щепанская Т. Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.

References

- Bakaeva E. P. Nomadic dwelling: ethnic stereotypes and problem of semantics. In: *Mongolian Studies*. Vol. 2. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2003. Pp. 220–232. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Sangadzhiev Yu. I. The Culture of Dwelling: Ethnic Traditions and Contemporary Priorities of the Kalmyks. Elista: Dzhangar, 2005. 196 p. (In Russ.)
- Bardaev E. Ch. Pyurbeev G. Ts., Muniev B. D. Phrase Book of the Kalmyk Language. Elista: Kalmyk Book Publ., 1990. 142 p. (In Kalm. and Russ.)
- Bayburin A. K. Ritual in Traditional Culture: Structural and Semiotic Analyses of East Slavic Rites. St. Petersburg: Nauka, 1993. 235 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. Kalmyk Ritual Poetry: Genre System and Poetics. Elista: Kalmyk Book Publ., 2007. 592 p. (In Russ.)
- Dzhushkhinova K. A. 'White road' as a precedent sign of the Kalmyk linguistic culture. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2013. No. 2. Pp. 48–52. (In Russ.)
- Golovnev A. V. Anthropology of Movement: Antiquities of Northern Eurasia. Yekaterinburg: Ural Branch of RAS; Volot, 2009. 496 p. (In Russ.)
- Golubeva E. V. Ethnic and Cultural Specifics of the Kalmyk Linguistic World Image: A Case Study of Kalmyk Cultural Concepts. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 2006. 28 p. (In Russ.)
- Korshunkov V. A. The Road Tradition of Russia: Beliefs, Customs, Rites. Moscow: Neolit, 2015. 161 p. (In Russ.)
- Olzееva S. Z. Kalmyk Folk Traditions. Elista: Dzhangar, 2007. 480 p. (In Kalm. and Russ.)
- Ovalov E. B. Well-wishing verses (yöräl) — a genre of Kalmyk folklore: issues of systematization and publication revisited. In: *Kalmyk Folklore and Publication Problems*. Elista: Council of Ministers of the Kalmyk ASSR, 1985. Pp. 109–125. (In Russ.)
- Pyurveev D. B. Architecture of Kalmykia. Moscow: Stroyizdat, 1975. 187 p. (In Russ.)
- Sarangaeva Zh. N. Nomadic territory. In: *Kalmyk and Russian Linguocultural Concepts*. Elista, 2009. Pp. 78–90. (In Russ.)
- Shchepanskaya T. B. Culture of Road in the Russian Mythoritual Tradition: 19th – 20th Centuries. Moscow: Indrik, 2003. 528 p. (In Russ.)
- Vasilyev M. I. Russian Land Communications and Sleighs, 10th to 20th Centuries: Key Development Trends. Dr. Sc. (history) thesis abstract. St. Petersburg, 2009. 48 p. (In Russ.)
- Vainshtein S. I. The World of Central Asian Nomads. Moscow: Nauka, 1991. 296 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Space and time in worldviews of Mongols. In: Zhukovskaya N. L. (ed.) *Myths, Cults, Rites of Non-Soviet Asia*. Moscow: GRVL, Nauka, 1986. Pp. 118–134. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Traditional Culture of Mongols: Categories and Symbols. Moscow: GRVL, Nauka, 1988. 196 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Nomads of Mongolia: Culture, Traditions, Symbols. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2007. 247 p. (In Russ.)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК / UDC 811.512.37

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-96-107

Семантика цветообозначения *хар* ‘черный’ в фольклорном тексте: лингвокультурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта)

*Александра Тагировна Баянова*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник

 0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Баянова А. Т., 2021

Аннотация. *Введение.* Настоящая статья посвящена анализу значения колоронима *хар* ‘черный’ в фольклорном тексте. *Целью* исследования является анализ семантики цветообозначения *хар* ‘черный’ с точки зрения лингвокультурологии. *Материалом* исследования послужили тексты калмыцких сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом. *Результаты.* На основе анализа выделено шесть оттенков черного цвета. Определена семантика лексемы *хар* ‘черный’. Рассмотрены способы перевода исследуемой лексемы на немецкий язык. *Выводы.* Лексема *хар* ‘черный’ имеет широкую семантику. В своем номинативном значении используется при обозначении цвета, масти животных, цвета кожи человека. В именах собственных он применяется в значении ‘крепкий, сильный’. Лексема *хар* ‘черный’ может обозначать социальное положение человека: *хар яста кун* ‘простолудин’ (букв. ‘человек черной кости’). В большинстве случаев лексема *хар* ‘черный’ имеет отрицательную коннотацию. Черным цветом обозначаются хтонические символы (*хар цурх* ‘черная щука’, *хар темэн* ‘черный верблюд’, *ут хар кун* ‘букв. длинный черный человек’).

Ключевые слова: черный цвет, лингвокультурология, семантика, калмыцкий язык, фольклорный текст, цветообозначение

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект № 075-15-2019-1879 «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

Для цитирования: Баянова А. Т. Семантика цветообозначения *хар* ‘черный’ в фольклорном тексте: лингвокультурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта) // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 1. С. 96–107. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-96-107

Semantics of the Color Term *xap* ‘Black’ in Folklore Texts: A Linguoculturological Aspect (A Case Study of Kalmyk Folktales Recorded by G. J. Ramstedt)

Aleksandra T. Bayanova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Bayanova A. T., 2021

Abstract. *Introduction.* The article analyzes semantic components and variants of the Kalmyk color term *xap* ‘black’ in folklore texts. *Goals.* The study investigates semantics of the color term *xap* ‘black’ in a linguocultural perspective. *Materials.* The work explores Kalmyk folktales recorded by the Finnish scholar G. J. Ramstedt during his scientific expedition to the Kalmyk Steppe. *Results.* The analysis reveals six shades of black and sums up its semantic constituents and variants. Special emphasis is laid on the applied Kalmyk-to-German translation means. *Conclusions.* The lexeme *xap* ‘black’ is distinguished by extensive semantics. It serves to denote animal coat and human skin colors. In personal names, it has the meaning of ‘strong, enduring’. The word can also identify an individual’s social status, e.g., *xap яста кун* ‘commoner’ (lit. ‘a black-boned man’). In most cases the lexeme *xap* ‘black’ contains negative connotations. The color black designates chthonian symbols (*xap цурх* ‘black pike’, *xap темэн* ‘black camel’, *ум xap кун* lit. ‘tall (long) black man’).

Keywords: color black, linguoculturology, semantics, Kalmyk language, folklore text, color term

Acknowledgements. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist — project name ‘From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions – Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews’ (state reg. no. 075-15-2019-1879).

For citation: Bayanova A. T. Semantics of the Color Term *xap* ‘Black’ in Folklore Texts: A Linguoculturological Aspect (A Case Study of Kalmyk Folktales Recorded by G. J. Ramstedt). *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13(1): 96–107. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-96-107

Введение

Черный цвет в калмыцкой культуре так же, как и во многих культурах других народов, являясь антиподом белого цвета, символизирует тьму, смерть, зло и т. д. По мнению Н. Л. Жуковской, черный цвет имеет у монгольязычных народов отрицательную коннотацию, с ним связано «все негативное (злое, темное, жестокое, несчастливое, профанное)» [Жуковская 2002: 203]. Черный цвет «вызывал суеверные страхи и представления о злых духах» [Кочешков 1973: 12].

В культурологическом аспекте слово *xap* имеет довольно широкую семантику. В калмыцко-русском словаре имеются следующие значения слова *xap* ‘черный’: 1. 1) черный, темный: *xap керэ* ‘черный ворон’, *xap шур* ‘черная крапка’; 2) постный (в значении без молока), чистый (в значении без примесей):

хар цэ (незабеленный чай), *хар усн* ‘чистая вода’; 3) простой, простонародный: *хар кун* ‘простолудин, мирянин’; *хар келн* ‘просторечный (разговорный) язык’; 4) черный, физически тяжелый: *хар көдлми* ‘черная (физически тяжелая) работа’; *хар күчн* ‘физическая сила’; 5) дурной, скверный; вредный; порочный преступный: *хар саната* ‘злонамеренный, коварный’; 6) самый сильный; самый...: *хар киитн* ‘сильный холод’; *хар салькн* ‘сильный (бесснежный) ветер’. 2. 1) очень, слишком: *хар өрлэ* ‘рано утром’; *хар нетрусн* ‘тьма-тьмушая, видимо-невидимо’ [КРС 1977: 576–577].

Целью данной статьи является анализ семантики черного цвета на основе фольклорного текста.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили сказки, записанные финским ученым Г. Й. Рамстедтом. Полевые записи сказок были изданы Г. Й. Рамстедтом на калмыцком и немецком языках в двух частях. Первая часть, опубликованная в 1909 г., состоит из 18 сказочных текстов [Kalmückische ... 1909]. Вторая часть книги, содержащая сказки под номерами 19–22 (с. 155–237), вышла в свет только в 1919 г. [Kalmückische ... 1919].

Так как данное исследование проводится на основе фольклорного текста, являющегося хранилищем культурной информации определенного этноса, фиксирующего «мир» той культуры, на языке которой он создан, то использовались метод лингвокультурологического анализа фольклорного текста, предполагающего анализ единиц художественного текста с точки зрения их национально-культурной семантики, и метод концептуального анализа с целью реконструкции национальной языковой картины мира.

Диапазоны оттенков черного цвета в калмыцких сказках в записи Г. Й. Рамстедта

Согласно исследованному фактическому материалу в анализируемых калмыцких сказках Г. Й. Рамстедта, лексема *хар* по частотности употребления занимает лидирующее положение — 144 словоупотребления, что составляет 32,4 % от общего количества цветовой лексики.

Диапазон оттенков черного цвета варьирует от блестяще-черного до серо-рыжего (см. табл. 1).

Таблица 1. Шкала оттенков черного цвета
(на материале сказок в записи Г. Й. Рамстедта)

[Table 1. Shades of black traced in Kalmyk folktales recorded by G. J. Ramstedt]

№	Оттенки	Калмыцкий текст ¹	Перевод на русский язык ²
1.	блестяще-черный	(1) ³ <i>negñ zamb^o хар^o мах^olä öms^odž</i> = <i>негñ замб хар махлә өмсч...</i> [Калмыцкие сказки 2018: 85]	‘Один был в черной шапке’

¹ Здесь и далее переложение на современную калмыцкую графику дано по изданию «Калмыцкие сказки в записи Г. Й. Рамстедта: тексты и исследования». В 3 ч. Ч . II. [Калмыцкие сказки 2018].

² Перевод на русский язык осуществлен автором статьи.

³ Примеры и их нумерация даны в скобках.

2.	черный	(2) <i>ter° oktr̥ ɣar° buɣān ögl̥-tä!</i> » <i>genā.</i> = « <i>Тер оһтр хар бууһан өглтә!</i> » — <i>генә.</i> [Калмыцкие сказки 2018: 199]	‘«Короткоствольное черное ружье дайте мне!» — говорит’
3.	черно-бурый	(3) <i>en° miñ! ɣalä šonɣor šowün, ɣasɣ ɣar° poɣā ɣoj°tāy aldɔc kün ken bolnā?</i> = <i>Эн мини халә шоһр шовун хаср хар нохә хойрәг алдг күн кен болнә?</i> [Калмыцкие сказки 2018: 97]	‘«Этих моих кричит птицу и охотничью черную собаку что за человек убил?»
4.	бурый	(4) <i>ardɥ omɣün ɣar° tsurɣo bolāw ornā.</i> = <i>Арднь омргин хар цурх болад орнә.</i> [Калмыцкие сказки 2018: 271]	‘Следом бросился, обернувшись огромной черной шукой’
5.	темно-серый	(5) <i>dērēs° delt̥r̥in̥ tsigē ɣar° ūl̥n̥ šüɣpdž kütš-igēd awā(d)-jowāw-odɣ</i> = <i>Дерәс делтрин чигә хар үүлн шуугж күрч ирәд, ава(д) йовад одв.</i> [Калмыцкие сказки 2018: 91]	‘Сверху с подпотник величиной черная туча с шумом налетела и унесла его’
6.	серо-рыжий	(6) <i>usɥ šar° maŋɣ.°s̥in̥ ār° biñd° neg mū ɣar° gerbāɣɔ, ter° ger miñ! ger ter°</i> = <i>Усн шар маһсин ар биһнд нег му хар гер бәәх, тер гер мини гер тер.</i> [Калмыцкие сказки 2018: 371]	‘«Позади [жилища] Усун Шара мангасов стоит убогая черная кибитка, эта кибитка и есть мой дом»’

1. Из контекста сказки следует, что носил черную шапку человек, находившийся в услужении хана, и скорее всего он не был простолюдином. Как пишет И. А. Житецкий, «простонародье носит шапки, сделанные из сукна, нанки и пр.» [Житецкий 1893: 9]. Скорее всего, это была меховая шапка. Среди мужских шапок различали несколько ее видов: *хазг махла* ‘казацья шапка’ — самая распространенная, круглой формы; *бучтә махла* ‘шапка с ушками’; *тоорцг махла* ‘женская шапочка’; *хажлһ махла* ‘четырёхугольная шапка’. Для шапок использовали обработанную мерлушку — шкуру ягненка, причем забивали для этого детеныша курдючной овцы возрастом до месяца, так как стекловидный и первичный волосьяной покров обладал особым свойством — блеском и имел мелкие кольцеобразные завитки, что служило дополнительным украшением головного убора. Мерлушка могла быть черного, белого и серого цветов. В данном контексте цвет шапки блестяще-черный. В немецком тексте автором использовано прилагательное *schwarz* ‘черный’:

(7) *negñ zamb° ɣar° maɣl̥ä öms°dž...* = *негнь замб хар махлә өмсч...* ‘один был в черной шапке...’ — ...*der andere hatte eine runde schwarze mütze aufgesetzt.* ‘Другой надел круглую черную шапку’⁴ [Калмыцкие сказки 2018: 85].

2. Лексема *хар* в своем номинативном значении используется при обозначении цвета предметов: *хар кевс* ‘черный ковер’, *хар бу* ‘черное ружье’, *хар маля* ‘черная плеть’ и т. д. В немецком тексте используется прилагательное *schwarz* ‘черный’:

(8) *ter° oktr̥ ɣar° buɣān ögl̥-tä!* = *Тер оһтр хар бууһан өглтә!* ‘То короткоствольное черное ружье дайте мне!’ — ...*gib mir jenes kurze schwarze gewehr!* ‘Дай мне то короткоствольное черное ружье!’ [Калмыцкие сказки 2018: 199].

⁴ Здесь и далее перевод с немецкого на русский язык осуществлен автором статьи.

3. Самой распространенной собакой у монгоязычных народов был банхар — одна из самых древних пород, являющаяся верным спутником кочевников во время охоты. Характерной особенностью шерсти собаки является ее бархатистость. Окрас шерстного покрова большей частью черный с подпалинами бурого, желтого, медного или рыжего цветов. Это означает, что охотничья собака монгольской породы не могла быть чисто черного цвета, она имела сложную многоцветную окраску, и скорее всего она была черно-бурого цвета. Г. Й Рамстедт в немецком варианте дает дословный перевод лексемы *хар* словом *schwarz* ‘черный’:

- (9) *tšii᠑ ᠬᠠᠯᠠ ᠰᠣᠩᠭᠦ ᠰᠣᠩᠭᠦ ᠬᠠᠰᠢ ᠬᠠᠷ᠎ᠠ ᠨᠣᠬᠠ ᠬᠣᠵᠢᠨᠲᠢᠰᠢᠨ ᠠᠬᠤ ᠪᠠᠳᠲᠠ, ᠪᠢᠵᠢᠰᠢᠨ ᠠᠬᠠᠷᠢ ᠵᠣᠮᠤ ᠬᠢᠨᠪᠠ* = Чини халэ шоңгр шовун хаср хар нохэ хойричн алх бээтхэ, бээтхэ, бийичн алхар йовх күнб ‘Не только твоих кречет-птицу и охотничью черную собаку убить, но и тебя самого убить я собираюсь!’ — Nicht genug damit, dass ich deinen jagdfalken und deinen **schwarzen** jagdhund getötet habe, ich bin ausgezogen, um dich selbst zu töten! ‘Недостаточно того, что я убил твоего кречета и твою **черную** охотничью собаку, но и тебя самого убить я собираюсь!’ [Калмыцкие сказки 2018: 99].

4. Как отмечено в «Атласе пресноводных рыб», щука имеет обычно бурый цвет с поперечными серо-зелеными или белыми полосами [Атлас 2003: 178]. По сюжету сказки сестра Хала Хоогош, имеющая двух братьев (Марс Хар и Гинде Цаган), пытается избавиться от них и посылает к братьям своих людей [Калмыцкие сказки 2018: 267]. В ходе погони происходит несколько превращений как братьев, так и людей, пытающихся убить Марс Хара. Так, богатырь, увидя, что его могут настичнуть враги, превращается в малька и кидается в море. Сторонник сестры превращается в огромную черную щуку для того, чтобы догнать маленькую рыбешку, но это ему не удается. Правильнее в данном случае определять окрас щуки как бурый, но ее связь с хтоническим миром обуславливает наличие черного цвета.

В немецком переводе используется прилагательное *schwarz* ‘черный’:

- (10) *ardñ omᠷᠭᠢᠨ ᠬᠠᠷ᠎ᠠ ᠲᠤᠷᠭᠤ ᠪᠣᠯᠠᠨ omᠨᠠ.* = Арднь омргин хар цурх болад орнэ. ‘Следом огромной черной щукой обернувшись, в море бросилась’ — *Hinter ihr her stürzt sich [der hund] und wird ein reissender schwarzer hecht.* ‘Следом бросается за ней [собака] и превращается в быструю **черную** щуку’ [Калмыцкие сказки 2018: 271].

Интересен и такой момент в данном предложении: в оригинале текста щука — ‘огромная черная’ (где цвет усиливает связь с Нижним миром, а размер указывает на масштабность этого непознанного и мрачного царства), в немецком же тексте — ‘быстрая черная’. В данном случае переводчик не использует определенные нюансы религиозных воззрений калмыков, а, исходя из контекста сказки, видит процесс погони персонажей сказки, и важным для описания этого процесса является скорость.

5. В оригинале текста на калмыцком языке и в переводе на немецкий язык при обозначении цвета тучи используется прилагательное *schwarz* ‘черный’. Черные тучи в культуре любых народов — это всегда предвестник, беды, несчастья, зла [Соколова 1995: 198; Гревцова 2018: 80]. В контексте данного фольклорного текста лексема *хар*, и это отмечено в калмыцко-русском слова-

ре, обозначает грозовое облако [КРС 1977: 577]. В фольклорных текстах тучи обычно имеют эпитет «черный» (явная гиперболизация) и являются предвестником плохого, беды, несчастья:

- (11) *dērēs° delt°rīn tsigē° ʁar° ūlŋ šuγāb kürts°-irēb unγū awā jomnā. = ... деерэс делтрин чигэ хар үүлн шуугад күрч ирэд, унһиг ава[д] йомнэ. '...сверху с подпотник величиной черная туча с шумом налетела и унесла жеребенка' — ...von oben eine schwarze wolke herabgesaut, so gross wie ein sattelpolster, und raubt das fohlen.. '...сверху спустилось черное облако, такое большое, как седло, и похитило жеребенка' [Калмыцкие сказки 2018: 89].*

6. Как описывалось выше, кибитки калмыков *ишкэ гер* были покрыты войлоком, цвет которого свидетельствовал о состоятельности хозяина. Черные кибитки *хар гер* имели простолоюдины. Следует отметить, что цвет простой кибитки *хар гер* не являлся черным. Кошму для кибитки бедняки делали из шерсти овец калмыцкой породы, преобладающим окрасом которых был рыжий цвет. Как отмечает И. А. Житецкий, кибитки покрывались «серо-рыжими кошмами и известны под именем *хар гер*» [Житецкий 1893: 4]. Кибитки казались черными и потому, что из-за бедности войлок, который должен меняться каждые три-четыре года, использовался часто долгие годы. За это время он становился черным от копоти, неблагоприятных климатических условий, частых латаний.

При переводе предложения:

- (12) *unŋ šar° maŋg.°sīn ār° bījnd° neg mū ʁar° gerbāʁp, ter° ger miŋc ger ter° = Усн шар маŋгсин ар бийнд нег му хар гер бээх, тер гер мини гер тер 'Позади [жилища] Усун Шара мангасов стоит убогая черная кибитка, эта кибитка и есть мой дом' — Auf der nördlichen seite von dem der gelben Wassermangas steht ein schlechtes, schwarzes zelt, das ist mein haus. 'Позади жилища (букв. на северной стороне) Усун Шара мангасов стоит убогая черная кибитка, эта кибитка и есть мой дом' [Калмыцкие сказки 2018: 371]*

— ученый использует при обозначении цвета кибитки прилагательное *schwarz* 'черный'. В этом же предложении следует отметить правильный перевод словосочетания *ар бий* 'задняя (тыловая сторона) дома' — *die nördliche seite* 'северная сторона'. Это свидетельствует о том, что автор хорошо знаком с древней системой ориентации на восход у калмыков, где «север в калмыцкой культуре обозначается как сторона, задняя к стороне полудня» [Бакаева 2009: 20].

Таким образом, в текстах Г. Й. Рамстедта найдено и выделено шесть оттенков черного цвета.

Семантика лексемы *хар* 'черный'

Лексема *хар* часто используется при обозначении масти лошадей. Так, в рассматриваемом фольклорном тексте обнаружены три случая употребления лексемы *хар* при описании масти: *хар кер мөрн* 'черный гнедой конь'; *хар һалзн мөрн* 'черный с лысиной конь'; *хар маштг* 'черный низкорослый' (конь):

- (13) *ʁar° kēr möftā, ʁar° unŋ daʁ°tā, ʁar° ulān zalū kürts irēb = ... хар кер мөртэ, хар унһн дахтэ, хар улан залу күрч ирэд... '...на вороном коне в дохе [из шкуры] вороного жеребенка смуглый мужчина подъехал' — Unterdessen kam ein*

schwarz und roter jüngling mit schwarzem fohlenledernem oberpelz und auf einem dunkelbraunen rosse herangeritten ‘Тем временем подъехал смуглый юноша в шубе из жеребячьей кожи на темно-коричневом коне’ [Калмыцкие сказки 2018: 347];

(14) *jisn₃ ɣar^o g. aln₃ mör¹ awāb imā = Ёисн хар халзн мөр авад ирнэ...* ‘Девять черных с лысиной коней привели’ — Neun schwarze rosse mit einer blässe am maule holt er herbei ‘Девять черных коней с бледной пастью он привел’ [Калмыцкие сказки 2018: 267];

(15) *neg ik^o ɣar^o maštɔɕ awāb, neg ik^o tömr₃ terg^o awāb, möngān atš¹dž awāb, g. arāb jowdɔɕ bolnā.* = *Нег ик хар маштг авад, нег ик төмр терг авад, мөңгэн ачж авад, һарад йовдг болнэ.* ‘Одного ширококостного черного низкорослого [коня] купили, одну большую железную телегу купили, деньги свои погрузили и поехали’ — Danach kauften sie ein grosses schwarzes pferd und einen hohen eisernen karren, luden darauf das geld und fuhren von da zurück. ‘Затем они купили большую черную лошадь и высокую железную тележку, погрузили на нее деньги и поехали обратно’ [Калмыцкие сказки 2018: 249].

Г. Й. Рамстедт дает следующие переводы мастей лошадей: *хар кер мөрн* ‘ein schwarzes Roß mit einer blässe am maule’ (букв. ‘черный конь с бледностью на носу’), *хар халзн мөрн* ‘ein dunkelbraunes Roß’ (букв. ‘темно-коричневый конь’), *хар маштг* ‘ein schwarzes Pferd’ (букв. ‘черная лошадь’).

Как отмечалось выше, черный цвет выступает для характеристики существ Нижнего мира — мусов, шулмусов, мангасов и т. д., которые относятся к фольклорным персонажам и являются «исключительной принадлежностью сказочно-эпической картины мира» монголоязычных народов, так как встречаются только в сказочных текстах [Неклюдов 2019: 241]:

(16) *χōfŋ tawŋ tolyātā χotχ^r ɣar^o maŋɕ ps bolāb öwgīg sorŋ aldāb zoksw₃.* = *Хөрн тавн толхэтэ хотхр хар маңһс болад, өвгиг сорн алдад зогсв.* ‘В двадцатипятиголового кривого черного муса [он] превратился и, старика чуть было не проглотив, стоял’ — Jener wurde ein senkrückiger, schwarzer Mangas mit fünfundzwanzig köpfen, wollte den mann aussaugen, erreichte ihn nicht und blieb da stehen. ‘Тот стал черным мангасом с двадцатью пятью головами, захотел высосать кровь у мужчины, но не достал его и остановился’ [Калмыцкие сказки 2018: 171];

(17) *ūđīn χōrŋd^o kürtš ireb χōfŋ tawŋ tolyātā χotχ^r ɣar^o müs keldž-ānā:* «*jün esw₃ -ugē dōŋtā tüšktā bolāb odw₃ -ta?* = *Үүдин [прав. үүдн] хоорнд күрч ирэд, хөрн тавн толхэтэ хотхр хар мус келжээнэ:* «Юн эсв угэ дөңтэ-түшгтэ болад одвта?» ‘К порогу подойдя, двадцатипятиголовый кривой **черный** мус говорит: «Что за помощника-опору нашли вы себе?»’ — Als der fünfundzwanzigköpfige Chotchor Chara Mus zwischen den türpfosten angerückt ist, spricht dieser: “Was für eine grosse stütze und hilfe habt ihr jetzt bekommen? ‘Когда двадцатипятиголовый Хотхор Хара Мус приблизился к дверному косяку, говорит этот: «Какую большую поддержку и помощь вы сейчас получаете?»’ [Калмыцкие сказки 2018: 489].

В немецком тексте Г. Й. Рамстедт использует два варианта перевода лексемы *хар* — 1) прилагательное schwarz ‘черный’, 2) без перевода, дает транслитерацию лексемы в качестве онима — *Chotchor Chara Mus* ‘Хотхор **Хара** Мус’ (букв. кривой черный мус):

- (18) $\dot{\chi}öfn\ taw\dot{n}\ tol\dot{y}\dot{ä}t\dot{ä}\ \dot{\chi}ot\dot{\chi}^r\ \dot{\chi}ar^o$ mang, ps bolād öwgīg sorñ aldād zoksw, = *Хөрн тавн толхэтэ хотхр хар маңһс болад, өвгиг сорн алдад зогсв.* ‘В двадцатипятиголового кривого черного муса [он] превратился и старика чуть было не проглотил’ — Jener wurde ein senkrückiger, **schwarzer** Mangas mit fünfundzwanzig köpfen, wollte den mann aussaugen, erreichte ihn nicht und blieb da stehen. ‘Тот превратился в кривого **черного** мангаса, захотел высосать кровь у старика, но не настиг его и остановился здесь’ [Калмыцкие сказки 2018: 171];
- (19) $\dot{d}\dot{i}n\ \dot{\chi}örnd^o\ kürts\ irēb\ \dot{\chi}öfn\ taw\dot{n}\ tol\dot{y}\dot{ä}t\dot{ä}\ \dot{\chi}ot\dot{\chi}^r\ \dot{\chi}ar^o$ müs keldž-ānā: «jün esw, -ugē dōñtā tüš'ktā bolād odw, -ta?» = *Үүдин [прав. үүдн] хоорнд күрч ирэд, хөрн тавн толхэтэ хотхр хар мус келжэнэ: «Юн эсв угэ дөңтэ-түшгтэ болад одвта?»* ‘К порогу подойдя, двадцатипятиголовый кривой черный мус говорит: «Что за помощника-опору нашли вы себе?»’ — Als der fünfundzwanzigköpfige Chotchor **Chara** Mus zwischen den türpfosten angerückt ist, spricht dieser: “Was für eine grosse stütze und hilfe habt ihr jetzt bekommen?” ‘Когда двадцатипятиголовый Хотхор **Хара** Мус приблизился к дверному проему, сказал: «Что за большую опору и помощь вы сейчас получили?»’ [Калмыцкие сказки 2018: 489].

С религиозными представлениями калмыков о Нижнем мире связан и фразеологизм, использующийся как проклятие: (20) $d\dot{z}odw, t\dot{ä}y\dot{ā}n\ \dot{\chi}ar^o\ g, azr\dot{t}^o$ od! = *„Жодвтэхан“ хар һазрт од!* ‘Со своим „Дждово“ сквозь землю провались!’ (букв. ‘Да провались в черную землю!’) — «Scher dich in die hölle mit deinem Dordži-Džodba!» antwortete sie ihm. ‘Убирайся в преисподнюю (проваливай в ад) со своим Дорджи Дждоба!» — отвечает она ему’ [Калмыцкие сказки 2018: 443].

Наряду с лексемой *цаһан* слово *хар*, как отмечалось выше, обозначает социальное положение человека: *хар яста күн* ‘простолюдин’ (букв. ‘человек черной кости’), *хар күн* ‘мирянин, простолюдин’, *хара эмтн* ‘простые смертные люди’:

- (21) $er\ \dot{\chi}ul\dot{y}on^o$ keldž-ānā: «jē, en^o-tšín! $\dot{\chi}ar\dot{ä}\ \dot{ä}m\dot{t}n\ biš\dot{t},\ en\dot{ü}g\dot{t}-tšign\ id\dot{\chi}m\ biš\dot{t}!$ » gedž kelnā. = *Эр хулһн келжэнэ: «Э, энчн хара эмтн биш, энүгичн идхм биш!»* — *гежж келнэ.* ‘Мышь говорит: «Э-э, он не простой смертный, не будем его есть!» — говорит’ — Der mäuschenmann spricht: “Aha, dies ist nicht ein **umsonstiges** lebewesen. Dies dürfen wir nicht fressen”. ‘Мышь говорит: «Э-э, это **не прочее** живое существо. Этого мы не можем съесть’ [Калмыцкие сказки 2018: 481].

Здесь при переводе на немецкий язык Г. Й. Рамстедт использует выражение *sonstiges lebewesen* ‘прочее живое существо’, хотя в немецком языке существует выражение *das gemeine Volk* ‘простонародье, простолюдин’.

Представляет интерес выражение *ут хар күн* ‘букв. длинный черный человек’. Если говорить о росте человека, уместнее было бы использовать слово *ик* ‘высокий’ вместо *ут* ‘длинный’, словосочетание *хар күн* означает ‘простолюдин’. И в переводе на немецкий язык автор переводит буквально: *lange schwarze mann* ‘букв. длинный черный человек’. Что же означает данное выражение? Явно, что этот персонаж, имеющий один глаз на макушке, олицетворяет зло:

- (22) $ard\dot{ä}š\dot{n}\ or\dot{ä}\ dērñ\ nütt\dot{ä}\ ut^u\ \dot{\chi}ar^o\ k\dot{ü}ñ\ neg\ al^o\dot{k}tš\dot{i}\ g\dot{ü}\ un\dot{v}ks\dot{n}\ \dot{ä}š\dot{n}\dot{ä},\ köw\dot{ü}g\ tsok^o\dot{d}ž\ al\dot{\chi}ar.$
= *Ардаснь орэ деернь [прав. деерән] нүдтэ ут хар күн нег алгч гү унссн аашнэ*

көвүг цокжэ алхар. ‘Вдогонку за ним с глазом на макушке длинный черный человек на пегой кобыле поскакал, чтобы мальчика убить’ — Hinter ihm her nähert sich auf schwarz und weisser stute ein langer, schwarzer mann mit nur einem auge auf dem scheidel, — er nähert sich, um den burschen totzuschlagen. ‘Позади него приблизился на черно-белой кобыле длинный черный человек с одним глазом на макушке, он приблизился, чтобы убить мальчика’ [Калмыцкие сказки 2018: 407].

Черный человек — это мифологический образ, существующий во многих культурах: черные великаны — в германо-скандинавской мифологии [Мифы 1987: 288], Чернобог — злой бог, приносящий несчастье в мифологии балтийских славян [Мифы 1987: 625], в русских сказках — это один из обликов черта. И в калмыцком фольклоре *ут хар күн* — это хтонический образ, являющийся представителем Нижнего мира.

При описании внешности человека в тексте встречается выражение *хар улан* ‘букв. черный красный’, в предложении его можно перевести как ‘смуглый’:

- (23) *tīg°dž-ätl, ɣar° kēr mörtä, ɣar° unyn daɣ°tä, ɣar° ulān zalū kürtš irēd:* «adünd° sanāyār jū ɣāw-tši!» = *gegē d tsokād orkw.* = *Тиигжэтл хар кер мөртэ, хар унһн дахта, хар улан залу күрч ирэд:* «Адунд санаһар ю хээвч?» — *гегед, цокад оркв.* ‘В это время на вороном коне в дохе [из шкуры] вороного жеребенка смуглый мужчина подъехал. «В табуне что ищешь?» — так сказав, ударил он [его]’ — *Unterdessen kam ein schwarz und roter jüngling mit schwarzem fohlenledernem oberpelz uud auf einem dunkelbraunen rosse herangeritten.* ‘Между тем пришел **красный и черный** юноша в черной шубе из кожи жеребенка на темно-коричневом коне’ [Калмыцкие сказки 2018: 347].

Но в калмыцком языке для обозначения темного цвета лица существуют только два эквивалента — *хар чирэтэ* ‘чернолицый’, *хар шарвир* ‘букв. черно-желтоватый’⁵. Рассказчик же употребляет выражение *хар улан*, которого нет в словаре калмыцкого языка. Возможно, это локальное употребление, свойственное данной местности.

Немцы говорят о смуглом человеке — *braun* ‘коричневый’, *gebräunt* ‘загорелый’, *sonnverbrannt* ‘загорелый’. Переводчик дословно переводит это выражение, не используя слов, употребляемых обычно в немецком языке: *schwarz und roter* ‘красный и черный’.

Цветобозначение *хар* чаще всего встречается в именах собственных — 60 словоупотреблений (42 % от общего числа употребления колоратива *хар*). Лексема *хар* является составным элементом антропонимов, встречающихся в фольклорных текстах Г. Й. Расмтедта: *Харадэ Мергн, Марс Хар баатр, нойн Хар*. Данный факт подтверждает, что в культурологическом аспекте черный цвет калмыков имеет неоднозначную коннотацию. Данным эпитетом наделены многие персонажи калмыцких сказок, а именно ханы и богатыри: *Хадр Хар Авһ* (хан), *Хэарт Хар Күкл* (богатырь), *Бэрү Хар баатр* (богатырь), *Күдр Хар* (богатырь) [Калмыцкие богатырские сказки 2017: 541–542]. Лексема *хар* употребляется в качестве эпитета в данных случаях для того, чтобы подчер-

⁵ Смуглый — «более темной окраски (по сравнению с обычным цветом кожи людей белой расы)» [СРЯ 1961: 222].

кнуть величие и могущество персонажа, т. е. выступает в значении «грозный, могучий».

Для усиления цвета используются наречие *лаш*: (23) *nāmŋ dʒild^a bost-uγē, laš xar^o keptūldž...* = *Нэамн жилд босд[г] угэ лаш хар [бууриг] кептүлж...* ‘Не встающего восемь лет совершенно черного [верблюда] уложили...’ — „Einen acht jahre lang nicht aufstehenden, klotzigen schwarzen kamelhengst (= den grabstein) hat man auf dich gelegt ... ‘Не встающего восемь лет очень черного верблюда уложили ...’ [Калмыцкие сказки 2018: 275]. В немецком варианте наречию *лаш* соответствует прилагательное *klotzig*, ‘неуклюжий, неотесанный’, но оно может употребляться в разговорной речи и как наречие в значении ‘очень’.

Заключение

Анализ фольклорных текстов Г. Й. Рамстедта показал, что лексема *хар* может обозначать оттенки цвета от блестяще-черного до серо-рыжего. Не все значения черного цвета, включенные в структуру словарной статьи Калмыцко-русского словаря [КРС 1977: 576–577], найдены в тексте. Лексема *хар* ‘черный’ имеет широкую семантику. Лексема *хар* ‘черный’ в своем номинативном значении используется при обозначении цвета предметов (*хар кевс* ‘черный ковер’, *хар бу* ‘черное ружье’, *хар маля* ‘черная плеть’), масти животных (*хар кер мөрн* ‘черный гнедой конь’, *хар халзн мөрн* ‘черный с лысиной конь’, *хар маштг* ‘черный низкорослый’ (конь)), цвета кожи человека (*хар залу* ‘смуглый мужчина’). В именах собственных он применяется в значении ‘крепкий, сильный’ (*Марс Хар баатр*). Лексема *хар* ‘черный’ может обозначать социальное положение человека: *хар яста күн* ‘простолудин’ (букв. ‘человек черной кости’), *хар күн* ‘мирянин, простолудин’, *хара эмтн* ‘простые смертные люди’. В большинстве случаев лексема *хар* ‘черный’ имеет отрицательную коннотацию. Черным цветом обозначаются, к примеру, хтонические символы (*хар цурх* ‘черная щука’, *хар темян* ‘черный верблюд’, *ут хар күн* ‘букв. длинный черный человек’). Во всех приведенных примерах в немецкой части текста автор осуществил переводы лексемы *хар*, максимально приблизив к калмыцкому тексту.

Литература

- Атлас 2003 — Атлас пресноводных рыб России. В 2 т. / ред. Ю. С. Решетников. Т. 1. М.: Наука, 2003. 379 с.
- Бакаева 2009 — Бакаева Э. П. Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009. 159 с.
- Гревцова 2018 — Гревцова Т. Е. Образ Великой Отечественной войны в фольклоре казаков-некрасовцев (по материалам коллекции Ф. В. Тумилевича) // Вестник Академии наук Чеченской республики. 2018. № 5(42). С. 78–82.
- Житецкий 1893 — Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 75 с.
- Жуковская 2002 — Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Вост. лит., 2002. 247 с.
- Калмыцкие богатырские сказки 2017 — Калмыцкие богатырские сказки. Т. 1. М.: Первая Образцовая типография, 2017. 561 с.
- Калмыцкие сказки 2018 — Калмыцкие сказки в записи Г. Й. Рамстедта: тексты и исследования. В 3 ч. Ч. II. Переложение и переводы. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 621 с.

- Кочешков 1973 — *Кочешков Н. В.* Орнамент монголоязычных народов как исторический источник (в порядке постановки проблемы) // *Этнографические вести.* Вып. 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 3–24.
- КРС 1977 — *Калмыцко-русский словарь* / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 754 с.
- Мифы 1987 — *Мифы народов мира.* В 2 т. Т. 1. А–К. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 671 с.
- Неклюдов 2019 — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии. Миф и обряд. М.: Индрик, 2019. 520 с.
- Соколова 1995 — *Соколова Л. В.* Цвет в «Слове» // *Энциклопедия «Слова о полку Игореве».* В 5 т. Т. 5. СПб.: Дмитрий Буланин. 1995. С. 195–200.
- СРЯ 1961 — *Словарь русского языка* / под ред. С. Г. Бархударова. Т. IV. С–Я. М.: Гос. Изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. 1088 с.
- Kalmückische 1909 — *Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen.* Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909. 154 s.
- Kalmückische 1919 — *Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmückische Märchen.* Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1919. 155–237 s.

References

- Bakaeva E. P. *Sacral Codes of Kalmyk Culture.* Elista: Institute for the Comprehensive Study of Arid Territories, 2009. 159 p. (In Russ.)
- Barkhudarov S. G. (ed.) *Dictionary of the Russian Language. Vol. IV: С–Я.* Moscow: State Publ. House of Foreign and Soviet National Language Dictionaries, 1961. 1088 p. (In Russ.)
- Burykin A. A., Klyaus V. L., Kukanova V. V., Pyurbeev G. Ts. (eds.) *Kalmyk Heroic Folktales.* B. Mandzhieva (foreword); B. Mandzhieva, T. Mikhaleva, Ts. Seleeva (transl., etc.); B. Mandzhieva, Ts. Seleeva (comments, indices, etc.). Moscow: Pervaya Obratsovaya Tipografiya, 2017. 561 p. (In Kalm. and Russ.)
- Grevtsova T. E. The image of the Great Patriotic War in the Nekrasov Cossacks' folklore (on the materials of the collection of F. V. Tumilevich). *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic.* 2018. No. 5(42). Pp. 78–82. (In Russ.)
- Kalmyk Folktales Recorded by G. J. Ramstedt. *Texts and Studies.* In 3 vols. Vol. 2: Transliterations and Translations. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 621 p. (In Kalm. and Russ.)
- Kocheshkov N. V. Ornamental patterns of Mongolic peoples as a historical source. In: *Ethnographic Messages.* Vol. 3. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1973. Pp. 3–24. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) *Kalmyk-Russian Dictionary.* Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 754 p. (In Kalm. and Russ.)
- Myths of the World. In 2 vols. Vol. 1: А–К. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1987. 671 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. *Folklore Landscape of Mongolia: Myth and Ritual.* Moscow: Indrik, 2019. 520 p. (In Russ.)
- Ramstedt G. J. (comp.) *Kalmückische Sprachproben (Kalmyk Speech Patterns). Part One: Kalmyk Folktales.* Helsinki: Finno-Ugric Society, 1909. 154 p. (In Germ. and Kalm.)
- Ramstedt G. J. (comp.) *Kalmückische Sprachproben (Kalmyk Speech Patterns). Part Two: Kalmyk Folktales.* Helsinki: Finno-Ugric Society, 1919. 155–237 p. (In Germ. and Kalm.)

- Reshetnikov Yu. S. (ed.) Freshwater Fishes of Russia: Atlas. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Nauka, 2003. 379 p. (In Russ.)
- Sokolova L. V. Color in The Tale. In: The Tale of Igor's Campaign. Encyclopedia. In 5 vols. Vol. 5. St. Petersburg: D. Bulanin. 1995. Pp. 195–200. (In Russ.)
- Zhitetsky I. A. Astrakhan Kalmyks: Sketches of Everyday Life. Ethnographic Observations of 1884–1886. Moscow: M. Volchaninov, 1893. 75 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Nomads of Mongolia: Culture, Traditions, Symbols. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 247 p. (In Russ.)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК / UDC 811.531; 811.512.3

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-108-119

Государственная политика Монголии по отношению к монгольской письменности

*Дэмбэрэл Колягийн*¹

¹ Институт международных отношений АН Монголии (II здание Академии наук, Баруун Сэлбэ-15, район Чингэлтэй, 15170 Улан-Батор, Монголия)

Ph. D. (History), старший научный сотрудник

 0000-0002-7671-3563. E-mail: kdembee@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Дэмбэрэл К., 2021

Аннотация. *Введение.* Национальная письменность является одним из сокровищ культуры монголов. В последние три десятилетия в государственной политике Монголии проводились поэтапные меры по восстановлению и расширению использования монгольской письменности, приняты указы президента Монголии и постановления правительства Монголии. *Цель* статьи — дать обзор проводимой государственной политики Монголии по отношению к монгольскому языку, анализ содержания мероприятий, деятельности по их реализации и результаты; выявить, на каком уровне не выполняются принятые решения и что необходимо сделать, чтобы они были осуществлены в полном объеме. *Материалами* для исследования послужили указы и постановления президента и правительства Монголии. Особое внимание уделяется «Национальной программе монгольской письменности – I, II, III», которая проводится монгольским правительством с 1995 г. *Результаты.* Показано, что восстановление национальной письменности является одной из важных задач государства в Монголии. Огромное значение для восстановления значения монгольской письменности имели постановление Малого государственного хурала (1991 г.) о введении в стране делопроизводства на монгольской письменности и соответствующее постановление Великого государственного хурала (1994 г.) об интенсификации работ по реализации этой цели и разработке Национальной программы монгольской письменности. В последующие годы решению поставленных задач способствовали указы президента Монголии о праздновании 800-летия монгольской письменности (2003 г.) и о расширении и ускорении работ по использованию монгольской письменности (2018 г.). Разработанная в соответствии с решением высшего законодательного органа Национальная программа монгольской письменности реализуется с 1995 г. и содержит задачи по переходу к использованию двух письменностей с 2025 г. Но меры, которые проводились с 1995 г. на различных уровнях, не обеспечили создание достаточной основы для внедрения в общественную жизнь двух письменностей (национальной монгольской и кириллической) с 2025 г. Тем не менее с 2020 г. началась практика ускоренного обучения монгольской письменности и ее применения. На данный момент необходимо выявить трудности, кото-

рые могут возникнуть при использовании в Монголии с 2025 г. двух письменностей. Таким образом, в течение четверти века последовательно решается вопрос о восстановлении статуса национальной письменности.

Ключевые слова: Монголия, монгольская письменность, закон, постановление, хурал, национальная программа, образование

Для цитирования: Дэмбэрэл К. Государственная политика Монголии по отношению к монгольской письменности // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 1. С. 108–119. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-108-119

Classical Mongolian Script: State Policy Revisited

*Demberel Kolyagiyn*¹

¹ Institute of International Affairs, Mongolian Academy of Sciences (Bldg. II, Baruun Selbe-15, Chingeltei District, Ulaanbaatar 15170, Mongolia)

Ph. D. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-7671-3563. E-mail: kdembec@gmail.com

© KalmSC RAS, 2021

© Demberel K., 2021

Abstract. *Introduction.* The Mongolian script is a prime example of the written culture of Mongols. Over the past 30 years, the Mongolian State and Government have been implementing step-by-step measures to restore and apply the Mongolian script. *Goals.* The survey study aims to provide an analysis on the content of each event thereto, scope of corresponding activities, and outcomes of those actions — and also identify at what level these orders and decrees are not being implemented, and what should be done to ensure that these measures be fully executed. *Materials.* The study analyzes decrees, orders and resolutions of the President and the Government of Mongolia. It largely focuses on the ‘National Program for Mongolian Script — I, II, III’ which was conducted by the Government since 1995. *Results.* The paper shows that the restoration of the national written language is one of the important tasks of the state system in Mongolia. The decree of the Small State Khural (1991) on the introduction of records management in Mongolian script in the country and the corresponding decree of the Great State Khural (1994) on the intensification of work for the implementation of this goal and the development of the National Program for Mongolian Script were of great importance for the restoration of the significance of Mongolian script. In subsequent years, the solution of the tasks was facilitated by decrees of the President of Mongolia on the celebration of the 800th anniversary of Mongolian script (2003) and on the expansion and acceleration of work on the use of Mongolian script (2018). The National Program developed in accordance with the decision of the supreme legislative body has been implemented since 1995 and contains tasks for the transition to the use of two scripts from 2025. But the measures that have been carried out since 1995 at various levels did not provide a sufficient basis for introduction of the two scripts (national Mongolian and Cyrillic ones) into the public life from 2025. However, in 2020, the practice of accelerated learning of the Mongolian script and its application began. At the moment, it is necessary to identify the difficulties that may arise when using two scripts in Mongolia since 2025. Thus, for a quarter of a century, the issue of restoring the status of the national writing system has been consistently resolved.

Keywords: Mongolia, Mongolian script, law, order, the decree, resolution, khural, national program, education

For citation: Demberel K. Classical Mongolian Script: State Policy Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13(1): 108–119. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-108-119

Введение

Монгольский народ обладает богатым культурным наследием. Одной из сокровищниц этого наследия является национальная письменность, имеющая 1000-летнюю историю [Монгол Улсын түүх 2004а: 346; Түдэв 2013: 113]. Она является предметом гордости и источником изучения интеллектуальных познаний предков монголов. Монгольская письменность — это письменность, которая несла из поколения в поколение и продолжает нести культуру и знания монголоязычных народов.

Национальная монгольская письменность имеет специфические характеристики, отличается своеобразием и неповторимостью. Особенность монгольской письменности заключается в том, что она адаптирована к языку монголов, а также применима в равной степени ко всем диалектам монгольского языка (имеет «наддиалектный» характер).

С XIII в. монголы использовали старомонгольскую письменность в государственном делопроизводстве и в своих сочинениях [Монгол Улсын түүх 2004а: 346]. Именно поэтому сегодня в концепции Национальной безопасности Монголии декларировано следующее: «1.1.6. Сохранение и развитие национальной истории, языка, культуры, наследия, национальной культуры и обычаев является основой существования монгольской нации и жизненно важного иммунитета. <...> 3.1.4.2. Сохранение и развитие монгольского языка, письменной культуры требует расширения и сферы использования и обучения монгольской национальной письменности»¹ [Үндэсний аюулгүй 2010].

В 1920–1940 гг. советское правительство проводило политику перевода на латиницу и кириллицу письменностей народов СССР. Такая же политика проводилась и в отношении языка монголов МНР, что аргументировалось меньшей сложностью алфавита, использованием меньшего числа знаков, а также возможностью читать тексты на монгольском языке для большей аудитории. Введение кириллической письменности для монгольского языка означало искусственное прерывание письменной традиции: запрет на использование национальной письменности и обязательное применение кириллицы привели монголов к временному «отлучению» от монгольской письменности. Тем не менее образованные люди того времени использовали две письменности (старую «вертикальную» и новую кириллическую), что способствовало определенным образом сохранению старомонгольской письменности. В 1950–1990 гг. использование старомонгольской письменности ограничивалось лишь старшим поколением, а среди молодежи она применялась только исследователями в чисто научных интересах и в образовательной сфере. В последние тридцать лет осуществляется государственная политика по сохранению и распространению национальной монгольской письменности.

Цель статьи — дать обзор государственной политики Монголии в последние десятилетия по отношению к монгольскому языку, анализ содержания ме-

¹ Здесь и далее перевод автора.

роприятий, деятельности по их реализации и результаты; выявить, на каком уровне не выполняются принятые решения и что необходимо сделать, чтобы они были осуществлены в полном объеме и с 2025 г. состоялся бы переход к использованию монгольской национальной письменности как одной из двух официальных письменностей в государстве.

Восстановление статуса национальной письменности в Монголии как задача общегосударственного масштаба

Сегодня в Монголии монгольская письменность является не только предметом исследований ученых — ее сохранение и развитие стало важным политическим и государственным вопросом. В стране на государственном уровне приняты меры по осуществлению политики в отношении монгольской письменности, рассчитанные на их поэтапное проведение.

В государственной политике Монголии в отношении монгольской письменности прослеживаются несколько периодов. Приведем краткий обзор проведенных реформ и мероприятий.

С 1 июня 1950 г. Монголия официально [Монгол Улсын түүх 2004б: 372] перешла на кириллическое письмо. Сегодня же гражданские и образовательные документы государственных учреждений и организаций публикуются на двух письменностях, что является объективным подтверждением: старомонгольская письменность до сих пор выполняет свою роль в государственных делах.

В 1985 г. был издан приказ № 151 министра народного образования МНР «Об утверждении редактора, авторов инструкций и учебников», согласно которому были утверждены авторы инструкции и учебники монгольского языка, которые планировались к внедрению в 7–8 классах средних школ в 1985–1986 учебном году. В том же году вышли приказы министра народного образования (№ 302 от 4 декабря и № 332 от 30 декабря) о подборе учителей для преподавания национальной монгольской письменности об изучении этого письма в школе. Это были первые мероприятия в системе образования МНР после запрета монгольской письменности [Элбэгзаяа 2004: 9–11].

Социально-политические реформы, начатые в 1990-х гг., стали реальной основой и восстановления монгольской письменности. Только в 1990 г. были приняты следующие важные документы: одно постановление Совета министров МНР и шесть приказов министра народного образования МНР, что стало важным шагом восстановления и развития монгольской письменности на уровне государственной политики [Элбэгзаяа 2004: 12–29].

В 1991 г. вышло постановление № 36 Малого государственного хурала (далее — МГХ) «О ведении делопроизводства МНР на монгольской письменности и обеспечении в этом отношении подготовительных работ», реализация которого потребовала проведения широкомасштабных работ [Элбэгзаяа 2004: 30].

В июле 1994 г. на Великом государственном хурале (далее — ВГХ) обсуждался вопрос о выполнении постановления № 36 Малого государственного хурала. В принятом на этом заседании постановлении № 66 [Улсын бага хурлын 1994] отмечалась необеспеченность мероприятий для ведения делопроизвод-

ства на монгольской письменности. Наряду с указанием о продолжении осуществления делопроизводства на кириллице правительству была дана задача разработать и внести на утверждение «Национальную программу монгольской письменности». Согласно пункту 3 постановления № 66 ВГХ, правительству Монголии поручалось продолжить работу, проведенную за последние три года в отношении монгольской письменности, и еще больше интенсифицировать ее, а также организовать обучение монгольской письменности в рамках основного содержания образования и создать среду для всеобщего изучения и использования монгольской письменности, основанной на уйгурском письме.

Пристальное внимание внедрению и развитию монгольской письменности уделяют в последние двадцать лет правительство и президент Монголии как глава государства. 25 июня 2003 г. вышел указ № 105 президента Монголии «О праздновании 800-летия монгольской письменности как государственного делопроизводства Чингис-хана» [Чингис хааны 2003]. Указ был направлен не только на организацию празднования 800-летия государственной письменности, но и на популяризацию монгольской письменности среди населения. Согласно положению 1 данного указа, с 2004 г. по всей стране предписывалось отмечать празднование 800-летия, а по положению 2 был установлен день национальной письменности (первое воскресенье мая), что уже стало традицией [Элбэгзая 2004: 87–88].

Администрация президента Монголии совместно с газетой «Хумуун бичиг» (с 1992 г.) ежегодно объявляют лауреата конкурса «Монголын сайхан бичигтэн» («Лучший монгольский каллиграфист»), что отражает реальное распространение и пропаганду монгольской письменности среди широкой общественности.

Программы монгольской письменности

Национальная программа монгольской письменности – I. Постановлением ВГХ № 43 от 1995 г. утверждена «Национальная программа монгольской письменности» [Монгол бичгийн үндэсний 1995], целью которой является организация по внедрению монгольской письменности в фундаментальное образование, обучение общественности и создание среды для использования монгольской письменности.

Национальная программа монгольской письменности – II. 28 мая 2008 г. правительство Монголии приняло и утвердило документ «Национальная программа монгольской письменности – II» [Монгол бичгийн үндэсний 2008] на срок с 2008 по 2015 гг. Цель программы состояла в предоставлении возможностей по овладению гражданами монгольской письменностью, являющейся неотъемлемой частью духовной культуры и уникальным наследием монголов, создании условий для передачи этого наследия последующим поколениям, выведении обучения на новый уровень, исследовании и пропаганде, соответственно была поставлена задача сделать эту письменность всеобщей.

В результате реализации «Национальной программы монгольской письменности – I, II» были осуществлены следующие мероприятия: монгольская письменность была включена в программу 6–9 классов средних школ; гражданские и образовательные документы публикуются и на кириллице, и на мон-

гольской письменности; издаются и переводятся учебники и книги, то есть общедоступными становятся исторические произведения на старомонгольской письменности. Тем не менее цели, которые поставлены обеими программами, не были выполнены на достаточном уровне, можно сказать, что только началось обучение населения монгольской письменности, ее общее использование должно было способствовать созданию среды для широкого применения.

Оценки обеих программ были сделаны на основе исследования состояния обучения и применения монгольской письменности, исходя из которого можно сделать выводы о необходимости углубления и улучшения качества обучения монгольской письменности в высших и специальных учебных заведениях, обучения национальному письму взрослого населения, внедрения в обучение современных технологий, обновления стандартов обучения, повышения роли и участия государственных учреждений в проводимых мероприятиях.

Согласно указу № 155 Президента Монголии от 6 июля 2010 г. «О некоторых мерах по расширению официального использования монгольской письменности» [Монгол бичгийн албан 2010], были определены следующие мероприятия государственной политики, касающиеся использования национальной монгольской письменности:

- 1) официальные письма, направляемые президентом Монголии, председателем Великого государственного хурала, премьер-министром и членами кабинета министров иностранным должностным лицам соответствующего ранга должны составляться на старомонгольской письменности с приложением перевода на язык данного государства или на один из официальных языков ООН;
- 2) свидетельства о рождении, бракосочетании, а также удостоверения, дипломы, свидетельства, выдаваемые образовательно-обучающими организациями всех уровней, должны составляться и на кириллице, и на старомонгольской письменности.

Реализация пункта 2 настоящего указа подкреплена приказом министра образования, культуры и науки, реализуемым по настоящее время.

В законе «О монгольском языке» [Монгол хэлний тухай 2015], утвержденном ВГХ в феврале 2015 г., государственная политика в отношении монгольской письменности была еще более конкретизирована. Статья 7 закона конкретизировала рамки использования монгольской письменности. Согласно пункту 11.1.2, деятельность правительства направлена на «разработку и реализацию среднесрочной и долгосрочной реализации национальной программы; определению порядка и основных направлений по расширению использования монгольского языка и письменности; его защиту, развитие и обеспечению официального перехода на национальную письменность» [Монгол хэлний тухай 2015].

Поэтапная реализация Программы предусматривает ведение делопроизводства государственных и местных органов управления на двух письменностях: кириллице и национальном письме. В законе также заявлено о работе Совета языковой политики при президенте Монголии. В Совет по представлению президента на шестилетний срок будут входить девять членов — ученые, профессионалы в области монгольского языка и литературы, представители

средств массовой информации, сферы образования, культуры и науки. Этот закон вступил в силу 1 июля 2015 г., однако согласно пункту 7.2 в части использования национальной монгольской письменности в делопроизводстве закон будет соблюдаться с 1 января 2025 г. В дальнейшем пункты 7 и 11 закона о монгольском языке стали основой для принятия и осуществления «Национальной программы монгольской письменности – III», которая принята постановлением № 96 правительства Монголии от 18 марта 2020 г. [[Монгол бичгийн үндэсний 2020](#); [Ариунболд 2020](#)].

Национальная программа монгольской письменности – III

Важнейшим стимулом для разработки новой программы монгольской письменности явилась необходимость ее широкого внедрения во все отрасли образования, культуры, науки, информационных технологий, средств массовой информации. 3 мая 2018 г. вышел указ № 46 президента Монголии «Об ускорении работ по использованию монгольской письменности» [[Монгол бичгийн хэрэглэг 2018](#); [Монгол Улсын Ерөнхийлөгч 2018](#)].

Содержание указа направлено на ускорение и расширение работ по использованию монгольской письменности, подготовке и обеспечению введения документооборота на двух письменностях в органах государственного и местного самоуправления с 2025 г., осуществлению государственных обязательств перед гражданами страны по соблюдению их законных прав.

«Национальная программа монгольской письменности – III» запланирована к осуществлению в 2015–2025 гг. Цель программы [[Монгол бичгийн үндэсний 2020](#)] — полностью обеспечить подготовку перехода к использованию двух письменностей с 2025 г., согласно закону о монгольском языке. Программа достижения этой цели является трехуровневой: начальный этап — 2015–2020 гг., следующий этап — 2020–2022 гг., заключительный этап — 2022–2024 гг. В 2020–2024 гг. запланировано 56 мероприятий по четырем направлениям. Если функции основных исполнителей предыдущих программ выполняли государственные образовательные учреждения, то в третьей программе в число реализующих программу дополнительно включены организации культуры и науки, средства массовой информации, государственные учреждения всех уровней. Так, например:

- Агентству информационных технологий и связи вменяется утверждение стандартов Unicode в использовании монгольской письменности;
- Агентству стандартизации — утверждение стандарта введения в государственное делопроизводство двух письменностей;
- Институту языка и литературы АН Монголии, Главному управлению регистрации поставлена задача создания цифровой среды (включая названия юридических лиц, фамилии и имена граждан) в постоянно обновляющейся регистрационной системе;
- средства массовой информации обязываются поэтапно до 2024 г. перейти к публикации материалов информационного характера на двух письменностях;
- государственным учреждениям всех уровней ставится задача создания цифровой среды, обучения госслужащих монгольской письменности и повышения знаний в данной области;

- образовательные учреждения всех уровней и центры непрерывного обучения обязываются провести увеличение учебных часов, обновление методологии обучения, создать электронные учебники, словари, расширить обучение в цифровом формате;
- руководство местного самоуправления должно проводить мероприятия по распространению монгольской письменности и осуществлять соответственно поощрение граждан;
- Национальный совет госслужащих должен реализовать включение в анкеты госслужащих графы о знании старомонгольской письменности, проведение экзаменов для госслужащих на знание монгольской письменности;
- граждане и общественные организации должны пройти обучение и способствовать распространению монгольской письменности, внедрению электронного контента монгольской письменности, применять национальное письмо в маркировке продукции отечественного производства;
- предусматривается, что центры культуры, науки (прежде всего монголоведения) за рубежом будут заниматься развитием, изучением и распространением уникального наследия на монгольской письменности, организацией выставок, проведением научно-исследовательских конференций и прочих мероприятий.

Заключение

Государственная политика Монголии в отношении национальной письменности в последние десятилетия направлена на восстановление всех функций монгольского письма и его широкое внедрение в жизнь общества. Начало этой политики связано с первыми документами на уровне министерства образования, принятыми в период социально-политических реформ в монгольском обществе, когда в учебных учреждениях началась работа по составлению учебников и подбору кадров для преподавания монгольской письменности.

В 1990 г. вопросы восстановления национальной письменности уже решались на уровне Совета министров МНР. Огромное значение для восстановления значения монгольской письменности имели постановление Малого государственного хурала (1991 г.) о введении в стране делопроизводства на монгольской письменности и соответствующее постановление Великого государственного хурала (1994 г.) об интенсификации работ по реализации этой цели и разработке Национальной программы монгольской письменности.

В последующие годы решению поставленных задач способствовали указы президента Монголии о праздновании 800-летия монгольской письменности (2003 г.) и о расширении и ускорении работ по использованию монгольской письменности (2018 г.). Разработанная в соответствии с решением высшего законодательного органа Национальная программа монгольской письменности реализуется с 1995 г. и содержит задачи по переходу к использованию двух письменностей с 2025 г. Таким образом, в течение четверти века последовательно решается вопрос о восстановлении статуса национальной письменности.

Мероприятия, реализуемые в стране, — свидетельство того, что монгольская письменность — не забытое явление истории и культуры, а богатейшее культурное наследие монголов, которые внесли значимый вклад в мировую письменную культуру.

Сохранение и защита, владение и использование, усовершенствование монгольской письменности рассматриваются ныне как обязанность монголов. В законе «О монгольском языке» сформулированы обязанности гражданина Монголии, которые состоят «в обучении и исследовании монгольского языка и письменности, передаче последующим поколениям этого наследия, выступлениях с инициативой по овладению, использованию, защите и развитию монгольского языка», что является долгом всех монголов.

В заключение хотелось бы привести высказывания монгольских лингвистов, отражающие значение и задачи восстановления статуса и широкого использования национальной письменности:

– Заслуженный деятель культуры, журналист Г. Аким: «Государство проводит большую работу по монгольской письменности. Национальная письменность является специфической чертой, отличающей монголов от других народов. Почему мы не можем использовать свою письменность, которую оставили всего лишь 50, 60 лет тому назад»;

– Доктор филологии М. Базаррагча: «Начинать использование монгольской письменности нужно не с начальных школ, а с издания государственных информационных бюллетеней на двух письменностях, что будет правильно»;

– Доктор наук, профессор Д. Ганболд: «Кафедра монгольского языка Педагогического университета начала создавать базу данных монгольской письменности»;

– Академик Л. Болд: «Монгольская письменность имеет давнюю историю. Для восстановления монгольской письменности обязательно надо учитывать принципы правописания» [Сайхан, Од 2020].

Видный российский ученый Б. Я. Владимирцов в одном из своих докладов, посвященном состоянию языка и литературы у монгольских народов, отмечал, что монгольский письменный язык «не похож на живые монгольские говоры, отличается от них», но он «обладает одной особенностью, которая делает его драгоценной для монголов,— это то, что он является для них общим. То, что пишут буряты, могут прочесть монголы, живущие в других странах, и наоборот» (цит. по: [Михайлов 1986: 13]). И в настоящее время монгольская письменность является интегрирующим фактором и связующим звеном для монгольских народов, которые и проживают в разных странах.

Значимость принятого в Монголии закона особенно ясна ученым-монголоведам, работающим в разных научных центрах и реализующим многие проекты и программы, исследовательские работы, посвященные истории и культуре монгольского мира.

Литература

Ариунболд 2020 — Монгол бичгийн үндэсний хөтөлбөр III (= Национальная программа монгольской письменности – III) [электронный ресурс] // Монцамэ. 05.06.2020. URL: <https://www.montsame.mn/mn/read/224500> (дата обращения: 18.08.2020).

- Михайлов 1986 — *Михайлов Г. И.* Из наследия академика Б. Я. Владимирцова (Выступление на совещании по транскрипции и орфографии калмыцкого языка) // *Mongolica*. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова. 1884–1931. М.: Наука, ГРВЛ, 1986. С. 10–22.
- Монгол бичгийн албан 2010 — Монгол бичгийн албан хэрэглээг нэмэгдүүлэх зарим арга хэмжээний тухай (= О некоторых мерах усиления официального использования монгольской письменности) [электронный ресурс] // Монгол улсын ерөнхийлөгчийн зарлиг (= Указ президента Монголии). 06.07.2010. Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем (= Интегрированная правовая информационная система). URL: <https://www.legalinfo.mn/law/details/746> (дата обращения: 25.12.2020).
- Монгол бичгийн үндэсний 1995 — Монгол бичгийн үндэсний хөтөлбөрийг батлах тухай (= Об утверждении национальной программы монгольской письменности) [электронный ресурс] // Улсын Их Хурлын тогтоол (= Постановление Великого государственного хурала). 23.06.1995. Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем (= Интегрированная правовая информационная система) URL: <https://www.legalinfo.mn/law/details/6353?lawid=6353> (дата обращения: 25.12.2020).
- Монгол бичгийн үндэсний 2008 — Монгол бичгийн үндэсний хөтөлбөр – II (2020 оны 96 дугаар тогтоолоор хүчингүй болсон) (= Национальная программа монгольской письменности – II (отменена постановлением правительства № 96 от 2020 г.) [электронный ресурс] // URL: <https://www.legalinfo.mn/annex/details/2390?lawid=7833> (дата обращения: 25.12.2020).
- Монгол бичгийн үндэсний 2020 — Монгол бичгийн үндэсний хөтөлбөр-III-ыг хэлэлцэн баталлаа (= Утверждена национальная программа монгольской письменности – III) [электронный ресурс] // Боловсролын магадлан итгэмжлэх үндэсний зөвлөл (= Национальная аккредитация образования). 18.03.2020. URL: <http://accmon.mn/монгол-бичгийн-үндэсний-хөтөлбөр-iii-ыг-хэлэлцэн-баталлаа/> (дата обращения: 18.08.2020).
- Монгол бичгийн хэрэглээг 2018 — Монгол бичгийн хэрэглээг нэмэгдүүлэх тухай Ерөнхийлөгчийн зарлиг гарчээ (= Издан Указ президента об увеличении использования монгольской письменности) [электронный ресурс] // *Ikon next horizon*. 04.05.2018. URL: <https://ikon.mn/n/1a6v> (дата обращения: 04.05.2018).
- Монгол Улсын Ерөнхийлөгч 2018 — Монгол Улсын Ерөнхийлөгч Х. Баттулгын Монгол бичгийн хэрэглээг нэмэгдүүлэх ажлыг эрчимжүүлэх тухай зарлигийг гардууллаа (= Издан указ президента Монголии Х. Баттулга об активизации использования монгольской письменности) [электронный ресурс] // Монгол Улсын Ерөнхийлөгч Х. Баттулгын вэбсайт. 05.04.2018. URL: <https://president.mn/3458/> (дата обращения: 25.12.2020).
- Монгол Улсын түүх 2004а — Монгол Улсын түүх. Дэд боть (= История Монголии. Т. II). Улаанбаатар: АДМОН, 2004. 412 х.
- Монгол Улсын түүх 2004б — Монгол Улсын түүх.Тавдугаар боть (= История Монголии. Т. V). Улаанбаатар: АДМОН, 2004. 501 х.
- Монгол хэлний тухай 2015 — Монгол хэлний тухай (= О монгольском языке) [электронный ресурс] // Монгол улсын хууль (= Право Монголии). 12.02.2015. Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем (= Интегрированная правовая информационная система). URL: <https://www.legalinfo.mn/law/details/10932> (дата обращения: 12.02.2020).
- Сайхан, Од 2020 — *Сайхан Т., Од Б.* «Монгол бичгийн үндэсний хөтөлбөрийн хэрэгжилт хангалтгүй байна» (= Реализация Национальной программы монгольской письменности недостаточна) [электронный ресурс] // «Зууны

- мэдээ» сонин. 25.09.2020. № 186 (6411). URL: <http://www.zms.mn/a/80863> (дата обращения: 20.12.2020).
- Түдэв 2013 — *Түдэв Л.* Бүтээлийн чуулган. XXXV боть (= Сборник произведений. Т. XXXV). Улаанбаатар: ИнтерПресс, 2013. 580 х.
- Улсын бага хурлын 1994 — Улсын бага хурлын 1991 оны 36 дугаар тогтоолын биелэлтийг хэлэлцсэн тухай (= Об обсуждении результатов постановления Малого государственного хурала от 1991 г. № 36) [электронный ресурс] // Улсын Их Хурлын Тогтоол. Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем (= Постановление Великого государственного хурала). 08.07.1994. URL: <https://www.legalinfo.mn/law/details/6767?lawid=6767> (дата обращения: 20.12.2020).
- Үндэсний аюулгүй 2010 — Үндэсний аюулгүй байдлын үзэл баримтлал (= Концепция национальной безопасности). 2010 [электронный ресурс] // Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем (= Интегрированная правовая информационная система). URL: <https://www.legalinfo.mn/annex/details/8070?lawid=6163> (дата обращения: 20.12.2020).
- Чингис хааны 2003 — Чингис хааны иггээсэн монгол төрийн бичиг хэрэглэсний 800 жилийн ойг тэмдэглэх тухай (= О праздновании 800-летия использования монгольской письменности Чингис ханом) [электронный ресурс] // Монгол Улсын Ерөнхийлөгчийн Зарлиг (= Указ президента Монголии). Эрх зүйн мэдээллийн нэгдсэн систем (= Интегрированная правовая информационная система). 25.06.2003. URL: <https://www.legalinfo.mn/law/details/810?lawid=810> (дата обращения: 20.12.2020).
- Элбэгзаяа 2004 — *Элбэгзаяа Б.* Монгол бичиг. Хорин жилийн товчоон (= Монгольское письмо. 20-летняя хронология монгольской письменности). Улаанбаатар: Монцамэ, 2004. 112 х.

References

- About the Mongolian Language. On: Integrated Legal Information System. Section ‘Law of Mongolia’. Posted on February 12, 2015. Available at: <https://www.legalinfo.mn/law/details/10932> (accessed: February 12, 2020). (In Mong.)
- Ariunbold Ch. National Program for Mongolian Script – III. On: Montsame. Posted on June 5, 2020. Available at: <https://www.montsame.mn/mn/read/224500> (accessed: August 18, 2020). (In Mong.)
- Decree of the State Great Khural of 8 July 1994 On Discussion over Implementation of Objectives Manifested in the Decree of the State Small Khural no. 36 (1991). On: Integrated Legal Information System. Available at: <https://www.legalinfo.mn/law/details/6767?lawid=6767> (accessed: December 20, 2020). (In Mong.)
- Decree of the State Great Khural On the Enactment of National Program for Mongolian Script of 23 June 1995. On: Integrated Legal Information System. Available at: <https://www.legalinfo.mn/law/details/6353?lawid=6353> (accessed: December 25, 2020). (In Mong.)
- Elbegzayaa B. Mongolian Script: Chronicles of the Past Twenty Years. Ulaanbaatar: Montsame, 2004. 112 p. (In Mong.)
- Mikhaylov G. I. Heritage of Acad. B. Ya. Vladimirtsov revisited: Speech at the conference on Kalmyk transcription and orthography. In: *Mongolica. Commemorating Acad. Boris Ya. Vladimirtsov, 1884–1931.* Moscow: Nauka, GRVL, 1986. Pp. 10–22. (In Russ.)
- National Program for Mongolian Script – II (annulled by Government Decree no. 96 in 2020). On: Integrated Legal Information System. Available at: <https://www.legalinfo.mn/annex/details/2390?lawid=7833> (accessed: December 25, 2020). (In Mong.)
- National Program for Mongolian Script – III Approved. On: Mongolian National Council for Education Accreditation. Website. Posted on March 18, 2020. Available at: <http://>

- accmon.mn/mongol-bichgiyn-yndesniy-khetelber-iii-yg-kheleltsen-batallaa/ (accessed: August 18, 2020). (In Mong.)
- National Security Concept. 2010. On: Integrated Legal Information System. Available at: <https://www.legalinfo.mn/annex/details/8070?lawid=6163> (accessed: December 20, 2020). (In Mong.)
- Presidential Edict On Celebrations of the 800th Anniversary Since Mongolian Script Was Adopted by Genghis Khan of 25 June 2003. On: Integrated Legal Information System. Available at: <https://www.legalinfo.mn/law/details/810?lawid=810> (accessed: December 20, 2020). (In Mong.)
- Presidential Edict On Some Measures Aimed at Facilitating the Official Use of Mongolian Script of 6 July 2010. On: Integrated Legal Information System. Available at: <https://www.legalinfo.mn/law/details/746> (accessed: December 25, 2020). (In Mong.)
- Presidential Edict On the Intensified Use of Mongolian Script Published. On: Website of President Kh. Battulga. Posted on April 5, 2018. Available at: <https://president.mn/3458/> (accessed: December 25, 2020). (In Mong.)
- Presidential Edict On the Intensified Use of Mongolian Script. On: Ikon Next Horizon. Posted on May 4, 2018. Available at: <https://ikon.mn/n/1a6v> (accessed: May 4, 2018). (In Mong.)
- Saikhan T., Od B. 'National Program for Mongolian Script: implementation efforts insufficient'. On: Zuuny Medee. Newspaper Website. Issue of September 25, 2020. No. 186 (6411). Available at: <http://www.zms.mn/a/80863> (accessed: December 20, 2020). (In Mong.)
- The History of Mongolia. Vol. II. Ulaanbaatar: ADMON, 2004. 412 p. (In Mong.)
- The History of Mongolia. Vol. V. Ulaanbaatar: ADMON, 2004. 501 p. (In Mong.)
- Tüdev L. Collected Works. Vol. XXXV. Ulaanbaatar: InterPress, 2013. 580 p. (In Mong.)

ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 398.224

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-120-133

Итоги экспедиций Университета Внутренней Монголии в Синьцзян: полевые записи песен «Джангара»

Тая Даван¹

¹ Университет Внутренней Монголии (д. 234, ул. Западная Университетская, 010021 Хух-Хот, КНР)

доктор филологических наук, профессор

 0000-0002-8935-3966. E-mail: dawataya2009@qq.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Тая Д., 2021

Аннотация. *Введение.* Впервые эпос «Джангар» стал известен в научных кругах после того, как в начале XIX в. Б. Бергман опубликовал немецкое изложение песни о сражении богатырей Джангара с грозным Шара Гюргю. С тех пор «Джангар» стал известен в мире как калмыцкий героический эпос. После публикации вновь обнаруженных песен «Джангара» в начале XX в. в Монголии его стали называть и монгольским эпосом. В конце 1970-х гг., после публикаций многочисленных песен «Джангара» в Китае, эпос стал известен как эпическое наследие ойратов России, Китая и Монголии. Одним из научных центров Китая, который уже 41 год проводит активную поисковую работу по записи текстов «Джангара», является Университет Внутренней Монголии. С 1977 г. по 2018 г. преподавателями монгольского факультета было совершено десять научных экспедиций в районы проживания ойратов в Синьцзяне. *Цель* статьи — введение в научный оборот истории и результатов полевых экспедиций в Синьцзян, совершенных в течение 41 года в целях записи новых песен эпоса «Джангар». *Новизна работы.* Впервые в истории современного монголоведения описаны результаты масштабной и полевой работы, которая велась на протяжении четырех десятилетий. В ходе первой экспедиции 1977 г. в Хобуксар преподавателю университета Чойжинджаву удалось встретиться с выдающимся ойратским сказителем Еремпилом и записать у него шесть песен эпоса «Джангар». В 1978 г. экспедиция уже состояла из трех исследователей и прошла в Бортала-Монгольском и Или-Казахском автономных округах. За это время было выявлено более 40 сказителей и записано 60 песен эпоса. Каждая последующая экспедиция приносила свои результаты. Одна из самых продолжительных поисковых экспедиций состоялась в 1996 г., которая продолжалась почти 13 месяцев и проходила по территории Бортала-Монгольского, Или-Казахского, Баянгол-Монгольского автономных округов и района Тарбагатай. За это время преподавателем университета Д. Таей было выявлено более 40 сказителей и записано 90 песен эпоса «Джангар». *Заключение.* В течение четырех десятилетий Университет Внутренней Монголии проводил планомерную и системную поисковую работу, которая дала ощутимые результаты — были открыты имена новых талантливых сказителей-джангарчи, записан огромный пласт новых и многочисленных версии уже известных глав «Джангара», но самое главное — было получено научное подтверждение существования живой эпической традиции у ойратов Синьцзяна.

Ключевые слова: Синьцзян, «Джангар», экспедиция, полевые записи, сказитель, текст
Для цитирования: Тая Д. Итоги экспедиций Университета Внутренней Монголии в Синьцзян: полевые записи песен «Джангара» // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 1. С. 120–133. (На ойр.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-120-133

Summarizing Outcomes of Inner Mongolia University's Expeditions to Xinjiang: Field Recordings of the Jangar Epic

Taya Davan¹

¹ Inner Mongolian University (234, West University Road, Hohhot 010021, People's Republic of China)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-8935-3966. E-mail: dawataya2009@qq.com

© KalmSC RAS, 2021

© Taya D., 2021

Abstract. *Introduction.* For the first time the Epic of Jangar became known in scientific circles after B. Bergmann published a German account of *The Song of the Battle between the Heroes of Jangar and Shara Gyurgyu the Terrible* in the early 19th century. Since then, the Jangar had become known in the world as the Kalmyk heroic epic. After the publication of newly discovered songs of the Jangar at the beginning of the 20th century in Mongolia, it became known as a Mongolian epic. In the late 1970s, after publishing numerous songs of the Jangar in China, the epic became known as epic legacy of the Oirats of Russia, China and Mongolia. One of the scientific centers of China which has been actively searching for the Jangar texts for 41 years is Inner Mongolia University. From 1977 to 2018, teachers of the Mongolian Faculty undertook ten scientific expeditions to the Oirat-inhabited areas of Xinjiang. *Goals.* The article seeks to introduce the history and results of field expeditions to Xinjiang made during 41 years in order to record new songs of the Jangar epic. For the first time in the history of modern Mongolian studies, the paper describes the results of large-scale field works that have been carried out for four decades. During the first expedition in 1977 to Hoboksar, a University teacher Chojinjav managed to meet the prominent Oirat storyteller Yerempil and record six songs of the Jangar epic. In 1978, the expedition already consisted of three researchers and explored Bortala Mongol and Ili Kazakh autonomous prefectures. In those days, over 40 storytellers were identified and 60 songs of the epic were recorded. Each subsequent expedition brought its own results. One of the longest search expeditions took place in 1996, which lasted almost thirteen months and covered the Bortala Mongol, Ili Kazakh and Bayingolin autonomous prefectures, including Tarbagatai district. During that time, the University teacher D. Taya identified more than 40 storytellers and recorded 90 songs of the Jangar. *Conclusion.* Thus, for four decades, the University of Inner Mongolia was conducting systematic and systematic search works which gave tangible results — names of new talented storytellers-*jangarchis* were discovered, a huge layer of new and numerous versions of already known chapters of the Jangar were recorded but most importantly — scientific confirmation of the existence of a living epic tradition among the Oirats of Xinjiang was obtained.

Keywords: Xinjiang, Jangar, expedition, field records, storyteller, text

For citation: Taya D. Summarizing Outcomes of Inner Mongolia University's Expeditions to Xinjiang: Field Recordings of the Jangar Epic. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13(1): 120–133. (In Oir.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-120-133

Анхны удаа нь «Монгол» гэдэг нэрээр үндэстэн, улс төрийн нэгдсэн төлөөлөл болж байсан нь «Монгол улс» гэдэг нэрийг 1911 онд зохиогчид өөрсөндөө өгөхөөс харахад харагдана. Энэ үеийн «Монгол» гэдэг нэр нь улс төрийн нэгдсэн төлөөлөл болж байсан нь «Монгол улс» гэдэг нэрийг 1911 онд зохиогчид өөрсөндөө өгөхөөс харахад харагдана. Энэ үеийн «Монгол» гэдэг нэр нь улс төрийн нэгдсэн төлөөлөл болж байсан нь «Монгол улс» гэдэг нэрийг 1911 онд зохиогчид өөрсөндөө өгөхөөс харахад харагдана.

«Монгол» гэдэг нэр нь «Монгол» гэдэг нэрээр зохиогчид өөрсөндөө өгөхөөс харахад харагдана.

41 үеийнхэн нь «Монгол» гэдэг нэрийг 1911 онд зохиогчид өөрсөндөө өгөхөөс харахад харагдана. Энэ үеийн «Монгол» гэдэг нэр нь улс төрийн нэгдсэн төлөөлөл болж байсан нь «Монгол улс» гэдэг нэрийг 1911 онд зохиогчид өөрсөндөө өгөхөөс харахад харагдана.

«Монгол» гэдэг нэр нь «Монгол» гэдэг нэрээр зохиогчид өөрсөндөө өгөхөөс харахад харагдана.

«Монгол» гэдэг нэр нь «Монгол» гэдэг нэрээр зохиогчид өөрсөндөө өгөхөөс харахад харагдана.

«Монгол» гэдэг нэр нь «Монгол» гэдэг нэрээр зохиогчид өөрсөндөө өгөхөөс харахад харагдана. Энэ үеийн «Монгол» гэдэг нэр нь улс төрийн нэгдсэн төлөөлөл болж байсан нь «Монгол улс» гэдэг нэрийг 1911 онд зохиогчид өөрсөндөө өгөхөөс харахад харагдана.

«Монгол» гэдэг нэр нь «Монгол» гэдэг нэрээр зохиогчид өөрсөндөө өгөхөөс харахад харагдана.

«Монгол» гэдэг нэр нь «Монгол» гэдэг нэрээр зохиогчид өөрсөндөө өгөхөөс харахад харагдана. Энэ үеийн «Монгол» гэдэг нэр нь улс төрийн нэгдсэн төлөөлөл болж байсан нь «Монгол улс» гэдэг нэрийг 1911 онд зохиогчид өөрсөндөө өгөхөөс харахад харагдана.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 398.22

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-134-146

Пролог эпического репертуара джангарчи Давы Шавалиева

Байрта Барбаевна Манджиева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Манджиева Б. Б., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается пролог цикла песен джангарчи Давы Шавалиева. В 1939 г. известный монголовед А. В. Бурдуков посетил Калмыкию и записал эпический репертуар Давы Шавалиева, состоящий из пролога и четырех песен эпоса «Джангар». Песни Давы Шавалиева, записанные А. В. Бурдуковым, не были опубликованы при жизни ученого. Его дочь монголовед Т. А. Бурдукова сделала копию рукописи отца (в марте–апреле 1977 г.). *Целью* настоящей работы является изучение пролога как важной композиционной части эпического репертуара Давы Шавалиева. *Результаты.* Эпический репертуар Давы Шавалиева служит еще одним подтверждением тому, что калмыцкие рапсоды предваряли цикл «Джангара» особой экспозиционной частью, называемой пролог (*орил*). Пролог эпического цикла Давы Шавалиева, состоящий из константных тем, является традиционным эпическим образованием, которое свойственно циклическому героическому эпосу «Джангар». Зная принципы сложения эпоса, джангарчи строил свое повествование на определенной основе, состоящей из таких структурно-композиционных элементов, как: описание дворца; магтал владыке Джангару; магтал хатун Шавдал; магтал коню; магтал Хонгору; описание дворца; пир во дворце. Джангарчи широко использовал традиционный и стандартизированный набор поэтических формул, стилистических и композиционных приемов. Опора на сложившуюся традицию удерживала исполнителя в четко ограниченном русле эпического повествования, при этом не препятствуя проявлению индивидуального начала. Эпический репертуар джангарчи Давы Шавалиева является свидетельством живого бытования эпоса «Джангар», важным звеном в развитии эпической традиции многими поколениями рапсодов, благодаря таланту и исполнительскому мастерству которых героический эпос стал величайшим памятником духовного наследия калмыцкого народа.

Ключевые слова: эпос «Джангар», пролог, джангарчи, традиция, цикл, эпический репертуар, тема, страна, герой, богатырь

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монго-

лии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Манджиева Б. Б. Пролог эпического репертуара джангарчи Давы Шавалиева // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 1. С. 134–146. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-134-146

Jangarchi Dava Shavaliiev: The Prologue to Epic Narratives Revisited

Bayrta B. Mandzhieva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Mandzhieva B. B., 2021

Abstract. *Introduction.* The article deals with the prologue to the cycle of songs recorded from jangarchi Dava Shavaliiev. In 1939, the famous Mongolist A. Burdukov visited Kalmykia and recorded the epic repertoire of Dava Shavaliiev that consisted of a prologue and four songs. The songs of Dava Shavaliiev recorded by the scholar were not published during the latter's lifetime. His daughter, Mongolist T. Burdukova, made a copy of her father's manuscript (March-April 1977). *Goals.* The work aims to study the prologue as an important compositional part of Dava Shavaliiev's epic repertoire. *Results.* The latter is yet another confirmation that Kalmyk rhapsodes — when reciting the Jangar — made use of a special expository part called the prologue (Kalm. *orshl*). Being a traditional epic formation characteristic of the cyclical heroic epic of Jangar, the prologue to Dava Shavaliiev's epic cycle consists of constant themes. Proceeding from his knowledge of the epic composition principles, the jangarchi builds his narratives on a certain basis comprising structural and compositional elements, such as a description of the palace; *magtal* (Kalm. 'glorification') to Lord Jangar; *magtal* to Queen Shavdal; ones to the warhorse and Khongor; and a description of the palace feast. The jangarchi makes extensive use of the traditional and standardized set of poetic formulas, stylistic and compositional techniques. The observance of the established tradition kept the rhapsode in a clearly delineated tunnel of an epic narrative, without hindering the emergence of individual features. The epic repertoire of jangarchi Dava Shavaliiev attests to that the Jangar epic was then a living cultural phenomenon, an important link in the epic tradition developed by many generations of rhapsodes whose talents and performing skills made the heroic epic a greatest monument of the Kalmyk people's spiritual heritage.

Keywords: Epic of Jangar, prologue, jangarchi, tradition, cycle, epic repertoire, theme, country, hero, hero

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (state reg. no. АААА-А19-119011490036-1).

For citation: Mandzhieva B. B. Jangarchi Dava Shavaliiev: The Prologue to Epic Narratives Revisited. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13(1): 134–146. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-134-146

Введение

Калмыцкий героический эпос «Джангар», известный к настоящему времени благодаря произведенным учеными записям, представлен пятью основными циклами, в числе которых достойное место занимает эпический репертуар джангарчи Давы Шавалиева.

Дава Шавалиев (Шавалин Дава) родился в 1894 г. в урочище Хеечи Яргачин-Эркетеневского аймака Икицохуровского улуса (ныне — пос. Цаган-Усн Яшкульского района Республики Калмыкия) в семье бедняка Косрдан Шавали. С ранних лет будущему рапсоду пришлось тяжело трудиться на выпасе скота местного богатого скотовладельца Цаган Убуши [НА КалмНЦ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 57. Л. 17].

Впоследствии Д. Шавалиев вспоминал о нелегкой работе, которую выполнял в детстве: пасти скот и ухаживать за ним приходилось, невзирая на летний зной, осеннее ненастье и зимнюю стужу [Церенов 2005а: 6]. В те же годы Дава узнал и полюбил устное творчество своего народа. Его отец Косрдан Шавали исполнял эпос «Джангар», был прекрасным знатоком фольклора. Талантливые рассказчики были и среди пастухов, с которыми он коротал вечера после дневных трудов, слушая старинные сказки, легенды, предания.

Особенный интерес вызывали у Давы песни «Джангара», он старался запоминать их, слушая в чьем-либо исполнении. По сведениям В. З. Церенова, Д. Шавалиев в двенадцать лет стал брать уроки исполнительского мастерства у известного джангарчи Чапура Бадмы и перенял у него пять глав эпоса [Церенов 2005б: 141]. К шестнадцати годам благодаря хорошей памяти он усвоил эпические песни настолько, что впервые исполнил их перед знатью аймака. С тех пор Дава, получив благословение от старейшин «нести достойно звание джангарчи, прославляя эпос „Джангар“» [Церенов 2005а: 6], выступал перед своими земляками на частных пирах и общественных празднествах, всегда оказывая своим исполнением вдохновляющее действие на слушателей.

Запись эпического репертуара Давы Шавалиева

В 1939 г. известный монголовед А. В. Бурдуков посетил Калмыкию и записал эпический репертуар Давы Шавалиева, состоящий из четырех песен. В помете на рукописи ученого, копия которой находится в КалмНЦ РАН, указано: «Запись сделана в Элисте; 4–7 августа 1939 года от Давы Чукиновича Шавалиева 46 лет (год лошади), члена колхоза „Улан Церг“ с 1927 года. Живет в селе Адг Адгского сельского совета Черноземельского улуса Калмыцкой АССР (Б. Эркетен)» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 21. Ед. хр. 6]. Творчество Давы Шавалиева, как и ойратского сказителя Парчена, сарт-калмыцкого джангарчи Бакхи Сарпекова, дербетского рапсода из Убсу-Нура Сарисына, А. В. Бурдуков рассматривает в статье «Ойрат-калмыцкие сказители» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 57. Л. 16–28].

По сведениям А. В. Бурдукова, «Шавалиев начал слушать и заучивать эпос в возрасте 8–10 лет, а с 14–15 стал его исполнять. Аудиторию его составляли 30–40 человек, которые трудились в бригадах на полевых работах» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 57. Л. 17]. Исследователь также отмечает, что Дава грамоте никогда не учился и «Джангар» заучивал на слух от сказите-

ля Будин Бача, который тоже был неграмотен, от него же перенял напев [НА КалмНЦ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 57. Л. 17].

Даже Шавалиеву доводилось слышать и других исполнителей эпоса: это были известные джангарчи Бульган Муутл, Бадан Васька, его сын Гиля, которые жили в Яргачин-Эркетеневском аймаке Икицохуровского улуса. Бадан Васька, по воспоминаниям Д. Шавалиева, знал двенадцать песен «Джангара» [Церенов 2005а: 7]. Как сообщает А. В. Бурдуков, Дава Шавалиев слышал также исполнение джангарчи Кёкя Эрдниева из аймака Ачинер [НА КалмНЦ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 57. Л. 17].

В период подготовки и проведения юбилейных мероприятий, посвященных празднованию 500-летия эпоса «Джангар», большое внимание было уделено сохранению эпических песен. Калмыцкими учеными и писателями были записаны репертуары известных джангарчи, состязавшихся в конкурсе сказителей. Так, в 1940 г. Гаря Шалбуровым были записаны две песни из репертуара Давы Шавалиева: «Ке шар цоохр мөртэ Кермин көвүн Моңхуяла дээлдгсн бөлг» ('Песнь о сражении с сыном Керме — Монхулёй, имевшим красивого жёлто-пёстрого коня') и «Арнзлын хурдн Зеердиг хулха авсна туск бөлг» ('Песнь о том, как угнан был Зерде, резвый из аранзалов').

В 1940 г. записанные Г. М. Шалбуровым две вышеназванные песни были опубликованы в альманахе «Улан туг» (цит. по: [Церенов 2005б: 143–144]), а в 1978 г. изданы А. Ш. Кичиковым во втором томе издания «Жанһр: хальмг баатрлг дуулвр» [Жанһр 1978].

О копии рукописи А. В. Бурдукова, выполненной Т. А. Бурдуковой

Песни Давы Шавалиева, записанные А. В. Бурдуковым, не были опубликованы при жизни ученого. Его дочь, монголовед Т. А. Бурдукова, выполнила копию рукописи отца (в марте–апреле 1977 г.), оригинал же сохранила и в 1980 г. передала В. З. Церенову для дальнейшей публикации [Церенов 2005б: 144]. В 2005 г. В. З. Церенов издал книгу «Шавалиев Д. Джангар. Эпический репертуар», в которой был впервые опубликован полный репертуар джангарчи [Шавалиев 2005].

В 1991 г. архивные материалы А. В. Бурдукова, в том числе переписанная Т. А. Бурдуковой рукопись, в которой ученый зафиксировал репертуар Давы Шавалиева, были переданы младшей дочерью ученого Е. А. Бурдуковой на хранение в Научный архив Калмыцкого института общественных наук АН СССР (ныне — Калмыцкий научный центр РАН) [НА КалмНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 641. Л. 1].

Записанный А. В. Бурдуковым репертуар Давы Шавалиева включает общий для всего цикла объемный пролог и четыре песни: 1) «Йисн түм күрсн йисн бумбан улан тунжур адуг көөгсн ке шар цоохр мөртэ Келмэн көвүн Моңхулала дээлдсн бөлг» ('Песнь о сражении с сыном Керме — Монхулёй, имевшим красивого жёлто-пёстрого коня и угнавшим девьяноста тысяч достигших числом девять табунов бумбайских прекрасных тунджуров'); 2) «Хоңһрин гер авлһн» ('Песнь о женитьбе Хонгора'); 3) «Арнзлын хурдн Зеердиг хулха авсн туск бөлг» («Песнь о том, как угнан был Зерде, резвый из аранзалов»); 4) «Азг Улан Хоңһр Арла Манз хааг дарсн бөлг» ('Песнь о том, как Улан Хонгор Превосходный хана Арыл Манза покорил')¹.

¹ Названия песен Давы Шавалиева, записанных А. В. Бурдуковым, даются по копии его рукописи, выполненной Т. А. Бурдуковой [НА КалмНЦ РАН. Ф. 21. Ед. хр. 6].

В копии рукописи А. В. Бурдукова, выполненной Т. А. Бурдуковой, текст делится на шесть глав. Первые две главы составляют пролог цикла. В первую главу вошли: «Бээшнгин чимг» («Описание дворца») (переводы названий глав выполнены мной. — Б. М.), «Эзн Жаңһрин магтал» («Магтал владыке Джангару»), «Хатна магтал» («Магтал хатун»), «Күлгин магтал» («Магтал коню»), «Хонһрин магтал» («Магтал Хонгору»), «Герин чимг» («Описание дворца для угощения арзой»). Пролог, состоящий из восхвалений-магталов и описаний (*чимг*), составляет 162 строки. Вторая глава, состоящая из 171 строки, именуется «Арзан сүүр» («Пир») и завершает пролог. Возможно, разбивка текста в прологе на отдельные главы сделана Т. А. Бурдуковой. В издании репертуара Давы Шавалиева, подготовленном В. З. Цереновым, пролог представлен как целостный текст, без деления на составные части [Шавалиев 2005].

Далее в копии Т. А. Бурдуковой третья, четвертая, пятая и шестая главы содержат тексты соответственно первой, второй, третьей и четвертой песен Давы Шавалиева [НА КалмНЦ РАН. Ф. 21. Ед. хр. 6].

Рукопись А. В. Бурдукова, переписанная Т. А. Бурдуковой, несомненно, представляет научную ценность. Изучение ее с позиций текстологии, а также сопоставление с записями репертуара других сказителей позволяют полнее изучить творчество Давы Шавалиева и постичь своеобразие его исполнительского дара. Данная рукопись в 2018 г. была опубликована в монографическом исследовании Б. Б. Манджиевой «Хальмг баатрлг дуулвр „Жаңһр“: Шавалин Даван дуһргин шинжлт болн текстмүд» (= Калмыцкий героический эпос «Джангар»: исследование и тексты эпического репертуара Давы Шавалиева) [Манджиева 2018].

Пролог эпического цикла Давы Шавалиева

Эпический репертуар Давы Шавалиева служит еще одним подтверждением тому, что калмыцкие рапсоды предваряли цикл «Джангара» особой экспозиционной частью, называемой прологом (*орил*).

В прологе в исполнении Давы Шавалиева выделяются следующие темы: описание страны; магталы (восхваления) Джангару, Шавдал, богатырю Хонгору и коню; описание дворца; сцена пира. Эти темы можно назвать константами пролога, они являются традиционными слагаемыми эпоса.

Описание эпической страны с помощью этнопоэтических констант присутствует в прологах всех песен «Джангара». Бумба изображается как страна гор и рек. В прологе Давы Шавалиева, как и в других, водные пространства указаны как маркеры горизонтали эпического пространства:

П², ст. 5–6 — *Живхлүтэ журн йисн этэ / Арья Цаһан һолын*
 ‘У той, что величавым шестидесяти девяти рекам начало даёт, — /
 У красивой реки Цаган³;

П., ст. 10 — *Өргн Шарта далан* ‘У широкого океана Шарта’
 [Шавалиев 2005: 29],

а горные вершины традиционно обозначают его вертикаль:

П., ст. 3 — *Өлзэтэ маңхн уул* ‘Благодатная снежная гора’
 [Шавалиев 2005: 29].

² Здесь и далее буквой П обозначен пролог цикла.

³ Здесь и далее перевод пролога осуществлен Т. А. Михалевой.

Как и в других циклах эпоса, в прологе Давы Шавалиева присутствует тема построения дворца Джангар-хана:

П., ст. 12–16 — *Ора-юуһинь болхнь — очрлгсн, / Зула-юуһинь гидм болхла — сшилгсн, / Өрүни зүүдн болм дүңгэ / Өңгтэ шар цоохр бээшц / Бээдг сэнж, гинэ* ‘С наверху, увенчанным очиром, / С верхом сплошь с узорчатой резьбой, / Сновидению в утренний час подобный, / Сияющий жёлто-пёстрый дворец / Стоял, говорят’ [Шавалиев 2005: 29].

В качестве необходимого слагаемого в прологе представлен магтал Джангару. Как известно, магтал — это целенаправленное описание, обусловленное задачей воспевания-восхваления. В соответствии с традицией Дава Шавалиев в магтале Джангару приводит описание внешнего облика, одежды, украшений, подчеркивая красоту и величие героя.

П., ст. 23–44 — *Даларн далн һурвн арчм, / Давсгарн найн һурвн арчм, / Тал дундахурн тэвн һурвн арчм, / Тасргчарн һучн һурвн арчм, гинэ. / Ирү жқилднь / Эгцлэд уга / Эгц хар шалу / Ээмин аю дахад, / Гаңхад йовдг, гинэ. / Хэрү жқилднь / Хээчин үзүр күргэд уга / Хар улан шалу / Халхин аю дахад, / Гаңхад йовдг, гинэ. / Таңһд улан халхнь / Миимлзгсэр йовдг, гинэ, / Тасин жқивр сахль / Гарин гүүлгэр йовдг, гинэ. / Эрүүхн эрэтэ кишлгэн / Өмссн болдг, гинэ. / Эрднь тэвн давхр шеемгэн / Өмссн болдг, гинэ* ‘В семьдесят три аршина плечи у него, / В восемьдесят три аршина бёдра у него, / В поясе пятьдесят три аршина у него, / В тридцать три аршина [крепкая] шея у него, говорят. / В наступившем году / Ещё не подстриженная / Тугая чёрная коса его / В такт движению плеч / Качается, говорят. / В минувшем году / Лезвиями ножниц не тронутые / Чёрные локоны его, / О щёки ударяясь, / Качаются, говорят. / Тангутские румяные щёки его / Пухлые, говорят, / Подобные крыльям орла усы свои / Поправляет он рукой, говорят. / С едва приметным узором рубашку / Надевает он, говорят, / На неё в пятьдесят слоёв из ценной шерсти / Надевает [одежду] он, говорят’ [Шавалиев 2005: 30].

В прологе звучит и магтал коню, представляющий собой образец одного из своеобразных жанров фольклора кочевников. Магталы коню были широко распространены в устной поэзии монголоязычных и тюркоязычных народов как самостоятельные произведения, а также включались в ткань эпического повествования. Есть свидетельства о проникновении восхвалений коню в древнекитайские письменные памятники [Окладников 1949: 317–318], что говорит о древности традиции.

В магталах описываются и воспеваются достоинства скакуна: его масть, поступь, экстерьер, темперамент, скорость бега. В идеализированном образе коня воплощены эстетические представления кочевников. Формообразующую особенность магтала коню как «расчлененного» (по частям) описания животного с их явной гиперболизацией отмечает Б. Л. Рифтин [Рифтин 1982: 71].

По мнению Ю. М. Соколова, «ни один эпос не уделил столько любовного внимания обрисовке коня, ухода за ним, его повадок, красоты, его качеств, как калмыцкий „Джангар“» [Соколов 1963: 25]. Устойчивость основных черт развернутого описания коня в «Джангаре» свидетельствует о тщательной разработке этой темы сказителями. В прологе Давы Шавалиева магтал коню начинается с формулы принадлежности:

П., ст. 76–79 — *Алдр богд Жаңһрин / Эврэ бийнь / Унад оркгсн күлг*
‘Славного богдо Джангара / Самого / Верховой скакун’ [Шавалиев 2005: 31–32].

Мастерство джангарчи проявляется и в звуковой организации самого стиха, и в его лаконичности:

П., ст. 93–104 — *Сэн болдг бийән / Сээр талан хурагсн, / Сээхн болдг бийән / Чееж талан хурагсн, / Хурдн болдг бийән / Хашл дөрвн турун талан хурагсн, / Хуриц болдг бийән / Хойр алг тәрни нүдн талан хурагсн, / Гатцин шил деегүр харад, / Саадг сээхн сүүлән өргэд, / Саадглад бээдг / Сээхн арнзлын хурдн Зеерд күлг, гинэ* ‘Прекрасную статью свою, / К крупу своему подобрал, / Красоту свою / К груди своей подобрал, / Быстроту свою / К драгоценным четырем копытам подобрал, / Остроту свою / К двум красным колдовским глазам подобрал’ [Шавалиев 2005: 32].

В системе художественных средств и приемов, которые джангарчи используют при описании внешности, силы, необыкновенных способностей персонажей, а также передавая динамику развития сюжета, ведущую роль играют стереотипные средства выражения — «общие места» (*loci communes*). Словесно-художественные единства, переходящие из текста в текст, называют также «типическими местами», «типическими описаниями», «типическими формулами», «этнопоэтическими константами» [Гацак 1999: 111–112].

А. Лорд, рассматривая такие типические формулы, подчеркивает в качестве главного их признака связь с «метрическими условиями» [Лорд 1994: 83]. По мнению ученого, «исследование формулы должно начинаться с рассмотрения метрики и музыки» [Лорд 1994: 83].

Действительно без мелодии невозможно себе представить исполнение «Джангара». «Мелодия, — писал В. Котвич, — играла в искусстве джангарчи наибольшую роль, ее воспроизведение, по существу, и решало вопрос о достоинствах джангарчи. Она крепко врезалась мне в память...» [Котвич 1958: 198].

Б. Я. Владимирцов отмечал, что «ойратские певцы эпопей большое значение придавали *тобшуру*⁴, говоря, что без него очень трудно, почти невозможно вдохновиться» [Владимирцов 1923: 48].

Об исполнительском искусстве Давы Шавалиева с восхищением писал калмыцкий поэт Ц. Леджинов: «Перед нами молодежавый, худощавый человек. Ему исполнилось 47 лет. В руках у него домбра. Под ее аккомпанемент он поет песни калмыцкого эпоса. Исключительно лиричен его голос. Звуки старинно-

⁴ Калм. *товшур* — струнный щипковый музыкальный инструмент.

го напева несутся далеко в степь и сливаются далеко с пением птиц и весенним ветром» [Леджинов 1939: 3].

К сожалению, до сих пор нет музыкального анализа певческого мастерства рапсода. Но образцы исполнения эпоса джангарчи Давой Шавалиевым, записанные на пластинке и магнитофонных лентах, передают мелодику его богатого модуляциями голоса, легко переходящего из одной тональности в другую.

О значении поэтических средств героического эпоса «Джангар» академик С. А. Козин писал: «... внимательно прислушиваясь к мотивам лирических элементов поэмы, представленных в излюбленном общемонгольском жанре похвал и плачей (магтал), можно проникнуть в самые сокровенные и задушевные идеи и идеалы степняка-певца и тем самым в понимание и выявление основных линий и замыслов, реализуемых в поэме» [Козин 1940: 69].

Согласно композиции эпоса, типические формулы подразделяются на инициальные, медиальные и финальные. Мы попытаемся рассмотреть их как элемент динамики живого эпического повествования.

Инициальные формулы вводят слушателя в эпический мир, определяют место и время повествования, представляют основных персонажей, обозначают исходную ситуацию [Алиева 1986: 127].

Наиболее устойчивыми в прологе Давы Шавалиева оказываются формулы, определяющие: 1) месторасположение дворца Джангара; 2) социальное и семейное положение героев.

Пролог цикла начинается с указания места построения ханского дворца:

П., ст. 3–7 — *Өлзэтэ маңхн уулын / Довтлгч омрун дор бэргсн, / Живхлцтэ жирн ийсн / Арья Цаһан холын этэ / Белчр-юуһинь боон бэргсн* ‘Под благодатной снежной горой / Вознёсшимся выступом воздвигнутый, / У той, что величавым шестидесяти девяти рекам начало даёт, — / У красивой реки Цаган, / В месте, где сливается она, воздвигнутый’ [Шавалиев 2005: 29].

Джангарчи использует формулу принадлежности «Энүг эзлгч / Эзнь юн күмн болхви?» («Кто властелин над этим?»), чтобы представить слушателям героев повествования. Первым представлен правитель страны Джангар. В описании богатырского телосложения хана активно используется гипербола.

П., ст. 21–26 — *Энүг эзлгч / Эзнь гидм болхла — / Даларн далн һурвн арчм, / Давсгарн найн һурвн арчм, / Тал дундахарн тэвн һурвн арчм, / Тасргчарн һучн һурвн арчм гинэ* ‘В нём обитающий / Владелец [таков] — / В семьдесят три аршина плечи у него, / В восемьдесят три аршина бёдра у него, / В поясе пятьдесят три аршина у него, / В тридцать три аршина [крепкая] шея у него, говорят’ [Шавалиев 2005: 30].

Поначалу статичное описание героя переходит в динамичное:

П., ст. 27–40 — *Ирү жсилднь / Эгцлэд уга / Эгц хар шалу / Ээмин аю дахад, / Гаңхад йовдг, гинэ. / Хэрү жсилднь / Хээчин үзүр күргэд уга / Хар улан шалу / Халхин аю дахад, / Гаңхад йовдг, гинэ. / Таңһд*

улан халхнь / Миимлэгсэр йовдг, гинэ, / Тасин живр сахлнь / Гарин гүүлгэр йовдг, гинэ ‘В наступившем году / Ещё не подстриженная / Тугая чёрная коса его / В такт движению плеч / Качается, говорят. / В минувшем году / Лезвиями ножниц не тронутые / Чёрные локоны его, / О щёки ударяясь, / Качаются, говорят. / Тангутские румяные щёки его / Пухлые, говорят, / Подобные крыльям орла усы свои / Поправляет он рукой, говорят’ [Шавалиев 2005: 30].

Магтал Шавдал, так же как и магтал Джангару, начинается с формулы принадлежности:

П., ст. 63 — *Хатлгсн хатнь ямр болхви?* — ‘Взятая им в жёны хатун какова?’ [Шавалиев 2005: 31].

В описании красоты хатун, как в песнях других циклов, говорится о свете, исходящем от ее лица:

П., ст. 66–75 — *Мөн тохстна толһа һаргсн, / Мөндр цецн герлтгсн / Аһ Шавдл хатн / Дугтудан бээх цагтан / Долан сарин гегэтэ, / Дугтуһасн мөлтрсн цагтан / Дүүрң арвн тавна сар, нарни гегэтэ, / Хөрн тавн дууна һазрас / Күжү күкрин үнр күңкнэгсэр йовдг / Аһ Шавдл хатн сәнжэ гинэ.* ‘Словно пава, голову держащая, / Словно прозрачный град, с ясным умом / Ага Шавдал хатун [сиянием] была подобна тому, / Как в чехле находясь [что-либо], / Семи лунных серпов свет излучает, / Если вынуть из чехла, / Полной луны в пятнадцатый день и солнца свет излучает, / На расстояние в двадцать пять дун / Благовоний аромат она источает, / Такова была ага Шавдал хатун, говорят’ [Шавалиев 2005: 31].

Во всех циклах эпоса «Джангар» сказители воспевают способности и достоинства Шавдал: в прологе Давы Шавалиева хатун представлена «словно прозрачный град, с ясным умом», в прологе Малодербетовского цикла сказано, что она *Туң найн хойр билг үлгүр / Тодрха төгсгсн, / Галвр эгшг дута / Ганцхн Жаңһрин хатн / Геглзгсн суудг* ‘Превосходных восемьдесят два улигера / Подробно знающая, / С волшебным звучащим голосом / Единственно Джангару [предназначенная] хатун / Величаво восседает’ [Догшн Шар Гүргүһин бөлг рукопись 1862: 8], а в прологе Ээлян Овла говорится, что когда она *Йири негн чивһстэ / Ендр мөңгн хууран авад татхла, / Хулсн дундан өндгелсн / Хунын дун һарад, / Нур дундан өндгелсн / Нуһсна дун һарад, / Арвн хойр айсар / Чаишурдад одв.* ‘С девяносто одной струной / Серебристый хур свой взяв, когда стала она играть, / В камышах снесшей яйцо / Лебёдушки голос слышался, / Среди озера снесшей яйцо / Утицы голос слышался, / Двенадцать мелодий / Зазвучало’ [Жаңһр 1978, Т. 1: 373].

Представляя богатыря Хонгора, певец, в отличие от других циклов эпоса «Джангар», называет его внуком Таки Зула-хана, в сущности объявляет братом Джангара. По мнению А. Ш. Кичикова, «этот мотив <...> появился в результате эволюции образа, ставшего в сознании некоторых слушателей настолько близким, что из богатыря-сподвижника хана превратился в его родственника» [Кичиков 1967: 71].

П., ст. 111–121 — *Тэк Зула хаани ач болдг, / Тацсг Зула хаани жич болдг, / Төөлрг тивд алдр Ширкин / Төвшүн Шигширхэс харсн / Ууһн үрн, гинэ. / Йисн нас деерэн бэрн харгсн, / Аль дөрвн тивин дээсиг даргсн, / Аюл ик бөк Азг Улан Хоңһр, гинэ. / Унад оркгсн күлгнь болхла, / Оцл Дамбан Көк Галзн күлг, гинэ* ‘Таки Зула-хана внук он, / Тангсаг Зула-хана правнук он, / Во всей округе прославившегося Ширки [сыном —] / Спокойным Шигширги рождённый / Первенец он, говорят. / Родившись, сразу девятилетним ставший, / На всех четырёх материках врагов одолевший, / Неимоверной силой обладающий / Улан Хонгор Превосходный, говорят. / Верховой скакун его — / Оцол Дамбы [жеребёнок—] Кёке Галзан скакун, говорят’ [Шавалиев 2005: 31].

Особое место в композиции эпоса занимает сцена пира в ханском дворце. В «Джангаре» пир является как отправной точкой, так и заключительным звеном эпического повествования. «Правильное» расположение участников за пиршественным столом указывает на сложившуюся в эпическом государстве иерархию, демонстрирует социальную дифференциацию ханского окружения. В прологе Давы Шавалиева центральное место — самое почетное, занимает его эпический властелин:

П., ст. 191–193 — *Нээмн көлтэ / Нэври алтн ширэ деер һарад, / Алдр богд Жаңһр залрад суув.* ‘О восьми ножках / На золотой престол, шёлком лаври обтянутый, / Славный богдо Джангар сел’ [Шавалиев 2005: 35].

Отсчет мест по степени значимости по правую и левую руку ведется от центра. Изображение богатырей, которые, рассевшись в строго определенном порядке, пируют в ханском дворце, свидетельствует о мире и благополучии в стране, ее целостности и величии.

Заключение

Пролог эпического цикла Давы Шавалиева, состоящий из константных тем, является традиционным эпическим образованием, которое свойственно циклическому героическому эпосу «Джангар». Зная принципы сложения эпоса, джангарчи строил свое повествование на определенной основе, состоящей из таких структурно-композиционных элементов, как: описание дворца; магтал владыке Джангару; магтал хатун Шавдал; магтал коню; магтал Хонгору; описание дворца; пир во дворце. Джангарчи широко использовал традиционный и стандартизированный набор поэтических формул, стилистических и композиционных приемов. Опора на сложившуюся традицию удерживала исполнителя в четко ограниченном русле эпического повествования, при этом не препятствуя проявлению индивидуального начала.

Героический эпос «Джангар» дошел до наших дней благодаря таланту певцов эпоса — джангарчи, сохранивших все богатство его содержания и художественные достоинства. Имена многих высокоодаренных рапсодов остались неизвестными науке. Это объясняется тем, что в XIX в. фольклористика в России находилась в стадии становления и запись произведений фольклора про-

изводилась крайне редко. Имена джангарчи стали упоминаться лишь в записях начала XX в.

Эпический репертуар джангарчи Давы Шавалиева является свидетельством живого бытования эпоса «Джангар», важным звеном в развитии эпической традиции многими поколениями рапсодов, благодаря таланту и исполнительскому мастерству которых героический эпос стал величайшим памятником духовного наследия калмыцкого народа.

Источники

- Догшн Шар Гүргүһин бөлг рукопись 1862 — Догшн Шар Гүргүһин бөлг = Песнь о Свирепом Шара-Гюргю // РО БВФ СПбГУ. Calm. С. 4. Inventory No. 1834. Old call number XylQ 544. Golstunsky Collection (1862), No. 3. Л. 1–30. Рукопись на ойратской письм.
- Жанһр 1978 — Жанһр: хальмг баатрлг дуулвр (25 бөлгин текст: 1–2 боть) = Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен) / сост. А. Ш. Кичиков; ред. Г. И. Михайлов. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. Т. 1. 441 с. Т. 2. 417 с.
- НА КалмНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 641 — Акт о приобретении // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Фонд 1. Оп. 1. Д. 641. Л. 1 (Акт о приобретении). Машинопись. 24 л.
- НА КалмНЦ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 57 — Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Фонд 21. Оп. 1. Д. 57 (Бурдуков А. В. Ойрат-калмыцкие сказители). Машинопись. 36 л.
- НА КалмНЦ РАН Ф. 21. Ед. хр. 6 — Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Фонд 21. Ед. хр. 6 [Джангар. Копия рукописи Бурдукова А. В.]. Рукопись. 77 с. На калм. яз.

Sources

- Act of Purchase. At: Scientific Archive, Kalmyk Scientific Center (RAS). Coll. 1. Cat. 1. File 641. P. 1. Typescript. 24 p. (In Russ.)
- Burdukov A. V. Oirat-Kalmyk Taletellers. At: Scientific Archive, Kalmyk Scientific Center (RAS). Coll. 21. Cat. 1. File 57. Typescript. 36 p. (In Russ.)
- Dogshn Shar Gurguyin Bolg*: The Song of Shara Gyurgyu the Furious. Oirat manuscript. At: Manuscript Department, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University. Calm. С. 4. Inventory No. 1834. Old call number XylQ 544. Golstunsky Collection (1862), No. 3. Pp. 1–30. (In Oir.)
- Jangar*: A Copy of A. V. Burdukov's Manuscript. At: Scientific Archive, Kalmyk Scientific Center (RAS). Coll. 21. Item 6. Manuscript. 77 p. (In Kalm.)
- Jangar*: A Heroic Epic of the Kalmyks. Texts of 25 Songs. In 2 vols. A. Kichikov (comp.); G. Mikhaylov (ed.). Moscow: Nauka, GRVL, 1978. Vol. 1, 441 p.; vol. 2, 417 p. (In Kalm.)

Литература

- Алиева 1986 — Алиева А. И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 278 с.
- Владимирцов 1923 — Владимирцов Б. Я. Предисловие // Монголо-ойратский героический эпос. Пг.; М.: Госиздат, 1923. С. 7–53.
- Гацак 1999 — Гацак В. М. Пространство этнопоэтических констант // Народная культура Сибири: Мат-лы VIII науч.-практ. семинара Сибирского рег. вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во Омск. гос. пед. ун-та, 1999. С. 109–112.

- Кичиков 1967 — *Кичиков А. Ш.* Версии и песни «Джангара» // Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. 5. Сер. филол. Элиста, 1967. С. 55–72.
- Козин 1940 — *Козин С. А.* Джангариада: героическая поэма калмыков. Введение в изучение памятника и перевод торгутской версии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 249 с.
- Котвич 1958 — *Котвич В. Л.* Джангариада и джангарчи // Филология и история монгольских народов. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 196–199.
- Леджинов 1939 — *Леджинов Ц.* Певец освобожденной степи // Ленинский путь. 1939. 23 ноября. С. 3.
- Лорд 1994 — *Лорд А.* Сказитель. М.: Вост. лит., 1994. 370 с.
- Манджиева 2018 — *Манджиева Б. Б.* Хальмг баатрлг дуулвр «Жаңһр»: Шавалин Даван дурһгин шинжллт болн текстмүд (= Калмыцкий героический эпос «Джангар»: исследование и тексты эпического репертуара Давы Шавалиева). Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 264 с.
- Окладников 1949 — *Окладников А. П.* История Якутии. В 3-х т. Т. 1. Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. Якутск: Якутгосиздат, 1949. 440 с.
- Рифтин 1982 — *Рифтин Б. Л.* Из наблюдений над мастерством восточномонгольских сказителей (магтал коню и всаднику) // Фольклор. Поэтика и традиция. М.: Наука, 1982. С. 70–92.
- Соколов 1963 — *Соколов Ю. М.* Джангар и эпос народов СССР // О «Джангаре»: сборник материалов, посвященных 500-летию калмыцкого народного эпоса. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1963. С. 24–29.
- Церенов 2005а — *Церенов В. З.* Жаңһрч Шавалин Дава // Шавалиев Д. Джангар. Эпический репертуар / сост., подгот. текстов, исслед. и примеч. В. З. Церенова. Элиста: Эрдем, 2005. С. 5–27.
- Церенов 2005б — *Церенов В. З.* Джангарчи Дава Шавалиев. Жизнь и творчество // Шавалиев Д. Джангар. Эпический репертуар / сост., подгот. текстов, исслед. и примеч. В. З. Церенова. Элиста: Эрдем, 2005. С. 140–157.
- Шавалиев 2005 — *Шавалиев Д.* Джангар. Эпический репертуар / Сост., подгот. текст., исслед. и примеч. В. З. Церенова. Элиста: Эрдем, 2005. 191 с.

References

- Alieva A. I. Magic Folktales of the Adyghe Peoples: Poetics and Style. Moscow: Nauka, 1986. 278 p. (In Russ.)
- Gatsak V. M. The space of ethnopoetic constants. In: Folk Culture of Siberia. Seminar Proceedings. Omsk: Omsk State Pedagogical University, 1999. Pp. 109–112. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. Jangar: versions and songs. In: Scholarly Notes. Series ‘Philology’. Vol. 5. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1967. Pp. 55–72. (In Russ.)
- Kotwicz W. L. The Jangariad and jangarchis. In: Philology and History of Mongolic Peoples. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1958. Pp. 196–199. (In Russ.)
- Kozin S. A. The Jangariad: A Heroic Poem of the Kalmyks. Introduction to Academic Research and Transation of the Torghut Version. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1940. 249 p. (In Russ.)
- Ledzhinov Ts. Rhapsode of the liberated steppe. *Leninskiy put’*. 1939. November 23. P. 3. (In Russ.)
- Lord A. The Taleteller. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1994. 370 p. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. The Kalmyk Heroic Epic of Jangar: Studies and Texts from Dava Shavaliiev’s Epic Repertoire. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 264 p. (In Russ.)

- Okladnikov A. P. History of Yakutia. In 3 vols. Vol. 1: Yakutia before Its Annexation by the Tsardom of Russia. Yakutsk: Yakutgosizdat, 1949. 440 p. (In Russ.)
- Riftin B. L. Magtals (glorifying verses) to the horse and its rider: excerpts from observations over skillful Eastern Mongolian tale-tellers. In: Folklore, Poetics and Tradition. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 70–92. (In Russ.)
- Sokolov Yu. M. The Jangar and epic traditions of Soviet peoples. In: The Jangar Revisited. Jubilee Collection of Papers. Elista: Kalmyk Book Publ., 1963. Pp. 24–29. (In Russ.)
- Tserenov V. Z. (comp., study, etc.) Shavaliyev D. Jangar. Epic Repertoire. Elista: Erdem, 2005. 191 p. (In Russ.)
- Tserenov V. Z. Jangarchi Dava Shavaliyev. In: Tserenov V. Z. (comp., study, etc.) D. Shavaliyev. Jangar. Epic Repertoire. Elista: Erdem, 2005. Pp. 5–27. (In Russ.)
- Tserenov V. Z. Jangarchi Dava Shavaliyev: life and accomplishments. In: Tserenov V. Z. (comp., study, etc.) D. Shavaliyev. Jangar. Epic Repertoire. Elista: Erdem, 2005. Pp. 140–157. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Foreword. In: The Heroic Epic of Oirat Mongols. Petrograd; Moscow: Gosizdat, 1923. Pp. 7–53. (In Russ.)

ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК / UDC 82-1

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-147-167

Баллада в калмыцкой поэзии XX в. в аспекте синтеза жанров

Римма Михайловна Ханинова¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-1239-5639. E-mail: khaninova@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Ханинова Р. М., 2021

Аннотация. *Введение.* Жанр баллады в калмыцкой поэзии, не имея национальных фольклорных аналогов, базируется на русской литературной балладе советского периода. В статье рассматривается баллада в калмыцкой поэзии XX в. в аспекте синтеза жанров — собственно баллады и поэмы. *Актуальность* работы определяется малой изученностью калмыцкой литературной баллады в жанровой парадигме и в диалоге культур. *Целью* статьи является исследование калмыцкой литературной баллады прошлого столетия в синтезе с жанром поэмы. *Материалы, источники и методы исследования.* *Материалами* исследования стали труды Н. Д. Тамарченко, Д. М. Магомедовой и др. *Источники для изучения* — произведения Михаила Хонинова, Аксена Сусеева и Эрдни Эльдышева в оригинале и художественном переводе. *Основными методами,* использованными в статье, являются историко-литературный, сравнительно-сопоставительный, метод описательной поэтики. *Хронологические рамки* исследования проектируются на вторую половину XX в. *Результаты.* В ходе исследования выявлены, во-первых, синтез баллады с поэмой на примере произведения Михаила Хонинова «Салькнла бээр бэрлдснэ туск баллад» («Баллада о битве с ветром») и его трансформация в поэму при переводе на русский язык, а также во второй редакции оригинального текста, во-вторых, трансформация жанра поэмы Аксена Сусеева «Семен Нимгиров» в балладу («Баллада о гражданском долге») и поэмы Эрдни Эльдышева «Маринеско» в одноименную балладу при русских переводах, в-третьих, найден прототип сусеевского героя, впервые публикуются сведения о нем. *Выводы.* В поэзии М. Хонинова баллада — один из постоянных жанров, новаторский синтез баллады с поэмой в оригинальном тексте явлен и в другом его произведении — «Хальмг күүкнэ туск баллад» («Баллада о калмычке»). Авторские интенции А. Сусеева и Э. Эльдышева, не писавших баллад, изначально были нацелены на жанр поэмы. Таким образом, прослеживаются различные стратегии автора и переводчика в жанровой дифференции избранного произведения на пути к читателю.

Ключевые слова: калмыцкая поэзия, литературная баллада, поэма, прототип, фольклор, история, диалог культур, трансформация, перевод

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Баллада в калмыцкой поэзии XX в. в аспекте синтеза жанров // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 1. С. 147–167. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-147-167

Ballads in 20th-Century Kalmyk Poetry: A Perspective from Genre Synthesis

Rimma M. Khaninova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0003-1239-5639. E-mail: khaninova@bk.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Khaninova R. M., 2021

Abstract. *Introduction.* The ballad genre in Kalmyk poetry, having no national folklore analogues, is based on the Russian literary ballad of the Soviet period. The article examines ballads in 20th-century Kalmyk poetry in the aspect of genre synthesis — the ballad and the poem proper. The relevance of the work is determined by that the Kalmyk literary ballad remains understudied both in the genre paradigm and in the dialogue of cultures. *Goals.* The article aims to examine the Kalmyk literary ballad in its synthesis with the genre of the poem. *Materials and Methods.* The investigated materials are works by N. Tamarchenko, D. Magomedova and others. Works by Mikhail Khoninov, Aksen Suseev and Erdni Eldyshev in the original and literary translations serve as sources for the study. The main research methods comprise the historical-literary, comparative methods, and that of descriptive poetics. Chronologically, the study covers the mid-to-late 20th century. *Results.* The study reveals, firstly, a synthesis of ballad and poem traced through the example of Mikhail Khoninov's 'Салькыла бээр бэрлдснэ туск баллад' ('The Ballad of the Battle against the Wind') and its poem-type transformation in Russian translation, the latter being also evident in the second edition of the original text; secondly, the genre of the poem in Aksen Suseev's 'Semen Nimgirov' (Russ. 'The Ballad of Civic Duty') and Erdni Eldyshev's 'Marinesko' gets transformed into that of the ballad when in their Russian translations; thirdly, the work identifies the prototype of Suseev's main character. *Conclusions.* The ballad proves a most constant genre in M. Khoninov's poetry, and the innovative synthesis of ballad and poem in the original text can also be found in his other work — 'Хальмг күүкнэ туск баллад' ('The Ballad of the Kalmyk Woman'). The authors A. Suseev and E. Eldyshev wrote no ballads, and their intentions had been initially aimed at the genre of the poem. This reveals certain differing strategies of the author and the translator resulting in the genre differentiation of a selected work on the latter's way to the reader.

Keywords: Kalmyk poetry, literary ballad, poem, prototype, folklore, history, dialogue of cultures, transformation, translation

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (state reg. no. АААА-А19-119011490036-1).

For citation: Khaninova R. M. Ballads in 20th-Century Kalmyk Poetry: A Perspective from Genre Synthesis. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13(1): 147–167. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-147-167

Введение

В жанровой системе калмыцкой поэзии 1930-х гг. появилась первая литературная баллада — дошедшая в виде отрывка «Хөөтин туск баллад» («Баллада о будущем») Гари Даваева (1913–1937) [Даван Н. 1959]. Она ознаменовала освоение нового жанра калмыцкими поэтами и определила развитие литературной калмыцкой баллады в прошлом столетии. Генезис ее связан с русской литературной балладой советского периода, поскольку в калмыцком фольклоре балладной формы не было. Обращение калмыцких авторов к опыту русской литературной баллады советских поэтов повлияло на доминирование героико-патриотического и политического типов баллады, обращенных ко времени революции, Гражданской войны, Великой Отечественной войны, к коммунистическому движению зарубежных стран.

Современная действительность предвоенной, военной и послевоенной поры формировала в калмыцкой поэзии тип балладного героя-борца за социалистическое будущее, за коммунистические идеи, за свободу Отечества, надолго определив вектор развития этого жанра. На периферии оставались анималистическая, любовная, дружеская, пародийная и прочие баллады, немногочисленные примеры которых подтверждали мейнстрим жанра калмыцкой литературной баллады героико-патриотической направленности, угаснувшей в новом столетии. В творчестве тех или иных калмыцких поэтов баллада была или в центре внимания, или имела точечный характер обращения, или не привлекала внимания.

Среди авторов, постоянно осваивавших этот жанр во второй половине прошлого века, был Михаил Хонинов (1919–1981), который экспериментировал в диапазоне собственно баллады и баллады-поэмы. У национальных поэтов произведения, созданные на родном языке, при переводе на русский язык нередко получали иное жанровое определение по разным причинам. Так, у Михаила Хонинова «Салькнла бээр бэрлдснэ туск баллад» («Баллада о поединке с ветром») стала поэмой «Битва с ветром» в переводе Валентина Португалова, у Аксена Сусеева (1905–1995), не писавшего баллад, поэма «Семен Нимгиров» обратилась в «Балладу о гражданском долге» под пером Виктора Стрелкова, как и у Эрдни Эльдышева (г. р. 1959), также не создававшего баллад, поэма «Маринеско» трансформировалась в одноименную балладу стараниями Александра Соловьева. Возникают вопросы: насколько в калмыцкой поэзии оправданы такие метаморфозы с оригинальным текстом и его переводом, дает ли жанровая дефиниция оригинала для этого повод и возможности перекодирования одного жанра в другой, наконец, можно ли говорить о синтезе баллады и поэмы в том или ином случае? Поскольку в теории литературы баллада и поэма являются жанрами, постоянно развивающимися от канонических образцов к неканоническим, сохраняя при этом «память жанра» (по формуле М. М. Бахтина), постольку интересно изучить их функционирование в калмыцкой поэзии прошлого века на пограничных примерах. В этом плане указанные произведения трех авторов не были объектом и предметом данного исследования в калмыковедении, что и определило актуальность и новизну, цель и задачи, методы статьи. Выбор в качестве материала перечисленных текстов этих авторов обусловлен временем их создания (1964; 1967–1969; 1988), сюжетом-поединком, заглавным героем, жанровой трансформацией оригинала или перевода.

Баллада и поэма калмыцких поэтов в диалоге автора и переводчика Синтез баллады-поэмы в поэзии Михаила Хонинова

«Салькнла бээр бэрлдснэ туск баллад» («Баллада о поединке с ветром») Михаила Хонинова опубликована вначале в газетном варианте [Хоньна М. 19676], затем в книжном с чуть измененным заглавием — «Салькнла бээр бэрлдсн баллада» [Хоньна М. 1967а] в 1967 г. Данный жанр изначально был избран автором, написавшим такие баллады, в заглавии которых указана эта дефиниция: «Зургин туск баллад» («Баллада о портрете») [Хоньна М. 1969а], «Кличевин туск баллад» («Баллада о Кличеве») [Хоньна М. 19696], «Белорусск ө-шуһу модна туск баллад» («Баллада о белорусских лесах») [Хоньна М. 1970]. Близка к балладе о ветре и «Хальмг күүкнэ туск баллад» («Баллада о калмычке») [Хоньна М. 1979; Хоньна М. 1981], написанная спустя десять лет, переведенная как поэма [Хонинов 2002].

В хониновской книге «Шүлгүд болн поэмс» («Стихи и поэмы», 1967) «Салькнла бээр бэрлдсн баллада» насчитывала 451 строку, включая заглавие, место и дату написания (Элст, 1967 ж.). Вторая редакция произведения представлена в книге «Эрэсэн тенгр дор» («Под небом России», 1971) под названием «Хар салькнла бээр бэрлдлһн» («Битва с черным ветром») с другой жанровой дефиницией «поэм» («поэма»); она больше объемом (749 строк), место и дата создания иные (Москва — 1969 ж.) [Хоньна М. 1971].

Произведение на русский язык начал переводить московский поэт Валентин Португалов (1913–1969), автор восьми поэм и «Колымской баллады» (1938). С Валентином Валентиновичем, своим преподавателем, Михаил Ванькаевич познакомился во время учебы (1967–1969) на Высших литературных курсах (ВЛК) при Литературном институте им. А. М. Горького. Завершил перевод, отказавшись от соавторства, московский поэт Александр Межиров (1923–2009), один из преподавателей на ВЛК в те же годы. Спустя много лет после ухода из жизни автора и двух переводчиков сложно восстановить процесс работы, причину смены жанра при переводе. Во всяком случае в переводе произведение публиковалось как поэма под разными названиями: «Битва с ветром» [Хонинов 1969; Хонинов 1970], «Побежденный ветер» [Хонинов 1972].

Хониновский оригинал структурирован без равномерного деления на строфы, в переводе есть отдельные строфы, оба текста включают «лесенку».

У В. Португалова перевод «Битвы с ветром» в журнальном варианте имел 742 строки, т. е. больше на 291 строку по сравнению с оригиналом. В книжном варианте 1969 г. — 665 строк, т. е. меньше с предшествующим переводом на 77 строк. В книжном варианте 1972 г. — 590 строк, он был сокращен, назывался уже «Побежденный ветер». Возможно, здесь речь идет о работе редакторов издания.

Произведение вызвало литературную полемику. Московский критик Н. Цветкова в рецензии на книгу «Битва с ветром» увидела в поэме большую удачу поэта, посчитав ее ценным вкладом в сокровищницу национальной литературы, всей советской литературы [Цветкова 1971: 9]. «Глубокое философское обобщение находим мы в поэме „Битва с ветром“, давшей название новой книге Михаила Хонинова. Лирический герой поэмы вступает в единоборство с ветром — олицетворением злой стихии. Борьба тяжела, почти непосильна, но

под ногами человека родная земля, „славный бугор Богзог“, придающий ему силы. Наконец противник повержен, осталось его уничтожить — и можно торжествовать победу. И вот тут-то мы подступаем к самому главному в поэме. Дело в том, что образ ветра по сути своей диалектичен:

*Но если в степи ковыльной
ветер я умертвлю, —
В холм превращу могильный
землю, что так люблю...*

Обуздать силы природы, любые противоборствующие силы, не истребить, а покорить, заставить служить добру — вот подлинная задача человека — борца и преобразователя мира.

Мажорный финал поэмы — гимн человеку, лишившему ветер „силы мрачной и злой“, „Человеку, хозяину земли“.

*<...> И мчится калмыцкой степью,
летит, ковылем звенит
Порывистый, гордый, быстрый
ветер — степной джигит.*

Неповторимое своеобразие поэмы „Битва с ветром“ — в органическом слиянии ее остросовременного содержания с традиционной для калмыцкого фольклора формой. Из народных сказок, из великого эпоса „Джангар“ пришла в сегодняшний день битва богатыря с многоголовым чудовищем — мусом, черты муса узнаем мы в облике ветра. Поэма доказывает, насколько плодотворен путь освоения и развития традиций устно-поэтического творчества народа. Это большая удача Михаила Хонинова, ценный вклад в сокровищницу национальной литературы, всей советской литературы» [Цветкова 1971: 9].

В. Очиров назвал поэму М. Хонинова удачной стилизацией, «где автор использует традиционный для эпических произведений принцип сюжетосложения: зачин, битва героя с противником (в поэме названного автора — ветер), победа над ним и ликование победителя. Образ ветра, как показывают и лирические стихи поэтов Х. Сян-Белгина, К. Эрендженова, и поэма „Бригадир“ С. Каляева, стал традиционным для калмыцкой литературы и в каждом конкретном случае несет самые различные функции. Функциональная заданность влияет и на портретную характеристику образа: в тех случаях, когда он несет доброе, успокаивающее начало, характеристика дается в светлых теплых красках, а в других, когда образ олицетворяет злое начало в природе, он ассоциируется с шулмусами, мангасами — сказочными чудовищами калмыцких сказок, т. е. принципы характеристики уже иные. В поэме М. Хонинова фольклорная заданность образа ветра предполагает портретную характеристику в духе народной сказочной традиции. С этой целью автор использует гиперболу с ориентацией на фольклор <...>

В поэтике фольклора написана и сцена битвы героя с ветром:

*Вот он, ветер-ветрище, кружится
надо мной.*

*Воеет, истошно свищет, огромной
Трясет головой,
Сверкают глаза кровавые —
Опаляющих два огня...
Он вихрем, злобно ревушим,
Обрушился на меня.
Но в сторону я отпрянул...
И врезался ветер в курган,
Змею прорезал воздух
Брошенный мной аркан.*

Поэма М. Хонинова „Битва с ветром“ — это стилизация, но стилизация талантливая, говорящая о тех больших возможностях, таящихся в обращении к народнопоэтическому наследию, если это обращение — творческое» [Очиров 1987: 71–72].

Слабой в идейно-эстетическом плане назвал поэму «Битву с ветром» Н. Поляков. По его словам, «„издержки поэтического производства“ еще слишком заметны у Михаила Хонинова. Например, идущая от фольклора символика в изображении ветра, как враждебной всему живому силы и одновременно животельного начала, вызывает у читателя неудовлетворенное чувство непоследовательностью и противоречивостью ее разработки» [Поляков 1972: 3]. Вторит этому исследователю и З. Килганова в рецензии на хониновскую книгу «Все начинается с дороги». «Включенная в книгу поэма „Побежденный ветер“ — по существу первая попытка автора выйти за рамки стихотворения, если не считать небольшой поэмы „Бой на Березине“. Поэма „Побежденный ветер“ подверглась некоторой переработке.

Сюжетная основа поэмы проста: человек вступил в единоборство с ветром, укротил его и заставил служить людям. Человек в изображении М. Хонинова становится собирательным образом, наделенным чертами сказочного богатыря; персонифицированный образ чудовища-ветра — олицетворение темных, слепых сил природы. Категорическое утверждение „Я ненавижу ветер“, высказанное в первой строчке поэмы, в последующем изложении сменяется разъяснением причин такого отношения человека к ветру:

*<...> Нетерпеливый и дерзкий,
не боится он никого.
За вероломство и злобу
я ненавижу его.*

А дальше все развивается в соответствии с традициями классического описания поединка. Ветер бросает человеку вызов, человек его принимает. Желая показать, что победа человека была нелегкой, автор придает образу ветра черты, которые должны олицетворять его силу. Но желаемого результата не получилось, потому что художнику изменило чувство меры. Получилось что-то невообразимо кошмарное, какое-то нагромождение ужасов <...> Здесь и огромная борода, и рога, как пики, и даже „восемь верблюжьих шей“. Видимо, не украшает поэму и описание расправы человека с ветром, выдержанное в натуралистических тонах. <...>» [Килганова 1972: 3].

В рецензии на книгу М. Хонинова «Эрэсэн теңгэ дор» («Под небом России») А. Маньков (псевдоним А. Джимбиева) писал: «„Хар салькнла бээр бэрлдлһн“ гидг поэм — онц күүндвр һарһх үүдэвр» [Маньков 1971: 3], т. е. поэма требует отдельного обсуждения. Тем не менее данная поэма не стала предметом такого анализа.

Нетрудно заметить, что никто из перечисленных критиков не обратился к оригиналу, иначе был бы упомянут и жанр произведения. Основное внимание уделено его тематике, сюжету, близости к фольклору. Лишь Н. Цветковой удалось верно подчеркнуть философский характер «Битвы с ветром», остросовременное содержание в синтезе с устно-поэтической традицией.

Насколько важной для М. Хонинова была избранная им тема, говорит возвращение к ней во второй редакции произведения. Поэма была предложена Могилевской писательской организации для обсуждения в мае 1968 г., вызвала такую же полемику: современная/несовременная, антиурбанистическая, философская/лирическая и т. д., перевод В. Португалова признан неудачным [Михаил Хонинов 2016: 50–51].

Новаторство М. Хонинова проявилось как в форме, так и в содержании оригинального произведения, правда, не до конца последовательное. Так, он согласился с переводчиком на трансформацию жанра — с баллады на поэму, на изменение заглавия: «Битва с ветром» / «Побежденный ветер», что снимает диалектический ориентир авторской манифестации в проблематике взаимоотношения человека с природным миром, придавая экологической теме жизнеутверждающее, победоносное звучание. Между тем можно говорить о мотиве предупреждения в этом произведении калмыцкого поэта, актуальном в эпоху глобальных природных катастроф, опасного загрязнения человеком окружающей среды. Возможно, что именно масштаб философской идеи повлиял на смену жанра постепенно в оригинале, а в связи с этим и на его объем. Это единственное в калмыцкой поэзии эпическое художественное произведение, построенное на фантастическом сюжете поединка человека со стихией, в данном случае ветра. Нет таких сюжетов и в калмыцком фольклоре, как и описания образа ветра. В калмыцких легендах о происхождении ветра говорится: 1) в двух башнях на западе и на востоке живет богатырь, когда он переходит из одной в другую, то дует ветер с той стороны — западной или восточной; 2) ветер спит в глубокой яме с красными краями, покрытой сверху толстым войлоком, охраняет ее древняя старуха, ветер иногда все же срывает войлок и устремляется на волю, но старухе удается накрыть войлоком яму, и ветер утихает; 3) когда дряхлая старуха и ее хромоногая дочь начинают в степи бегать наперегонки, поднимается ветер, когда хромоножка садилась отдохнуть, ветер стихал [Семь звезд 2004: 47–48].

У. Д. Душан приводит версию второй легенды, в которой «старуха эта не караулит никакой норы, но живет в этой котловине в кибитке. Когда она начинает стаскивать со своей кибитки войлоки, тогда начинают дуть ветры. По мере стаскивания сила их увеличивается. Когда же старуха снова начинает покрывать кибитку войлоками, сила ветров постепенно стихает» [Душан 2016: 176].

Правомерное обращение поэта к гиперболизации в портрете природной стихии определило сходство с враждебными силами — мифическими мусами, мангасами, имеющими устрашающий облик и мощь. Это индивидуальная авторская фантазия в изображении зооморфного облика ветра. Не просто победа, а союз человека с покорившейся стихией необходимы автору в создании национальной картины мира, где все взаимосвязано и равнозначно для гармоничного сосуществования и взаимодействия во времена предков. Такая забота о природосбережении была определена кочевничьим образом жизни степняков, издавна вступающих в борьбу с природными катаклизмами за жизнь, свое хозяйство, скот. Воздействие на усиление ветра, например, для рыбаков определялось рядом магических действий и обрядов, а умаление этой стихии сопровождалось запретом на всякий крик, шум, свист и т. д. [Душан 2016: 175].

В калмыцком языке «салькн» означает 1) ветер, 2) воздух. Градации ветра обозначены следующим образом: *салькн* — ветер, *ху салькн* — вихрь [КРС 1977: 438]. Сравним с определениями: *шурун салькн* — резкий ветер, *сер-сер гисн салькн* — легкий ветерок. Второй пример характеризует состояние такой стихии как благоприятной в эпической стране Бумба из эпоса «Джангар». Ветру адресованы калмыцкие загадки, поговорки и пословицы: *һар кәл уга болв чигн үүд сәкнә* = без рук, без ног, а дверь открывает; *салькн угаһар хулсн нәхлдго* = без ветра камыш не колышется; *салькн хурдн, салькнас санан хурдн* = ветер быстр, а желание быстрее ветра; *седклд сежг уга болхла, сервкәһәр салькн ордго* = если в голове нет ветра, то и между ребрами ветер не дует (о легкомысленном человеке) [КРС 1977: 438]. В монгольском языке «салхи» также означает «ветер» и «воздух» [МРС 1957: 346].

В названии хониновской баллады, таким образом, слово «салькн» имеет оба семантических вектора: собственно ветер и сам воздух, расширяя понятие стихии, в том числе как условия существования человека на земле, невозможного без воздушной атмосферы, необходимой для его жизни и деятельности. Во второй редакции произведения дан эпитет «хар» («черный»), передающий характерный признак черного цвета как символа зла. У калмыков ветры, дующие во время бесснежной зимы, назывались «хара – цод» — «черное горение» [Душан 2016: 173].

Появление или отсутствие ветра, его силу и постоянство калмыки определяли по некоторым приметам: радуга около солнца или луны, тучи при заходе солнца с западной стороны, формы облаков [Душан 2016: 177].

«Ветер — символ неодолимого действия стихии. <...> Как правило, выделялись четыре ветра. <...> На античных рисунках ветры представлены как крылатые, длиннохвостые, бородатые, сильные божества» [Символы, знаки... 2003: 75]. Сравним: у М. Хонинова ветер имеет также два крыла, длинный хвост, бороду, в то же время у него одна козлиная голова, множество паучьих ног.

Национальный образ природы в балладе калмыцкого поэта обусловлен ландшафтом степи, его флорой и фауной, оронимом Борзатин Богзог. По классификации М. Эпштейна, в эпизоде поединка изображен бурный пейзаж [Эпштейн 2007: 157–158], характеризующийся такими устойчивыми призна-

ками, как звуковой (шум, рев, грохот, свист, вой, стон), динамичный (ветер взлетает, опускается, дует, вьется, кружится; гром гремит, земля дрожит, трясется), световой (мгла, сумрак, огонь).

Сюжет в хониновском тексте имеет ядерные маркеры жанра баллады: двоемирие, диалог, герои-антагонисты, опасная ситуация, поединок, угроза смерти, победа, сновидение героя, его пробуждение. Сравним первую и вторую редакцию произведения. В первой редакции онирический ракурс акцентирован в конце произведения подсказкой: «*Серчкэд би / кесгтэн инэв — / Салькн эмд*» [Хоньна М. 1967а: 75]. В нашем смысловом переводе: «*Проснувшись, я долго смеялся — ветер жив*».

Во второй редакции сон уже отсутствует. В художественном переводе двух редакций мотива сновидения нет, план повествования становится мифопоэтическим, являя ирреальный — фантастический — событийный план. Помощником человеку в балладе становится бугор/холм Борзатин Богзог (Борзатин Богзг) как символ родной земли, как равноправный персонаж, вступающий в напряженный диалог с героем. Видимо, это авторский ороним, образованный по аналогии с фольклорным Болзатын Боро. Калмыцкое слово «богзг» означает «низкий, низкорослый, маленький» [КРС 1977: 103], «борзатин» — определение неясного для нас происхождения, ср. «борзн» — «грязный, невымытый» [КРС 1977: 111].

Человек, отвечая на вызов ветра биться не в городе, а в степи, выбирает себе холм Богзог. Холм в калмыцком фольклоре представляет пограничный форпост, наблюдательный пункт для обзора, место отдыха богатырей. Сравним: «Болзатын Боро (Болзатын Бор) — холм в пределах владений Джангара, место временной стоянки в начале пути джангаровых богатырей; Условленный Серый холм; букв.: *болзатын* от *болзалх* — «условливаться», «уговариваться», бор — «серый» [Селеева 2013: 269]. То же наблюдаем и в калмыцких богатырских сказках: Болзатын бор уул [Калмыцкие богатырские 2017].

Гора, как и бугор/холм, хребет, возвышенность, в трехчленной модели мира кочевников (Верхний, Срединный, Нижний) становится медиатором, соединяющим человека из Срединного мира с Верхним миром, где обитают божества. Так, герой баллады, опираясь на землю, обращается и к Верхнему миру, придавая событию космогонический масштаб. Хониновское произведение и в балладном, и в поэнном варианте написано от первого лица, вероятно, актуализируя, с одной стороны, авторское «я», с другой — такой прием символизирует героя как представителя человечества, в целом, повествование от первого лица деканонизирует жанровые признаки баллады.

Можно предположить, что со временем автор посчитал жанровые рамки баллады недостаточными для воплощения замысла, поэтому скорректировал во второй редакции свой текст, полагая, что поэма как лироэпическое произведение большего объема отвечает его философской идее. По нашему мнению, первая редакция была экспериментом калмыцкого поэта, создавшего своей темой инвариант баллады-поэмы по форме и содержанию, обновившего традиционную балладную стратегию. В первой редакции это синтетическое произведение по сюжету-поединку со стихией зооморфного вида в пограничной ситуации, с персонажем-ветром как пришельцем из иного (природного) мира,

с онирической парадигмой — катастрофическая ситуация смерти ветра (счастливый финал: «сон не в руку¹»).

Современные исследователи, сопоставляя поэму с жанром эпоса, выделяют существенную характеристику поэмы: двоемирие, встречу героя с иномирными силами, при сопоставлении с лирическими и романскими жанрами — доминирующую роль субъекта (персонажа и/или повествователя) по отношению к внешним обстоятельствам, в которых развивается действие, и к самим событиям [Магомедова 2018: 11–12].

Лирический субъект М. Хонинова сродни демиургу: ему внят и соизвучен язык стихии, о чем заявляется уже в первых строках («Салькна келиг би тээлдүв, / Сальк дахад нам дуулдув»), а в последних строках он воздаст должное ветру, призывая его вольно петь, ведь сама вселенная слушает эту песню: «Салькн, / дууһан дурдан дуул, / Сенр орчлц / сонсчана, дуул!» [Хоньна М. 1967а: 77].

Во второй редакции, названной автором поэмой и увеличенной в объеме, отдельные балладные признаки уходят на второй план. Сравним во второй редакции концовку: ветер признал над собой власть человека, стоящего, точно маршал, на своем великом холме Богзог, ставшем для него памятником. «Маршал күн / кевтэ зогсув, / Мөңк Богзгм — / бумблвм болв» [Хоньна М. 1971: 168]. Это уже не союзные отношения человека и природы («чужой» как «свой»), а повелительные в дихотомии «свой» — «чужой».

Фольклорный сюжет «кто сильнее» есть в калмыцкой кумулятивной сказке с говорящим названием «Күн бөк» («Человек-силач»). Когда-то старик со старухой зарезали овцу, ее селезенку отдали божествам как приношение. Поскольку у стариков детей не было, наутро старик вышел из кибитки и увидел, что селезенка примерзла ко льду, спросил у нее, почему примерзла. Селезенка ответила, что лед сильнее. На вопрос любопытного старика, сильнее ли лед, тот ответил утвердительно. «Почему же тогда лед тает на солнце?». Лед тогда признается, что солнце сильнее. Солнце вначале отвечает на вопрос старика, что оно сильное, но соглашается с тем, что гора сильнее его, потому что человек удивлен тем, что солнце застревает в горе. Настала очередь горы, которая тоже сначала сказала, что она сильна. Старик интересуется, почему же гора позволяет человеку в ней копать. И гора вынуждена сказать: «Күн бөк», т. е. «Человек-силач». Следует вывод: «Күүнэс бөк юмн уга болв», т. е. «Нет ничего сильнее человека» [Русско-калмыцкий разговорник 1993: 148].

В этой сказке среди персонажей нет ветра, но утверждается первенство человека. Сравним функцию ветра в пяти разновременных односюжетных вариантах сказки «Богшада» («Воробей») с его характеристикой: *торһн* (шелковистый), *тургн* (быстрый) [Убушиева 2017: 141–142]. В инварианте сказки «Шар богшада» («Желтый воробей») ветер говорит воробью, просящему наказать его обидчиков, что волен делать, что хочет, но все же помогает птице.

Вероятно, во второй редакции можно отнести хониновское произведение и к жанру фольклорно-мифологической поэмы, которая, согласно Н. Д. Тамарченко, отличается «подчеркнутой фольклорностью — как в плане стилистики, так с точки зрения сюжета: используются схемы и мотивы народного творче-

¹ У калмыков увидеть во сне ветер считалось плохой приметой [Лиджиев 2021: 98].

ства, восходящие к национальной (иногда — мировой) мифологии <...> Задача здесь <...> максимально аутентичная реконструкция архаического пласта народного сознания и слова, связанная со стилизацией языковой, мотивной и персонажной образности фольклора, но буквально не совпадающая ни с каким конкретным фольклорным источником» (цит. по: [Магомедова 2018: 17]).

Поэма «Семен Нимгиров» и «Баллада о гражданском долге» в поэзии Аксена Сусеева

Другой пример влияния переводчика на жанровую дефиницию авторского произведения наблюдаем в случае Аксена Сусеева. «Семен Нимгиров» при публикации указан как поэма [Сусен А. 1965], в переводе Виктора Стрелкова поменял название и жанр: «Баллада о гражданском долге» [Сусеев 1975].

По сравнению с первой редакцией баллады-поэмы М. Хонинова сусеевская поэма меньше, насчитывает 155 строк, включая в рамочной конструкции заглавие, посвящение «Теегин баатрин туск поэм» («Поэма о степном герое») и дату создания: «1964 ж., январин 31» [Сусен А. 1965: 33]. Поэма структурирована катренами. Сюжет основан на истории гибели ветеринарного врача во время метели, когда он отправился на помощь к чабанам. Поэт сравнил своего персонажа с солдатами на войне, завершив повествование обращением к ушедшему степняку, что его от души идущий стих навечно прославил героя, а маленький сын Игорек станет под стать отцу, мужественным и надежным. Переводчик же авторское обращение — уже к сыну Нимгирова — перенес в начало произведения, в пролог, нумерованный, как и остальные части, всего их пять. Патетика именного обращения («Пишу для тебя...») выстроена на антитезе «герой – трус»: «Выполнил он / свой / Гражданский долг / В мирные дни!» [Сусеев 1975: 198].

В отличие от оригинала перевод состоит из строф разной величины с использованием «лесенки», поэтому объем был увеличен до 394 строк, т. е. более чем в 2,5 раза. Переход ко второй части баллады Стрелков обозначил в конце пролога: «Это было так...» [Сусеев 1975: 189].

Обратный пример таких метаморфоз, когда перевод меньше оригинального текста, встречаем в случае тандема Э. Эльдышев – А. Соловьев, когда поэма «Маринеско» (216 строк без большого эпиграфа) тоже трансформирована в балладу (55 строк без эпиграфа).

Возвращаясь к сусеевской поэме, подчеркнем: сюжет противоборства человека с зимней стихией (у М. Хонинова — летний дневной пейзаж) передан в реалистической манере. Частотное в тексте слово «шуурһн» по-калмыцки означает «метель, буран, пурга» [КРС 1977: 684], непогода сопровождается осадками (цасн = снег), ветром (салькн), ухудшается ночью с темнотой (сө, харһу = ночь, темнота, темный).

Но если в хониновском произведении в двух редакциях сила человека равна стихии, более того — он ее победитель, то в сусеевском стихия физически погубила человека: он замерз в степи, не добравшись до цели, но и не отступив от нее. В книжной публикации поэма вошла в первый раздел «Политическ лирик» («Политическая лирика»), актуализировав идеологический, воспитательный, нравственно-моральный модус произведения (в переводе Стрелкова есть сравнение персонажа и с коммунистами).

Как в хониновский текст, так и в сусеевский введен бурный пейзаж, который открывает повествование: здесь та же динамика зимней стихии, акустика, мокрый снег, резкий ветер, сравнение бурана с волком, черной замерзшей шубы с железом. Завязка определена стремлением районного ветеринара добраться к чабанам в Бага-Чонос, ведь если овцы умрут, плохим словом помянут его. Эта мысль оформлена прямой речью персонажа. Движение путника на коне сквозь усиливающийся буран периодически прерывается его внутренней речью. В одной он обращается к себе по фамилии, призывая идти вперед, чтобы сберечь народное добро. Ведь за двое суток, пока бушует непогода, овцы могут погибнуть: «Нимгиров, уралан зүтк... / Нутгин зөөрэн харс... / Хойр хонгин шуурһнд / Хөөдэн алулж болдвй?...» [Сусен А. 1965: 28]. Не выдержав, пала лошадь, человек продолжил путь. Ночью мороз усилился («Сө киитн икдв... / Салькн-шуурһн гүдн»), буран и ветер валили с ног путника, сбившегося с дороги, теряющего временами сознание. Такое состояние персонажа мотивировало включение в повествование приема воспоминания («Ухань орж һарад / Урдк хөөдкэн тоолна») и онирического вектора, когда от холода человека клонит в сон. Так, автор вводит отдельные детали биографии своего героя: Нина в Ставрополе на учебе, в селе трехлетний Игорек; Нимгиров вспоминает свое сиротское детство, отсутствие близкой родни, он мечтает вернуться к жене и сыну. В духе времени и в рамках поэтики соцреализма ветеринар размышляет о том, что нельзя допустить падежа овец, из тонкой шерсти которых тысячи костюмов можно получить, советские люди принарядятся, поцелуют Семена Нимгирова. При переводе же Стрелковым воспроизводится диалог героя с самим собою без мотива трудового энтузиазма. Сон одолевает замерзающего человека, его сновидения проецируют картины, расширяющие временной и пространственный диапазон размышлений о стране и о себе. Здесь также наблюдаем стратегические расхождения у автора и переводчика. В первом сновидении герой переносится в Москву, во дворец, он приглашен на свадьбу космонавтов Валентины Терешковой и Валериана Николаева. И гость произносит свой тост, передавая привет из калмыцкой степи, желая молодоженам много детей. Он напоминает о том, что их новые костюмы сделаны из калмыцкой шерсти.

Сравним в художественном переводе. Первое сновидение переносит героя в Элисту, первомайская демонстрация, ласковый ветер, сын Игорек на плечах отца, музыка, песни, флаги, улица Ленина. Тут же второе сновидение, в котором вместо свадьбы космонавтов показана Москва, самолет, Юрий Гагарин идет по трапу, подает руку Семену, обращаясь к нему по имени, подбадривает, соглашаясь, как трудно быть одному в космосе и в буранной степи, призывает не спать, встать, бороться за жизнь. В промежутках между описанием бурного зимнего пейзажа переводчик трансформирует и сновидение путника с Фиделем Кастро. У Сусеева Семену снится Кремль, приезд кубинской делегации, которой степняк доставил восемь овец, чье мясо пришлось по вкусу гостям. Семен подарил коня Фиделю, рассказав вождю революции о том, что перед войной, в сороковом году, в Бага-Чоносе побывал сам Городовиков, которому земляки вручили тоже скакуна. В балладе же Кастро обращается к замерзающему путнику со словами о том, что смертен любой, но бессмертен народ, напоминает о кубинской революции, говорит о том, что пусть Нимгиров и не

сберег народное добро, но выполнил свой долг: «Подвиг твой / Сердце другого / Зажжет!» [Сусеев 1975: 196]. Таким образом, в сновидениях семейный компонент (свадьба космонавтов), личностный ракурс (знакомство с космонавтами и революционерами) заменяются глобальным масштабом (первый космонавт мира) и идеологической направленностью (международная солидарность).

Стихия усыпила путника. «...Шуурһн шуурата, киитн. / Шидрт баран үзгдхш... / Нүд чичм харңһу... / Нүднь аныгдна, унтна...» [Сусен А. 1965: 32]. В смысловом переводе: «Буран бушует, холодно. Не видно ни зги. Мрак, хоть глаз выколи. Глаза закрываются, засыпают». Завершая рассказ о своем герое, калмыцкий поэт актуализирует жертвенный мотив: «Олна жирһлин төлә, / Отгин нернэ төлә / Теегин эндр баатр / Туурсн Семен Нимгиров!» [Сусен А. 1965: 133]. В смысловом переводе: «Во имя жизни, во имя родины прославил свое имя современный степной богатырь Семен Нимгиров!». Для усиления связи между героями разных стран и народов (Гагарин, Кастро) в балладе манифестирована тема героизма людей, преемственности поколений — отцов и детей, снят мотив личного общения степняка с космонавтами и революционерами, тем самым подчеркивается сновидческий элемент на подсознательном уровне персонажа, воспитанного на примерах героического и трудового подвигов. Сравним с хониновской балладой, в которой развернут онирический сюжет.

Повествование в поэме «Семен Нимгиров» организовано, таким образом, рассказом от третьего лица, фрагментарными включениями внутренней речи лирического субъекта, двумя сновидческими картинками (в балладе — тремя), в финале — обращением автора к своему персонажу. На балладном уровне пролог написан от первого лица (автора), все остальные части — от третьего лица. Если в оригинале топонимические маркеры конкретизируют место действия (Москва, Ставрополь, Бага-Чонос), то в переводе отсутствуют, за исключением «московского» сновидения с Гагариным. Поэма создана на современном материале, адресована реальному лицу. В двух литературных текстах акцентирован публицистический компонент, финальные строки у Стрелкова: «Так / умирали / в атаках / Солдаты!» [Сусеев 1975: 198].

Сюжет в поэме ослаблен, в балладной форме переводчик пытался развить его с помощью диалога, рефренов, увеличением количества сновидений, мысленным прощанием человека с семьей. Катастрофическая ситуация противоборства человека со стихией перерастает в дихотомию смерти – бессмертия, бездействия – долга, целесообразности – жертвенности. На наш взгляд, произведение А. Сусеева не являет синтетический жанр поэмы-баллады, это и не входило в авторский замысел, что подтверждено посвящением с указанием жанра поэмы. Усилиями Стрелкова поэма трансформируется в балладу с ослабленным сюжетом и замедленным повествованием, несмотря на ритм и «лесенку», возникает инвариант баллады героического типа.

В этих произведениях М. Хонинова и А. Сусеева балладным пришельцем из иного мира становится, по словам Д. М. Магомедовой, «голос <...> ветра <...>» (цит. по: [Ли Джонг Хён 2018: 81]), бурана; «лирический субъект баллады переживает катастрофическую ситуацию в результате встречи с пришельцем из иного мира, что и определяет суггестивность чтения» [Ли Джонг Хён 2018: 81].

Интересна авторская стратегия при создании поэмы и выборе главного героя. Поэт чуть изменил фамилию своего персонажа (на самом деле Немгиров), но сохранил некоторые биографические факты. Действительно, Семен Михайлович Немгиров — ветеринарный врач, после окончания ветеринарного факультета Ставропольского сельскохозяйственного института в 1962 г. получил направление на работу в Целинный район, трудился в совхозе «Западный». Жена Нина училась на филологическом факультете Ставропольского педагогического института, который окончила в 1964 г. Сыну Игорю в то время было 2 года 5 месяцев. У самого Семена было сиротское детство, в период ссылки калмыцкого народа рос в детдоме (село Хатанга Красноярского края). Он родился в деревне Большая Мога Приволжского района Астраханской области 25 апреля 1938 г., погиб, когда ему было 25 лет, в двадцатых числах января 1964 г., похоронили его 28 января. В ту роковую для него поездку отправился не один, а с русским товарищем, которого спасли отправившиеся на их поиски люди, а Семену уже ничем не могли помочь. Немгиров в дороге передал спутнику свой козюк, сказав, что привычен к холодам после Сибири. Он был физически крепким мужчиной, занимался боксом, побеждал в кулачном бою. Вероятно, А. Сусееву при создании героического образа хотелось выявить типические черты молодого современника, труженика, поэтому в духе фольклорной поэтики он изобразил поединок человека со стихией один на один, продемонстрировав силу его духа. Источником для поэмы, по предположению дочери поэта Д. А. Сусеевой, мог стать рассказ ее мужа, Арслана Хараева, работавшего тогда в Верхнем Яшкуле на сельскохозяйственной станции, об этом событии. В январе 1964 г. он был в Элисте, куда привез семью, встречался с Аксеном Илюмджиновичем Сусеевым. Вместе с тем, история гибели С. Немгирова в свое время была «на слуху» среди земляков. Поэма написана за короткий срок.

Поэма и баллада о Маринеско в поэзии Эрдни Эльдышева

В поэме Эрдни Эльдышева «Маринеско» прототип — легендарный командир подводной лодки в годы Великой Отечественной войны, капитан 3-го ранга Александр Иванович Маринеско (1913–1963). Замысел поэмы возник после прочтения поэтом очерка в газете «Известия» в 1988 г. о прославленном герое-ветеране, скоропостижно скончавшемся в 50 лет. Цитата из этого газетного материала стала эпиграфом к произведению: «„Александр Маринеско... за один поход уничтожил целую дивизию. ... Маринеско потопил почти шестую часть того, что за всю войну потопили все остальные подводники Балтики“». „Известия“, 1988 г.» [Эльдышэ Э. 2007: 291]. В сокращенном виде тот же эпиграф дан и в переводе произведения. В поэме 216 строк (без эпиграфа), в балладе 55 строк (без эпиграфа). Оригинал структурирован без деления на строфы с использованием «лесенки», указаны дата и место создания (25–29.06.1988, Цаһан Нур), в переводе без «лесенки» текст состоит из четверостиший, за исключением одного пятистишия; рамка баллады дана без хронотопа. Поэт общался о своем творческом замысле: «Меня поразил подвиг Маринеско и то, как с ним обошлось военное начальство. Он стал для меня символом простого солдата, который воевал не ради наград и привилегий, а защищал Родину» (из письма автору статьи от 19.02.2021 г.) [Эльдышев 2021б]. Жанровые метамор-

фозы поэт объяснил тем, что переводчик предложил назвать текст балладой: «Поскольку по сюжету это историческая лироэпическая маленькая поэма, я согласился с ним» (письмо автору статьи от 16.02.2021 г.) [Эльдышев 2021а].

Эльдышевская поэма с ослабленным сюжетом представляет по форме монологическую речь лирического субъекта (повествователя). С точки зрения Н. Д. Тамарченко: «Доминирующая роль субъекта (персонажа и/или повествователя) по отношению к внешним обстоятельствам, в которых развивается действие, и к самим событиям». — С этой чертой поэзного жанра связывается и его фабульная специфика: «концентрация потенциально богатого событиями сюжета в немногих „вершинных“ (Жирмунский) точках, а в других случаях — замена внешних событий ассоциативными (т. е. внутренне событийными) связями» (цит. по: [Магомедова 2018: 12]).

Это размышления повествователя на тему истории и роли человека в истории, взаимоотношений государства и индивидуума, подвига и заслуг, личности и репутации. Весь текст организован с помощью приема обращения. В начале это обращение к Балтийскому морю как месту дислокации подводной лодки главного героя, как стихии, связанной с жизнью и деятельностью участника прошедшей войны, затем обращение к капитану как живому. Повествователь призывает Балтийское море освежить в памяти события жестокой войны: «Буурл теңгс, / Балтийск теңгс, / Догшн дээнэ / бээдл сергэһич» [Эльдшэ Э. 2007: 291]. Вспомнить, как люди обращались к командиру Маринеско, мужественному воину, чтобы он разгромил врага, ведь море слышало их. Рассказать о том, кто прославил свое имя в битве с врагом, как командир подлодки обходил минные ловушки, внезапно напал, мстил, словно бог, уничтожая фашистов. Как теперь эти героические события осиротевшей подлодки претворились в легенды. Это своего рода пролог, экспозиция, вводящая читателя в тему произведения.

Основная часть поэмы — закончилась война, враг побежден, солдаты-победители вернулись домой. Обращение повествователя к заглавному герою, жизнь которого кардинально изменилась после войны: «Болв туурсн Командир, / Бахмжта жирһл / медсн угач» [Эльдшэ Э. 2007: 291]. В смысловом переводе: «Но, прославленный Командир, ты не узнал счастливой жизни». Это обращение с местоимением «ты» к уже ушедшему из жизни ветерану, видимо, по мысли поэта, должно было подчеркнуть авторскую интенцию: народный герой. Автор проводит параллели между боевым прошлым своего персонажа: тогда он торпедировал вражеские корабли, защищая отчизну, а теперь торпеда по имени «бюрократ» нацелена в него. Лживые люди, подобные флюгерам, сводили счеты с героем войны. Сам он обратился к Судьбе с вопросом, за что он подвергнулся наказанию, за что родина посчитала его чужим, довела до нужды. Он не может понять, в чем его преступление.

Заключительная часть поэмы — обращение повествователя к заглавному герою с утверждением, что бессмертная Правда засияла, как солнце, под небом родины: «О, Маринеско, / мөңк Үнн / Төрскнэ теңгрт, / нарншц, мандлв» [Эльдшэ Э. 2007: 297]. В связи с этим автор пунктиром транслирует воображаемые события. Только сейчас народ встретил пришедшую с войны знаменитую подлодку, причалила она к пристани. А на легендарной подлодке наверху

стоит сам Маринеско. И не забывшая отважного сына Родина встречает его знаменем победы спустя сорок лет после войны. От имени нового поколения поэт отдает должное ветерану: «Бидн, / баһчуд, / Баатр Командир, чамаг, / Толһа нүцкн, / сөгдж / Тосчанавидн...» [Эльдшэ Э. 2007: 298]. В смысловом переводе: «Мы, молодежь, тебя, героя-Командира, встречаем, обнажив головы, преклонив колени». Повествователь задает капитану вопрос, какие сны снятся ему, заснувшему под лай кичливых собак. Повторив это, он завершает рассказ риторическим вопросом: «Һундл төрж атысн / мадниг / Үзжэдг болвзач?..» [Эльдшэ Э. 2007: 298], т. е. «Видишь ли ты нас, опечаленных из-за этого?».

Как видно из анализа поэмы, автор прибегает к приему умолчания, не передавая детально основные перипетии биографии подводника, считая, что она широко известна. Историзм произведения определен выбором реального героя, участвовавшего в прошлой войне, его послевоенной судьбой. Взгляд поэта на историю страны и историю человека фокусирует прошлое и настоящее сквозь призму исторической памяти для нового поколения.

Сравним с исторической лироэпической поэмой М. Хонинова «Мини халһм» (1970), в которой более развернутый сюжет и фабула, где, по формуле Н. Д. Тмарченко, «герой <...> не только субъект изображения, но и его объект» (цит. по: [Магомедова 2018: 13]), поскольку лирический субъект, ведущий повествование от первого лица, детально воссоздает главные вехи автобиографического героя [Ханинова 2005].

Эльдышевская поэма ближе к большому стихотворению, когда драматизм становится «следствием напряженности чувств <...> автора», отсюда в переводе А. Соловьева попытка «лиризации» баллады [Бобрицких 2011: 9]. Во-первых, роль фабулы (событийного ряда) ослаблена, во-вторых, нет и описания внутренних событий в сознании заглавного героя. И в оригинале, и в переводе произведения «действие <...> стремится к „мигу“, т. е. к фабуле не развернутой, а как бы „точечной“» [Бобрицких 2011: 9].

Как мы указывали ранее, эта баллада состоит в основном из четверостиший, фрагментарность текста подчеркивается отточием нескольких строк, как бы разделяющим повествование на четыре короткие части. Сохраняет переводчик обращение к Балтийскому морю, к Маринеско, кратко констатируя боевые походы подлодки и бюрократическую войну. Стилистика отличается просторечием и сатирической интонацией (например, враг задыхался в бессильном вое, «чинуши, пузы отрастившие в тепле»), снижая пафосность оригинала. Изменена и заключительная часть, сведенная к тому, что «проснулась память о герое»: «И Отчизна, голову склоня, / Прошептала имя дорогое: / „Маринеско!.. Слышишь ли меня?..“» [Эльдшэ Э. 2006: 163]. Произведение Э. Эльдышева, таким образом, можно отнести к разновидности современной лирической поэмы [Узденова 2009: 176], в которой соотношение лирического и эпического смещается в сторону первого.

Заключение

В ходе исследования выявлены результаты встречи калмыцкой поэзии с читательской аудиторией на двух уровнях: оригинальное произведение и его русский перевод, который находится в разных соотношениях с первоисточни-

ком. Во-первых, баллада Михаила Хонинова «Салькнла бээр бэрлдснэ туск баллад» («Баллада о битве с ветром», 1967), изначально задуманная в этом жанре, заявленном в заглавии, явила синтез баллады с поэмой как в газетной публикации, так и в книжной. Во второй редакции «Хар салькнла бээр бэрл-длһн» («Битва с черным ветром», 1969) автор обозначил жанровую дефиницию своего произведения иначе — поэмой, расширив объем и сняв мотив сновидения, ставший в первой редакции сюжетообразующим фактором. Так создается фольклорно-мифологическая поэма на основе авторского сюжета. В первом переводе В. Португалова баллада сразу преобразуется в поэму (журнальная публикация 1969 г.). Во втором переводе сюжетообразующий онирический ракурс снимается. Хониновское произведение, в отличие от неисследованных произведений А. Сусеева и Э. Эльдышева, вызвало литературную полемику, при этом никто не обратил внимания на экспериментальную для него природу синтеза баллады с поэмой.

Иные примеры наблюдаем в обратной трансформация жанра поэмы в балладу при переводе: поэма Аксена Сусеева «Семен Нимгиров» (1964) — «Баллада о гражданском долге» в переводе В. Стрелкова (1975); поэма Эрдни Эльдышева «Маринеско» (1988) — одноименная баллада в переводе А. Соловьева (2006). Если в поэзии М. Хонинова это не единичный пример синтеза баллады с поэмой (см. «Хальмг күүкнэ туск баллад», 1979), то авторские интенции А. Сусеева и Э. Эльдышева изначально были нацелены на жанр поэмы, связанной в одном примере с современностью, в другом — с историей. Объединяют эти произведения заглавные героини-прототипы, один из которых (неизвестный в трудах по калмыцкой поэзии) нами установлен. Сюжет-поединок человека-победителя со стихией (ветер, буран) манифестирован в первых двух произведениях, в третьем — два вида конфликта заглавного героя: с фашистами во время войны, с бюрократами после войны. Ослабленный сюжет и фабула, наличие автора-повествователя с рефреном-обращением к ушедшему из жизни персонажу позволяют отнести эльдышевскую поэму к разновидности лирической поэмы или к большому стихотворению. Сусеевское произведение по сюжету ближе к маленькой лироэпической поэме.

Жанровые границы произведений трех калмыцких поэтов претерпевают изменения с предложением переводчиков, на наш взгляд, в первом случае необоснованным и неудачным. Несмотря на то, что первый переводчик вмешался в жанровую дифференциацию произведения, сняв позже и мотив сновидения, он старался следовать за автором, в отличие от второго переводчика, который, например, внес свои изменения в количество и содержание сновидений, структурировал несколько частей с прологом, подчеркнул своим заглавием другой жанр и актуализировал идею гражданского долга. Все три произведения характеризует наличие активного героя, патриота, гражданина. Переводчики изменили и объем первоисточника в сторону увеличения или уменьшения при смене жанра; так, сусеевская баллада стала больше, а эльдышевская — меньше.

Таким образом, прослеживаются различные стратегии автора и переводчика в жанровой дифференции избранного произведения на пути к разноязычному читателю, в создании баллады в калмыцкой поэзии прошлого столетия — синтез баллады с поэмой, поэма, собственно баллада, претерпевшая измене-

ния. «Среди основных специфических черт деканонизации жанра баллады со всей очевидностью можно выделить, во-первых, повествование от первого лица, открытое проявление лирического героя, который освещает и оценивает сюжет; во-вторых, замещение фантастической основы исторической; в-третьих, несоблюдение формальных признаков жанра; и, наконец, сохранение двух линий в традициях балладного творчества: фантастической фабульности и лирического повествования в стихах» [Гудкова, Пивкина 2018: 251].

Источники

Эльдышев 2021a — Письмо Э. Эльдышева автору статьи от 16.02.2021 г.
 Эльдышев 2021б — Письмо Э. Эльдышева автору статьи от 19.02.2021 г.

Sources

Letter by E. Eldyshev to the author of February 16, 2021. (In Russ.)
 Letter by E. Eldyshev to the author of February 19, 2021. (In Russ.)

Литература

- Бобрицких 2011 — *Бобрицких Л. Я.* Эволюция балладного жанра в поэзии Серебряного века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 2. С. 5–10.
- Гудкова, Пивкина 2018 — *Гудкова С. П., Пивкина Е. В.* Историко- и теоретико-литературные аспекты изучения жанра баллады // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 9. Ч. 2. С. 248–251.
- Даван Н. 1959 — *Даван Н.* Хөөтин баллад (Тасрхань) (= Баллада о будущем. Отрывок) // Хальмг үнн. 1959. Июлин 28. Х. 2.
- Душан 2016 — *Душан У. Д.* Избранные труды. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с.
- Калмыцкие богатырские 2017 — Калмыцкие богатырские сказки / вступит. ст. Б. Б. Манджиевой; подготовка текстов, переложение калмыцких текстов, пер. Б. Б. Манджиевой, Т. А. Михалевой, Ц. Б. Селеевой; примеч., комментарии, указатели, словарь Б. Б. Манджиевой, Ц. Б. Селеевой; отв. ред. А. А. Бурыкин, В. Л. Кляус, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев. М.: АО «Первая Образцовая типография», 2017. 561 с.
- Килганова 1972 — *Килганова З.* «Повсюду степь со мной...» // Советская Калмыкия. 1972. 9 декабря. С. 3.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Лиджиев 2021 — *Лиджиев А. Б.* Вещие сны калмыков: образы и символы: на рус. и калм. яз. Элиста: АУ РК «РИА «Калмыкия», 2021. 208 с.
- Ли Джонг Хён 2018 — *Ли Джонг Хён.* От «тяжкой тайны» ко «второй балладе»: перформативная стратегия символистской и постсимволистской баллады // Память жанра как феномен единства и непрерывности литературного развития: сборник научных трудов / ред.-сост. М. Н. Дарвин, О. В. Федунина. М.: Эдитус, 2018. С. 79–84.
- Магомедова 2018 — *Магомедова Д. М.* Жанровая модель поэмы в работах Н. Д. Тамарченко (по неопубликованным материалам) // Память жанра как феномен единства и непрерывности литературного развития: сб. науч. тр. / ред.-сост. М. Н. Дарвин, О. В. Федунина. М.: Эдитус, 2018. С. 10–17.
- Маньков 1971 — *Маньков А.* Бээрэн эзлх үүдэвр (= Книга, достойная занять свое место) // Хальмг үнн. 1971. Октябрин 22. Х. 3.
- Михаил Хонинов 2016 — Михаил Хонинов. Краткая литературная хроника: учеб. пособие: в 2-х ч. Часть первая. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2016. 238 с.

- МРС 1957 — Монгольско-русский словарь / под общ. ред. А. Лувсандэндэва. М.: Госиздат иностранных и национальных словарей, 1957. 715 с.
- Очиров 1987 — *Очиров В.* Проблема фольклоризма поэмы // Литература Калмыкии на современном этапе: проблемы идейно-художественного развития. Элиста: КНИИФЭ, 1987. С. 64–81.
- Семь звезд 2004 — Семь звезд: калмыцкие легенды и предания / сост., пер., вступ. ст., коммент.: Д. Э. Басаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.
- Сусеев 1975 — *Сусеев А.* Баллада о гражданском долге // А. И. Сусеев. Избранное: поэмы и стихи / пер. с калм. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1975. С. 189–198.
- Сусен А. 1965 — *Сусен А.* Семен Нимгиров // Сусен А. Иньг минь, бичэ март: шүлгүд болн поэмс (= Друг мой, не забудь: стихи и поэмы). Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1965. X. 26–33.
- Поляков 1972 — *Поляков Н.* О мире и войне // Советская Калмыкия. 1972. 2 сентября. С. 3.
- Русско-калмыцкий разговорник 1993 — Русско-калмыцкий разговорник / сост. Э. Ч. Бардаев, В. Л. Кирюхаев. 3-е изд., исп. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 240 с.
- Селеева 2013 — *Селеева Ц. Б.* Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версий эпоса «Джангар». Элиста: КИГИ РАН, 2013. 276 с.
- Символы, знаки... 2003 — Символы, знаки, эмблемы: энциклопедия / под общ. ред. В. Л. Телицына. М.: Локид-Пресс, 2003. 495 с.
- Убушиева 2017 — *Убушиева Д. В.* Кумулятивные образцы в коллекции сказок И. И. Попова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 3. С. 139–151.
- Узденова 2009 — *Узденова Ф. Т.* Формирование концепции поэмы в отечественном литературоведении (теоретический аспект) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2009. № 1. С. 171–176.
- Ханинова 2005 — *Ханинова Р. М.* Тема исторической памяти в поэме «Мой путь» Михаила Хонинова // Вклад народов Северного Кавказа в победу над фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Мат-лы Межрег. научн.-практ. конф. Элиста, 2005. С. 127–129.
- Хонинов 2002 — *Хонинов М.* Сказание о калмычке // М. В. Хонинов, Р. М. Ханинова. Час речи: стихи, поэмы, переводы. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 45–79.
- Хонинов 1972 — *Хонинов М.* Победенный ветер // М. В. Хонинов. Все начинается с дороги: стихи и поэмы / пер. с калм. М.: Современник, 1972. С. 106–122.
- Хонинов 1970 — *Хонинов М.* Битва с ветром // М. В. Хонинов. Битва с ветром: стихи и поэма / пер. с калм. М.: Сов. писатель, 1970. С. 73–94.
- Хонинов 1969 — *Хонинов М.* Битва с ветром // Теегин герл. 1969. № 1. С. 27–40.
- Хоньна М. 1981 — *Хоньна М.* Хальмг күүкнэ туск баллад // Хоньна М. Баһ насн, ханжанав: шүлгүд болн поэмс (= Благодарю тебя, молодость: стихи и поэмы). Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1981. X. 97–149.
- Хоньна М. 1979 — *Хоньна М.* Хальмг күүкнэ туск баллад (= Баллада о калмычке) // Хальмг үнн. 1979. Апрельн 27. X. 4. Чилгчнь. Эклчнь: Апрельн 20. X. 4; Апрельн 26. X. 4.
- Хоньна М. 1971 — *Хоньна М.* Хар салькнла бээр бэрлдлнн // Хоньна М. Эрэсэн теңгр дор: шүлгүд болн поэм (= Под небом России: стихи и поэма). Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1971. X. 147–168.
- Хоньна М. 1970 — *Хоньна М.* Белорусск ө-шуһу модна туск баллад (= Баллада о белорусских лесах) // Теегин герл. 1970. № 2. X. 4–5.
- Хоньна М. 1969а — *Хоньна М.* Зургин туск баллад (= Баллада о портрете) // Хальмг үнн. 1969. Июлин 16. X. 4.

- Хоньна М. 1969б — *Хоньна М.* Кличевин туск баллад (= Баллада о Кличеве) // *Теегин герл.* 1969. № 4. X. 98–99.
- Хоньна М. 1967а — *Хоньна М.* Салькнла бээр бэрлдсн баллада (= Баллада о битве с ветром) // *Хоньна М.* Шүлгүд болн поэмс. Элст: Хальмг дегтр *harhach*, 1967. X. 64–77.
- Хоньна М. 1967б — *Хоньна М.* Салькнла бээр бэрлдснэ туск баллад (= Баллада о битве с ветром) // *Хальмг үнн.* 1967. Июлин 30. X. 3–4.
- Цветкова 1971 — *Цветкова Н.* Добро и свет // *Огонек.* 1971. № 23. С. 9.
- Эльдшэ Э. 2007 — *Эльдшэ Э.* Маринеско // *Эльдшэ Э.* Хойр ботьта үүдэврмүдин хуранду. 1-гч боть (= Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1). Элст: ЗАОР «НПП «Джангар», 2007. X. 291–298.
- Эльдышев 2006 — *Эльдышев Э.* Маринеско // *Э. А. Эльдышев.* Мудрое дерево: стихотворения и поэмы / пер. с калм. Элиста: АОР «НПП «Джангар», 2006. С. 161–163.
- Эпштейн 2007 — *Эпштейн М. Н.* Стихи и стихия. Природа в русской поэзии, XVIII–XX вв. Самара: ИД «Бахрах-М», 2007. 352 с.

References

- Bardaev E. Ch., Kiryukhaev V. L. (comps.) Russian-Kalmyk Phrase Book. 3rd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmyk Book Publ., 1993. 240 p. (In Russ. and Kalm.)
- Basaev D. E. (comp.) The Seven Stars: Kalmyk Legends and Folktales. D. Basaev (foreword, transl., etc.). Elista: Kalmyk Book Publ., 2004. 415 p. (In Russ.)
- Bobritskikh L. Ya. Silver Age: evolution of the ballad genre. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism.* 2011. No. 2. Pp. 5–10. (In Russ.)
- Burykin A. A., Klyaus V. L., Kukanova V. V., Pyurbeev G. Ts. (eds.) Kalmyk Heroic Folktales. B. Mandzhieva (foreword); B. Mandzhieva, T. Mikhaleva, Ts. Seleeva (transl., etc.); B. Mandzhieva, Ts. Seleeva (comments, indices, etc.). Moscow: Pervaya Obratsovaaya Tipografiya, 2017. 561 p. (In Kalm. and Russ.)
- Davan Y. The Ballad of the Future. *Khal'mg ünn.* 1959, July 28. P. 2. (In Kalm.)
- Dushan U. D. Selected Works. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 376 p. (In Russ.)
- Eldshä E. Marinesko. In: Eldshä E. Collected Works. In 2 vols. Vol. 1. Elista: Dzhangar, 2007. Pp. 291–298. (In Kalm.)
- Eldyshev E. Marinesko. In: Eldyshev E. A. The Wise Tree. Verses and Poems. Elista: Dzhangar, 2006. Pp. 161–163. (In Russ.)
- Epshtein M. N. Verses and Forces: Nature in Russian Poetry, 18th–20th Centuries. Samara: Bakhrakh-M, 2007. 352 p. (In Russ.)
- Gudkova S. P., Pivkina E. V. Historical- and theoretical-literary aspects of the ballad genre. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice.* 2018. No. 9. Part 2. Pp. 248–251. (In Russ.)
- Khaninova R. M. Mikhail Khoninov: A Brief Literary Chronicle. In 2 vols. Vol. 1. Elista: Kalmyk State University, 2016. 238 p. (In Russ.)
- Khaninova R. M. My Path by M. Khoninov: theme of historical memory revisited. In: Peoples of the North Caucasus and Their Contribution to the Victory over Fascism in the Great Patriotic War of 1941–1945. Conference Proceedings. Elista, 2005. Pp. 127–129. (In Russ.)
- Khonina M. The Ballad of Belorussian Forests. *Teegin gerl.* 1970. No. 2. Pp. 4–5. (In Kalm.)
- Khonina M. The Ballad of Klichev. *Teegin gerl.* 1969. No. 4. Pp. 98–99. (In Kalm.)
- Khonina M. The Ballad of the Battle against the Wind. In: Khonina M. Under the Sky of Russia. Verses and Poem. Elista: Kalmyk Book Publ., 1971. Pp. 147–168. (In Kalm.)
- Khonina M. The Ballad of the Battle against the Wind. In: Khonina M. Verses and poems. Elista: Kalmyk Book Publ., 1967. Pp. 64–77. (In Kalm.)

- Khonina M. The Ballad of the Battle against the Wind. *Khal'mg ünn*. 1967, July 30. Pp. 3–4. (In Kalm.)
- Khonina M. The Ballad of the Kalmyk Woman. In: Khonina M. Thank You, My Youth. Verses and Poems. Elista: Kalmyk Book Publ., 1981. Pp. 97–149. (In Kalm.)
- Khonina M. The Ballad of the Kalmyk Woman. *Khal'mg ünn*. 1979, April 27. P. 4. Final part. See also: April 20, p. 4; April 26, p. 4. (In Kalm.)
- Khonina M. The Ballad of the Portrait. *Khal'mg ünn*. 1969, July 16. P. 4. (In Kalm.)
- Khoninov M. Struggling against the Wind. In: Khoninov M. V. Struggling against the Wind. Verses and Poem. Moscow: Sovetskiy Pisatel, 1970. Pp. 73–94. (In Russ.)
- Khoninov M. Struggling against the Wind. *Teegin gerl*. 1969. No. 1. Pp. 27–40. (In Russ.)
- Khoninov M. The Defeated Wind. In: Khoninov M. V. It All Begins with the Road. Verses and Poems. Moscow: Sovremennik, 1972. Pp. 106–122. (In Russ.)
- Khoninov M. The Tale of the Kalmyk Woman. In: Khoninov M. V., Khaninova R. M. The Hour of Speech. Verses, Poems, Translations. Elista: Dzhangar, 2002. Pp. 45–79. (In Russ.)
- Kilganova Z. 'Steppe is with me wherever I go...'. *Sovetskaya Kalmykia*. 1972, December 9. P. 3. (In Russ.)
- Lee Jeong Hyeon. From 'burdensome secret' to 'second ballad': perforated strategies of symbolist and post-symbolist ballad. In: Darvin M. N., Fedunina O. V. (eds., comps.) Memory of a Genre as a Phenomenon of Unity and Consistency of Literary Development. Collected Scholarly Papers. Moscow: Editus, 2018. Pp. 79–84. (In Russ.)
- Lidzhiev A. B. Prophetic Dreams of Kalmyks: Images and Symbols. Elista: Kalmykia News Agency, 2021. 208 p. (In Russ. and Kalm.)
- Luvsandendev A. (ed.) Mongolian-Russian Dictionary. Moscow: State Publ. House of Foreign and Soviet National Languages, 1957. 715 p. (In Mong. and Russ.)
- Magomedova D. M. Genre model of poem in N. Tamarchenko's works: a case study of unpublished materials. In: Darvin M. N., Fedunina O. V. (eds., comps.) Memory of a Genre as a Phenomenon of Unity and Consistency of Literary Development. Collected Scholarly Papers. Moscow: Editus, 2018. Pp. 10–17. (In Russ.)
- Mankov A. The worthy book. *Khal'mg ünn*. 1971, October 22. P. 3. (In Kalm.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Ochirov V. Poem and its folklorism. In: Kalmykia's Contemporary Literature and Challenges of Its Ideological/Artistic Development. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1987. Pp. 64–81. (In Russ.)
- Polyakov N. About peace and war. *Sovetskaya Kalmykia*. 1972, September 2. P. 3. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. Kalmyk and Xinjiang Oirat Versions of the Jangar Epic: Index of Themes. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2013. 276 p. (In Russ.)
- Suseev A. The Ballad of Civic Duty. In: Suseev A. I. Selected Works. Poems and Verses. Elista: Kalmyk Book Publ., 1975. Pp. 189–198. (In Russ.)
- Susen A. Semen Nimgirov. In: Susen A. My Friend, Remember. Poems and Verses. Elista: Kalmyk Book Publ., 1965. Pp. 26–33. (In Kalm.)
- Telitsyn V. L. (ed.) Symbols, Signs, Emblems: Encyclopedia. Moscow: Lokid-Press, 2003. 495 p. (In Russ.)
- Tsvetkova N. Kindness and Light. *Ogonek*. 1971. No. 23. P. 9. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. Kalmyk folktales collected by I. I. Popov: cumulative images revisited. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center (RAS)*. 2017. No. 3. Pp. 139–151. (In Russ.)
- Uzdenova F. T. Poem: the shaping of concept in Russian literary studies. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology*. 2009. No. 1. Pp. 171–176. (In Russ.)

РЕЦЕНЗИИ

УДК / UDC 294.3 (517.3)

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-168-177

Рец.: Yu. Ishihama, M. Tachibana, R. Kobayashi, T. Inoue. The Resurgence of «Buddhist Government»: Tibetan-Mongolian Relations in the Modern World. Osaka: Union Press, 2019, 242 + xiv pp.¹

Сергей Львович Кузьмин¹

¹ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 108031 Москва, Российская Федерация)

доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-9544-1359. E-mail: ipe51@yahoo.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Кузьмин С. Л., 2021

Для цитирования: Кузьмин С. Л. Рец.: Yu. Ishihama, M. Tachibana, R. Kobayashi, T. Inoue. The Resurgence of «Buddhist Government»: Tibetan – Mongolian Relations in the Modern World. Osaka: Union Press, 2019, 242 + xiv pp. // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 1. С. 168–177. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-168-177

Book review: Yu. Ishihama, M. Tachibana, R. Kobayashi, T. Inoue. The Resurgence of “Buddhist Government”: Tibetan-Mongolian Relations in the Modern World. Osaka: Union Press, 2019, 242 p. + xiv pp.

Sergius L. Kuzmin¹

¹ Institute of Oriental Sciences of the RAS (12, Rozhdestvenka St., Moscow 108031, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Ph. D. (Biology), Leading Research Associate

 0000-0001-9544-1359. E-mail: ipe51@yahoo.com

© KalmSC RAS, 2021

© Kuzmin S. L., 2021

For citation: Kuzmin S. L. Book review: Yu. Ishihama, M. Tachibana, R. Kobayashi, T. Inoue. The Resurgence of “Buddhist Government”: Tibetan – Mongolian Relations in the

¹ Ю. Исихама, М. Тачибана, Р. Кобаяси, Т. Иноуэ. Возрождение «буддийского правительства». Тибето-монгольские отношения в новом мире. Осака: Юнион Пресс, 2019, 242 + xiv с.

Modern World. Osaka: Union Press, 2019, 242 p. + xiv pp. *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13(1): 168–177. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-168-177

В последние годы наблюдается рост тибетологических исследований. В Японии такие исследования ведутся уже давно. Их результаты были опубликованы в основном на японском языке. В связи с этим появление обобщающей книги на английском представляет особый интерес. Данная монография посвящена анализу ряда вопросов международных отношений Тибета, Монголии, империи Цин, России, США и Японии.

Книга содержит благодарности, заметки по транслитерации тибетских и китайских слов, списки иллюстраций и таблиц, данные об авторах, введение, девять глав, глоссарий, библиографию, индекс и приложения.

Во «Введении» (автор — Ю. Исихама) дан краткий обзор становления школы тибетского буддизма Гэлуг и ее влияния на монголов. Отмечается, что в XVI в. эта школа быстро распространилась по восточному Тибету и среди халха-монголов, а в XVII в. — также среди маньчжуров; в источниках относительно тибетских, монгольских и маньчжурских аристократов часто используется термин «буддийское правительство», или «буддийское правление» (англ. Buddhist government). Так автор переводит тибетское сочетание *чойсид*, соответствующие ему монгольское *төр шашин* и маньчжурское *доро шажин*. По смыслу и контексту это верно. Но точный перевод с тибетского означает лишь «религиозное (дхармическое), мирское (политическое)», а точный перевод с монгольского — «религия (Дхарма), государство (власть)». Теократическое правление в Тибете обозначалось как *чойсид ньи дан Чос срид гнйис лдан* («[владеющий] религиозным (дхармическим) и мирским»), в Монголии — *шашин төрийг хослон баригч* («державший вместе религию (Дхарму) и государство (власть)»).

Отмечается, что маньчжурский хан Хунтайджи в 1636 г., меняя название маньчжурского государства на Дайцин (Великая Цин), подчеркивал преемственность от «буддийского правительства» династии Юань путем получения того, что тогда считалось печатью этой династии, а также построив в Мукдене храм для статуи Махакалы, приписываемой Пхагпа-ламе — «наставнику государства» Юань. С таким конструктом можно согласиться частично: юаньские императоры покровительствовали буддизму на основе принципа «наставник – покровитель», связывавшего их с высшими ламами. Но все-таки власть императоров распространялась на мирское, а власть лам — на религиозное. «Буддийским правительством» можно считать теократическую власть глав тибетской буддийской школы Сакья над Тибетом, которые были «наставниками государства» Юань.

Автор справедливо указывает, что после того, как монгольский (ойрат-хошутский) Гуши-хан в 1642 г. победил тибетского Цанпа-хана, в Тибете было три политических силы: Далай-лама, его регент и Гуши-хан, но политическая власть принадлежала лишь Далай-ламе, а два других находились в его подчинении. Далее подробно рассказывается о связях Далай-лам с тибетцами и монголами. Описываются междоусобные войны монголов, походы джунгаров в

Тибет. Автор показывает, что цинское вторжение в Тибет в 1720 г. нельзя считать «китайским завоеванием Тибета». Со ссылкой на работу Ока (1992) сообщается, что после третьей инкарнации Джебцзундамба-ламы (высшего ламы Внешней Монголии) цинский император Цяньлун установил правило, что последующие инкарнации следует находить только в Тибете. Но надо отметить, что еще А. М. Позднеев [[Позднеев 1880: 14](#); [Позднеев 1896: 552](#)] указывал, что письменного распоряжения императора на этот счет нет, несмотря на слухи о наличии. Далее описано развитие тибетского буддийского мира в новое время. «Введение» заканчивается обоснованием целей и структуры книги.

Глава 1 «Нарастающий разрыв между Далай-ламой и Джебцзундамбой. Конфронтация между всеобщей и местной церковью» (Ю. Исихама) посвящена пребыванию Далай-ламы XIII в Монголии (1904–1906 гг.) и сведениям о его отношениях с религиозным главой Внешней Монголии — Джебцзундамба-хутухтой VIII. Источниковую базу составили в основном четыре китайских книги документов, Архив британского Форин-офиса, статья П. К. Козлова, который встречался с Далай-ламой (но не с Джебцзундамбой), и некоторые документы известного сборника ([Россия и Тибет 2005](#)), посвященного тибето-российским (но не тибето-монгольским) отношениям. С Далай-ламой и его окружением в Монголии поддерживали контакты российские военные и чиновники, вследствие чего в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) и в Монгольском государственном национальном архиве (МУУТА) есть много важных документов на эту тему, но они в данной главе почти не использованы.

Подробно описаны обвинения, которые выдвинул шанцзотба (казначей) Джебцзундамба-хутухты против окружения Далай-ламы, и ответные тибетские претензии, в частности «проблема с тронном», когда, согласно документам, приближенные Джебцзундамбы потребовали, чтобы во время религиозной церемонии его трон был выше, а не ниже трона Далай-ламы, а приближенные последнего ответили отказом, в результате первые сломали трон Далай-ламы [[Ishihama et al. 2019: 24–26](#)]. Этот факт трактуется автором так: «Поскольку Далай-лама почитался как бодхисаттва... если люди находили что-то плохое в отношении Далай-ламы, они винили в этом не Далай-ламу, а его окружение или родственников», после чего приводится в пример случай из XVIII в. «Вкратце, обвинение казначея Джебцзундабы против окружения Далай-ламы было эквивалентно обвинению Джебцзундамбы против Далай-ламы» [[Ishihama et al. 2019: 24–25](#)]. Для этого вывода приводимая в работе источниковая база недостаточна. Более того: получается, что в случае любых обвинений в адрес окружения высших лам всегда виноваты сами эти ламы, а не их окружение... С этим трудно согласиться. Вероятно, автору стоило бы обратить внимание на монгольский документ 1905 г. с опровержением претензий к Джебцзундамбе, на основании которого разногласия были урегулированы, не так давно опубликованный в Монголии [[Өлзийбаатар, Дашням 2012: 51–58](#)].

Автор анализирует фрагмент из биографии Далай-ламы XIII: правительство Халхи и правительство Тибета (Ганден Подранг) состоят в отношениях «наставник – покровитель» (что странно: «покровителем» Тибета скорее можно считать цинского императора, чем власти Халхи, подчиненной этому

императору); отношения Далай-ламы и Джебцундамбы — это отношения «учитель – ученик»; Джебцундамба разрушил трон Далай-ламы, нарушив традиции; он злословил на Далай-ламу и т. д. Интересно, что к одному из обвинений — Джебцундамба курил в присутствии Далай-ламы — автором добавлено в скобках: «вероятно, опиум» ([Ishihama et al. 2019: 27] — без ссылки на источник; документами это не подтверждается). Однако не использован отзыв приближенного к Далай-ламе XIII Агвана Доржиева (опубликован на русском в 2010 г.), который сопровождал Далай-ламу и, кроме того, знал Джебцундамба-хутухту VIII. Согласно А. Доржиеву, напряженность создавали «некоторые лица», а Джебцундамба гостеприимно встречал Далай-ламу (подробнее см.: [Дамдинов, Чимитдоржиев 2010: 53]).

Приводится известная история связей линии перевоплощений Джебцундамбы с Тибетом и его отношений «ученик – учитель» с Далай-ламой и Панчен-ламой. Религиозная и светская власть Далай-ламы над Тибетом почему-то противопоставляется тому, что «Джебцундамба не был даже правителем Тушэтуханского аймака» [Ishihama et al. 2019: 28] Халхи.

Говоря о бегстве Далай-ламы в Монголию, автор справедливо отмечает, что в первое время после этого отношения первосвященника с цинским императором были приостановлены. Однако вывод о том, что «цинский император встал на сторону не Джебцундамбы, а Далай-ламы» [Ishihama et al. 2019: 29] не подтверждается документами АВПРИ. Кроме того, судя по этим документам, вряд ли можно говорить о приверженности монгольских феодалов одному из двух иерархов в ущерб другому. Далее автор выдвигает интересную гипотезу (хотя и не подтвержденную документами), что причиной джунгаро-халхаской войны 1686 г. было то, что на мирных переговорах Джебцундамба I сел на трон той же высоты, что и представитель Далай-ламы — настоятель тибетского монастыря Ганден.

Далее приводится краткий «синопсис» известных обвинений в адрес Джебцундамбы из статьи П. К. Козлова и некоторых посланий Яньчжи — цинского амбана (резидента) в Урге. Эти обвинения обсуждаются не критически и без учета показавших их бездоказательность недавних исследований [Кузьмин 2014: 33–39]. Автор отмечает лишь «изучение возможности» встреч обоих иерархов в Урге. Однако эти встречи — факт. В целом документальные сведения из российских и монгольских архивов складываются в картину интриг в окружении Джебцундамба-хутухты VIII, режиссированных из Пекина и направленных на раскол между обоими иерархами и удаление Далай-ламы XIII из Монголии. Их приближенные «подставили» Джебцундамбу, и он попал в сложное положение, что и стало причиной недоразумений, которые, однако, были успешно разрешены.

С некоторыми выводами этой главы трудно согласиться. Документы не подтверждают «конфронтацию между всеобщей и местной церквями». «Пребывание Далай-ламы в Монголии духовно и пространственно заставляло всех последователей тибетского буддизма объединяться в один народ через национальные границы. Но эта ситуация была проблематична для Джебцундамбы и князей Халхи, поскольку они поддерживали планы интронизировать Джебцундамбу и объявить независимость Монголии в некое время. С другой

стороны, они впечатлялись силой религии, которая действовала, невзирая на границы. Но, с другой стороны, они были обеспокоены плохой репутацией будущего царя, что произошло вследствие существования безгрешного Далай-ламы» [Ishihama et al. 2019: 29].

Документы Архива внешней политики Российской империи показывают, что идея объединения тибетцев и монголов в единое союзное государство возникла у монголов — в том числе князей Халхи — в период пребывания Далай-ламы в Монголии и тогда же исчезла, так как не удалось получить поддержку России. Документально не подтверждено, что идея интронизации Джебцзундамбы монархом существовала уже в то время. Его «плохая репутация» — искусственный конструкт, не документированный фактами.

Но в целом заключение к главе представляет интерес в аспекте обобщения ряда исторических материалов. Сделано несколько точных выводов, например, вывод о том, что при цинской системе потомки Чингис-хана были ограничены в своих перемещениях и во власти личными уделами, поэтому князья потеряли возможность объединить монголов, и реалистичным решением для них была интронизация обладавшего религиозной властью Джебцзундамбы, причем важную роль в этом сыграло пребывание Далай-ламы в Монголии в 1905 г.

Глава 2 «Эмиграция и дипломатия Далай-ламы XIII (1904–1912). Тибет встречается с Соединенными Штатами и Японией» (Р. Кобаяси) в значительной мере построена на архивных материалах Японии и некоторых других стран. Интересно, что во вступительном слове автор упоминает лишь работы, где вопрос о независимости Тибета объясняется маневрами России и Британии для раздела Китая, или работы, где он объясняется «Большой игрой». Стремление самих тибетцев к независимости не упоминается. Подробно обсуждаются контакты американского посланника в Пекине В. В. Рокхилла и японского монаха Терамото Энга с Далай-ламой XIII. С Рокхиллом он впервые контактировал в Урге в 1905 г., с Терамото — в монастыре Кумбум (Амдо) в конце 1906 г. Интересно, что, по мнению Терамото, тибето-российское сближение может привести к проникновению России на цинскую территорию и будет угрожать безопасности Японии. По его мнению, надо достичь альянса «буддийских стран»: Японии, Китая и Тибета против России. Подробно описываются обсуждения тибетского вопроса в японских официальных кругах. Интересна таблица, в которой по датам приводятся встречи Далай-ламы XIII на горе Утайшань с разными лицами с указанием их постов (Э. Терамото, В. В. Рокхилл, К. Г. Маннергейм, И. Я. Коростовец и др.), с особым вниманием к встречам с Рокхиллом и Терамото. Рокхилл стремился вовлечь Тибет в международные соглашения по Тибету между Россией, Великобританией и империей Цин. Постепенно Далай-лама и А. Доржиев стали считать Британию не врагом, а возможным сторонником Тибета в борьбе против Китая. Подробно описана дипломатия Далай-ламы XIII в отношении Японии. Тибет не только пытался развивать отношения с Японией, но и создать многостороннюю коалицию для борьбы с империей Цин. В период Синьхайской революции 1911 г. Далай-лама рассматривал Китай как главную опасность для Тибета, описывал войну с Китаем на востоке Тибета,

просил Японию повлиять на Китай для вывода его экспедиционных войск. Однако попытки получить помощь Японии были безуспешны.

Глава 3 «Возобновление связи в тибетском буддийском мире. Калмыцкие паломничества в конце XIX – начале XX в.» (Т. Иноуэ) посвящена изучению влияния паломничеств калмыцких буддистов на эти связи. Обсуждается динамика таких паломничеств с XVIII в. и причины длительного, более 100 лет, перерыва в них. Глава построена на изучении материалов восьми российских архивов. Данные о различных паломничествах излагаются и обсуждаются детально.

Глава 4 «Расставание с цинским императором и принятие нового титула» (Ю. Исихама) посвящена анализу событий 1909 г., когда Далай-лама XIII официально разорвал отношения с Цинской династией путем принятия нового титула вместо полученного Далай-ламой V в 1653 г. от императора Шуньчжи. С 1913 г. Далай-лама XIII прекратил также новогодние молитвы за долголетие императора и процветание его правительства (раньше его молитвы за это сопровождалась молитвой за тибетское правительство, которая теперь не прекратилась). Источниковую базу составило собрание произведений Далай-ламы XIII. Подробно обсуждаются титулы, дававшиеся разным инкарнациям Далай-ламы цинскими императорами и монгольским Алтан-ханом. Приведена таблица дословного сравнения титулов Далай-ламы на китайском, монгольском, тибетском и маньчжурском языках. Автор указывает различия: китайская версия означает, что титул дарует цинский император, а в тибетской версии этого нет [Ishihama et al. 2019: 86–87].

Другая таблица содержит титулы, которые для себя указывал Далай-лама XIII [Ishihama et al. 2019: 89]. При своей интронизации Далай-лама провозгласил отношения «наставник – покровитель» с цинским императором. В 1904 г., после бегства Далай-ламы XIII в Монголию, его отношения с императором испортились, император «лишил его звания». Обсуждаются изменения титула после 1908 г. По возвращении в Тибет титул Далай-ламы XIII символизировал прекращение прежних связей с императором.

После провозглашения Китайской республики Далай-лама отверг титул, данный ему президентом Юань Шикаем в 1912 г., заявив, что его власть не даруется Китаем [Ishihama et al. 2019: 91–92]. Приводится таблица изменений формулировок молитв за тибетское и цинское правительства [Ishihama et al. 2019: 94–100]. В заключение автор делает точный вывод, что Далай-лама XIII использовал власть цинских императоров в период их силы, а после ухудшения отношений с ним и их попыток объявить цинский суверенитет над Тибетом решил «отойти от них».

Глава 5 «Коронация Джебцундамбы, смоделированная по интронизации Далай-ламы» (Ю. Исихама). Дается краткая история провозглашения независимости Монголии. Автор верно указывает, что это событие было результатом не «российского заговора», а неприятия цинской «новой политики». Указывается, что церемония интронизации тибетца Джебцундамба-хутухты VIII как хана Монголии следовала тибетской теории царя-бодхисаттвы, разработанной Далай-ламой V и принятой в Монголии и Маньчжурии. Описывается эта церемония.

Монгольские имена и термины сопровождаются транскрипциями тибетских слов, из которых они выводятся. Далее дается описание церемоний интронизации Далай-ламы XIII в 1895 г., означавшей его возведение теократическим правителем [Ishihama et al. 2019: 112–114]. Затем дан перечень 11 признаков сходства церемоний интронизации Далай-ламы и Джебцундамбы [Ishihama et al. 2019: 114–115]. Хотя значимость этих признаков различна, гипотеза автора представляется обоснованной: «Церемонии интронизации Джебцундамбы и Далай-ламы имеют много точек сходства в ритуальных процедурах и священных принадлежностях. Из этого становится понятно, что Джебцундамба смоделировал церемонию своей интронизации по более ранней церемонии интронизации Далай-ламы» [Ishihama et al. 2019: 115].

Далее приводятся признаки сходства согласно титулам Джебцундамбы, его первым указам и т. д. На основе этого сделан вывод, что новая титулатура Джебцундамбы как великого хана монголов соединяла титулатуру Далай-ламы и цинского императора. Заключается, что в 1911 г. ни Далай-лама, ни Джебцундамба уже не считали цинского императора подлинным царем-бодхисаттвой и чакравартином, как раньше, и, проведя свои церемонии интронизации, были намерены стать царями-бодхисаттвами и чакравартинами вместо утратившего эти функции цинского императора [Ishihama et al. 2019: 120]. Анализ, проведенный автором, интересен и важен. Выводы автора хорошо согласуются с нашими выводами о тибетских и индийских коннотациях легитимации теократической власти Джебцундамба-хутухты VIII [Кузьмин 2016: 88–108].

Глава 6 «Делегация Лунгшара и Британия в 1913 г. Фокусировка на письмах Далай-ламы XIII» (Р. Кобаяси). Обсуждается миссия доверенного лица Далай-ламы XIII — тибетского аристократа Лунгшара с 4 молодыми тибетцами (будущими студентами) в Лондон в 1913 г. Вместе с ним были посланы письма королю Георгу V, королеве Марии и министрам. Проведено археографическое исследование писем, даются история и обстоятельства их написания, перевода и т. д. (транскрипция и переводы даны в приложениях). Обсуждается письмо Далай-ламы Николаю II через А. Доржиева. В связи с подписанием Русско-английского соглашения 1907 г., Далай-лама старался склонить обе страны к ревизии этого соглашения, и в то же время искал помощи других государств. Визит Лунгшара и письма Далай-ламы мало повлияли на британское правительство, но китайское проявляло по этому поводу озабоченность, хотя формально ее не заявляло, поскольку британское правительство не принимало делегатов во главе с Лунгшаром как официальных дипломатов.

Глава 7 «Переисследование Монголо-тибетского договора 1913 г. Его значение для современников» (М. Тачибана). В 1913 г. Тибет и Монголия заключили договор, которым признавали друг друга независимыми теократическими государствами. В рассматриваемой главе дается обзор ряда документов и публикаций по данному вопросу. Обсуждаются точки зрения разных авторов на юридическую силу этого договора. Озвучивается вывод, что стороны были правомочны подписать такой договор, и он был, таким образом, юридически действительным. Обсуждаются взаимоотношения Джебцундамба-хутухты и Далай-ламы во время его пребывания в Монголии в 1905 г. Обсуждаются текстологические особенности монгольского и тибетского вариантов договора.

Большое значение имеет специальный раздел, посвященный монгольским и тибетским терминам в договоре, означающим статус этих стран [Ishihama et al. 2019: 151–153].

На основании анализа монгольских, тибетских, российских, китайских, японских, английских и французских данных автор показывает, что указанные термины были выработаны на основе китайского перевода книги Г. Уитона «Элементы международного права» и однозначно обозначают независимость обеих стран. Заключается, что Тибето-монгольский договор 1913 г. имел для обеих сторон большое значение в подъеме их политического статуса. Автор делает верное заключение, что Россия не принимала участия в заключении данного договора.

Глава 8 «Тибетцы в Монголии. Монголо-тибетские отношения в начале XX в.» (М. Тачибана). В данной главе приводятся сведения о монголо-тибетских отношениях в то время и положении тибетцев во Внешней Монголии. В частности, анализируется значение вышеупомянутого договора 1913 г. для контактов Монголии с Тибетом и, в частности, для торговли и положения тибетских купцов. Последний вопрос обсуждается подробно в аспекте налогообложения. Описываются попытки Китая поставить под свою юрисдикцию тибетских купцов в автономной Монголии, а также дискуссии об их налогообложении после 1914 г. Заключается, что даже после Кяхтинского соглашения 1915 г., признавшего Внешнюю Монголию автономией под сюзеренитетом Китая, она продолжала рассматривать Тибет как государство и сохраняла за собой право управлять тибетцами, жившими в Монголии. После революции 1921 г. монголо-тибетские отношения стали ослабевать.

Глава 9 «Между Монголией и Тибетом. Цинхайские (кукунорские) монголы в начале XX в.» (М. Тачибана). В этой главе, посвященной малоизученной проблеме, анализируются отношения между монголами Кукунора и государством Монголия после провозглашения независимости в 1911 г. Об этих отношениях в Монгольском государственном архиве имеются тысячи документов. Обсуждаются монгольское движение за независимость и его влияние на кукунорских монголов, визит в столицу Монголии Намданчойхора — главы Левого крыла монголов Цинхая (Кукунора), влияние Кяхтинского соглашения 1915 г. на отношения Внешней Монголии и Кукунора. Заключается, что монгольский Богдо-хан стремился включить Кукунор в свое государство, и ряд князей оттуда ездил в его столицу. В итоге в Кукуноре после 1911 г. были два дзасака (правлящих князя), назначенных китайским правительством, и один — назначенный правительством Богдо-хана. В результате один из кукунорских хошунов (княжеств) был разделен между двумя правителями. Кроме того, на Кукунор оказывал влияние Далай-лама. Заключается, что для кукунорских монголов правительства Богдо-хана и Далай-ламы имели больше черт сходства, чем различий, имевшихся между народами Монголии и Тибета.

Далее в книге идут глоссарий, библиография и приложения. Эти приложения следующие: два письма Далай-ламы XIII к В. В. Рокхиллу, письмо Ламен Кемпо к Аоки Бункё; письмо Далай-ламы XIII японскому императору через Аоки Бункё; письмо Далай-ламы XIII королю Георгу V; письмо Далай-ламы XIII королеве Марии; письмо Далай-ламы XIII премьер-министру Англии;

письмо Далай-ламы XIII английскому комиссионеру по образованию; письмо тибетцев Урги в МИД Монголии; письмо «людей из Амдо» в МИД Монголии (факсимиле оригиналов, а также транслитерация Вайли тибетских текстов и их английские переводы); письмо Намданчойхора к Далай-ламе XIII (факсимиле оригинала, а также латинская транслитерация монгольского текста и его английский перевод).

В целом рецензируемая книга представляет собой ценное исследование малоизученного аспекта международных отношений во Внутренней Азии в начале XX в. Она написана в основном по документальным источникам, многие из которых ранее не были введены в научный оборот. Приводимые в приложении документы имеют и самостоятельное значение в качестве предмета для дальнейшего изучения. Неточность отдельных мест в некоторых главах вызвана недостаточным знакомством с российскими и монгольскими документальными материалами. Однако большинство выводов и трактовок представляет интерес и хорошо документировано. Данная книга является важным вкладом в востоковедение и, несомненно, вызовет большой интерес исследователей.

Архивы

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи, Москва.

МУУГА — Монгол Улсын Үндэсний төв архив (Центральный национальный архив Монголии), Улан-Батор.

Archives

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.

National Archives of Mongolia.

Литература

Дамдинов, Чимитдоржиев 2010 — *Дамдинов А. В. Чимитдоржиев Ш. Б.* Агван Доржиев — выдающийся религиозный и общественно-политический деятель. Улан-Удэ: Бэлиг, 2010. 76 с.

Кузьмин 2014 — *Кузьмин С. Л.* Пребывание Далай-ламы XIII в Монголии и планы провозглашения независимости // Известия Иркутского государственного университета. Серия: политология и религиоведение. 2014. № 9. С. 33–39.

Кузьмин 2016 — *Кузьмин С. Л.* Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века. М.: КМК, 2016. 496 с.

Позднеев 1880 — *Позднеев А. М.* Ургинские хутухты. Исторический очерк их прошлого и современного быта. СПб.: тип. Пантелеевых, 1879 (1880). 84 с.

Позднеев 1896 — *Позднеев А.* Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. Т. 1. СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1896. 696 с.

Россия и Тибет 2005 — *Россия и Тибет* / ред. Е. А. Белов. М.: Вост. лит., 2005. 231 с.

Өлзийбаатар, Дашням 2012 — *Өлзийбаатар Д., Дашням Г.* XIII Далай лам Түвдэн-жамц монгол дзорчсонуудалд (= К вопросу о путешествии Далай-ламы XIII в Монголию) // Монголын тусгаар тогтнол ба монголчууд (= Монгольская независимость и монголы). Улаанбаатар. 2012. С. 51–58.

Ishihama et al. 2019 — *Ishihama Yu., Tachibana M., Kobayashi R., Inoue T.* The resurgence of «Buddhist Government». Tibetan-Mongolian relations in the modern world. Osaka: Union Press, 2019. 242 p.

References

- Belov E. A. (ed.) Russia and Tibet. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. 231 p. (In Russ.)
- Damdinov A. V., Chimitdorzhiev Sh. B. Agvan Dorzhiev: The Eminent Religious and Sociopolitical Activist. Ulan-Ude: Belig, 2010. 76 p. (In Russ.)
- Ishihama Yu., Tachibana M., Kobayashi R., Inoue T. The Resurgence of “Buddhist Government”: Tibetan – Mongolian Relations in the Modern World. Osaka: Union Press, 2019, 242 p. (In Eng.)
- Kuzmin S. L. The 13th Dalai Lama in Mongolia and the plans of proclaiming independence. *The Bulletin of Irkutsk University. Series ‘Political Science and Religion Studies’*. 2014. No. 9. Pp. 33–39. (In Russ.)
- Kuzmin S. L. Theocratic Statehood and Buddhist Church in Mongolia: Early 20th Century. Moscow: KMK, 2016. 496 p. (In Russ.)
- Pozdneev A. M. Khutukhtus of Urga: A Historical Account of Their Past and Present Life. St. Petersburg: The Panteleevs, 1879 (1880). 84 p. (In Russ.)
- Pozdneev A. M. Mongolia and Mongols: Summarizing Outcomes of the 1892–1893 Journey to Mongolia. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1896. 696 p. (In Russ.)
- Ulziibaatar D., Dashnyam G. The 13th Dalai Lama’s visit to Mongolia revisited. In: Mongolian Sovereignty and the Mongols. Ulaanbaatar. 2012. Pp. 51–58. (In Mong.).

Научное издание

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

Монгол судлал

Mongolian Studies

(Elista)

2021. Т. 13. № 1

Главный редактор — Бакаева Э. П.

Дата выхода: 26.04.2021. Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 15,57. Тираж 100 экз. Заказ 02-21.
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06
E-mail: mongoloved@kigiran.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8